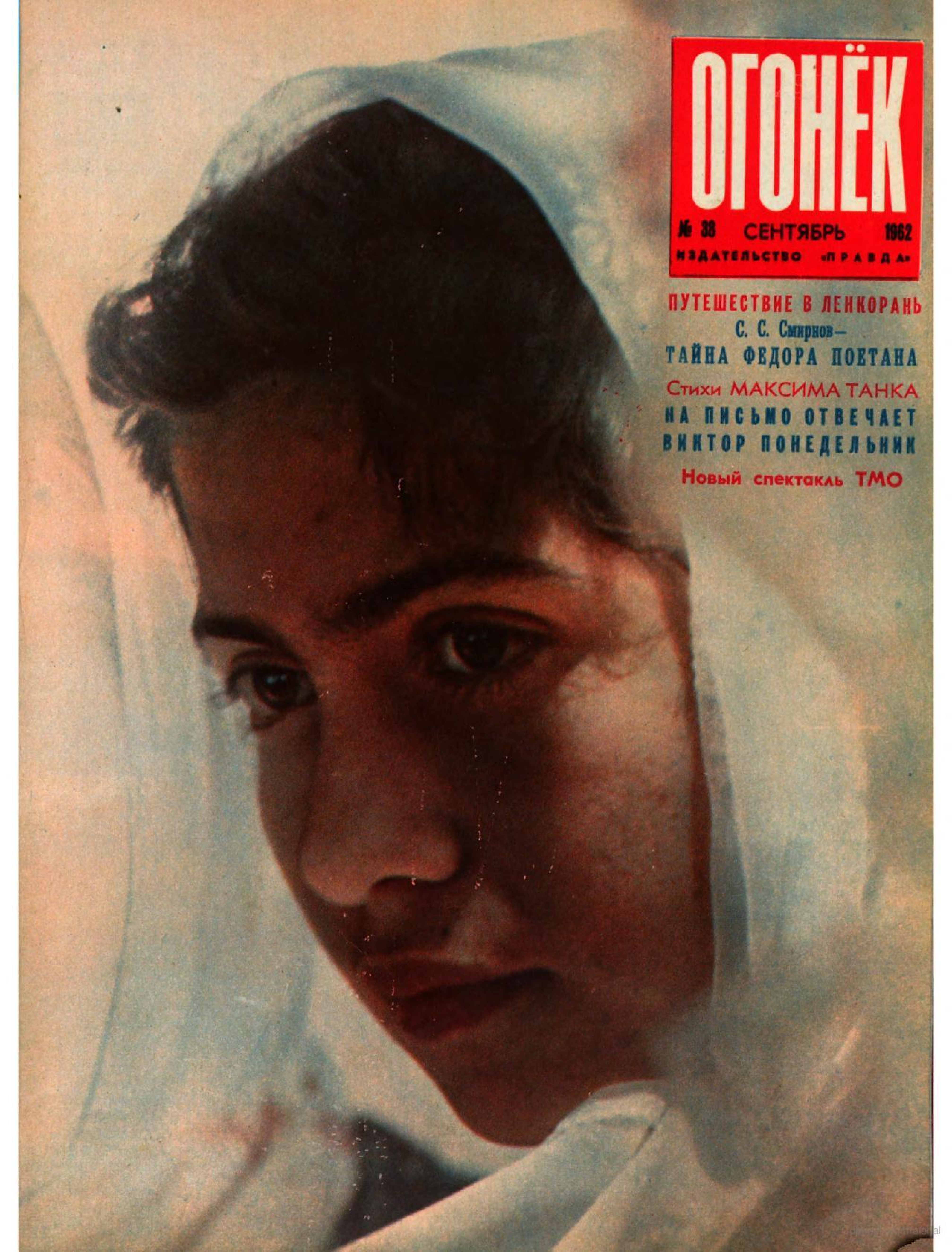

ОГОНЁК
№ 38 СЕНТЯБРЬ 1962
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
ПУТЕШЕСТВИЕ В ЛЕНКОРАНЬ
С. С. Смирнов—
ТАЙНА ФЕДОРА ПОЕТАНА
Стихи МАКСИМА ТАНКА
НА ПИСЬМО ОТВЕЧАЕТ
ВИКТОР ПОНЕДЕЛЬНИК
Новый спектакль ТМО

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 38 (1839)

16 СЕНТЯБРЯ 1962

40-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

На строительстве завода по производству полиэтилена в городе Гурьеве.
Фото М. НАЧИНКИНА.

УЧЕНЫЕ СОРОКА ЧЕТЫРЕХ СТРАН прибыли в советскую столицу на Всемирный симпозиум по высшему образованию, созванный по инициативе Всемирной федерации научных работников. На симпозиуме, продолжавшемся с 9 по 12 сентября, ученые обменялись мыслями о том, как совершенствовать работу высшей школы.

На снимке: группа участников симпозиума у здания Московского университета.

Фото В. КОШЕВОГО (ТАСС)

ДВЕСТИ МИЛЛИОНОВ ПУДОВ при обязательстве 180 миллионов. Так рапортовали труженики сельского хозяйства Волгоградской области.

На теплоходах и самоходных баржах по Волге зерно доставляют в Москву и другие города страны.

Девять тысяч пудов пшеницы засыпают в трюмы судов за один час работники Волгоградского элеватора.

На снимке: зерно грузят на теплоход у причала Волгоградского элеватора.

Фото С. КУРУНИНА.

НОВЫЙ МИРОВОЙ РЕКОРД УСТАНОВИЛ советский летчик Герой Советского Союза В. С. Ильюшин на самолете «Т-431». Он достиг высоты по базе 15—25 километров, что равно 21 километру 300 метрам. На данном участке была выдержана скорость 2 100 километров в час.

На снимке: друзья Герои Советского Союза В. Ильюшин и В. Махалин (слева).

Фото С. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО (ТАСС).

КУБА

ДА

«...Сейчас нельзя напасть на Кубу и рассчитывать, что это нападение будет безнаказанным для агрессора» —так сказано в Заявлении ТАСС, сделанном от имени Советского правительства. Американский империализм, готовящий опаснейшую для мира провокацию, получил серьезное предупреждение. Советский народ — верный друг героической Кубы — единодушно поддерживает позицию своего правительства.

Андриян Николаев в Чебоксарах — столице родной республики.

Специальные корреспонденты «Огонька»
А. ГОЛИКОВ, Ю. КРИВОНОСОВ,
Н. КОЗЛОВСКИЙ

РОДНЫЕ КРА

ЧЕБОКСАРЫ—ШОРШЕЛЫ

Клавдия Ивановна Семенова учила Космонавта-Три читать и писать.

Судостроители Мариинского Посада подарили земляку катер «Восток-3».

Хорошо рыбачить на Волге!

А уха-то получилась на славу!

Павел Попович и Александр Корнейчук на площади Богдана Хмельницкого.
Фото В. Башкатова и А. Куцана.

Космонавта-Четыре приветствует столица Украины.

...Я ВСТРЕЧАЮТ ГЕРОЕВ

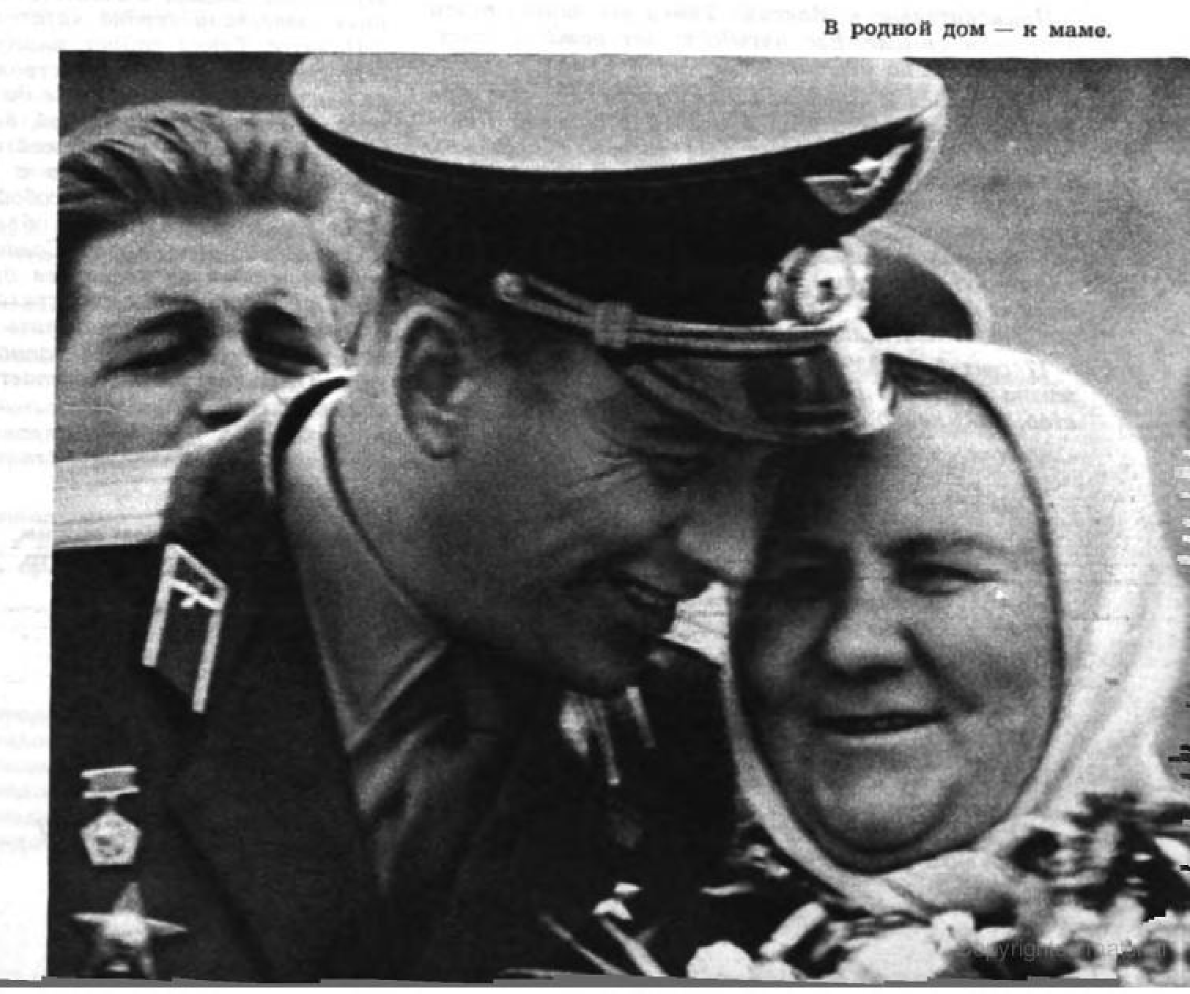
КИЕВ—УЗИН

Вот и состоялась встреча Павла Поповича с сестрой Надеждой.

Папина слава досталась и Наташе.

В родной дом — к маме.

Улыбки и цветы... Так встречал Копенгаген, столица Дании, советского космонавта Юрия Гагарина. Толстые пачки писем приносили почтальоны в советское посольство в эти «космические» дни. Их содержание — восхищение советской наукой, горячие приветы герою и его мужественным «небесным братьям».

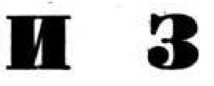

В Лондоне, на Трафальгарской площади, противники присоединения Англии к «общему рынку» устроили демонстрацию. На их плакатах было написано: «Англия — да, общий рынок — нет!», «Не продавайте Британию!» Английские правящие круги разрываются между желанием поддержать свой престиж в Европе, не оказаться на задворках франко-боннского союза и стремлением сохранить прочные связи со своими партнерами по Содружеству наций. Но англичане не без оснований опасаются, что эта политика руководителей страны обойдется им недешево.

ПО БЕЛУ СВЕТУ

4 сентября министерство обороны Японии сообщило, что в порту Иокагама выгружены американские ракеты типа «Ника-Аякс». Эти ракеты предполагается установить вокруг Токио. Реакция японского народа последовала тотчас. Около военных американских складов состоялся митинг. Его лозунгом было: «Янки, убирайтесь домой!» →

И З Н

Читатели, любящие взволнованную, по-юношески щедрую поэзию Максима Танка, вероятно, будут удивлены, узнав, что ему исполняется пятьдесят лет. Но это так!

Существует весьма распространенная юбилейная шутка: друзья, принося поздравления, уверяют виновника торжества, что ему не пятьдесят, а дважды двадцать пять.

Применительно к Максиму Танку это звучит почти в прямом смысле. Его пятьдесят лет резко и отчетливо делятся на две части.

Родившийся в Западной Белоруссии 17 сентября 1912 года, он долго жил в условиях панской Польши, где белорусский язык был загнан в подполье. С юношеской поры Танк принял участие в революционном движении. Стихи, составившие его первую книгу, он написал в виленской тюрьме Лукишки и опубликовал в нелегальном рукописном журнале «Краты» («Решетки»). А книга называлась «На этапах» и по выходе в свет была конфискована. Такая же участь постигла и поэму Танка «Нарочь».

17 сентября 1939 года стало первым днем новой жизни Западной Белоруссии. Конечно, то обстоятельство, что именно в этот день поэту исполнилось двадцать семь лет,— случайное совпадение. Но эту дату Танк вправе считать днем своего второго рождения.

Он стал советским поэтом. Свободным гражданином свободной страны.

Годы, последовавшие за этим, были годами вдохновения, роста, признания.

Поэма «Янук Селиба», написанная на фронте в дни Великой Отечественной войны, книги «Чтоб знали», «На камне, железе и золоте», «В дороге», «След молнии» завоевали сердца читателей.

Палитра Танка радует многообразием красок. Он естественно владеет множеством поэтических форм — от близких к народной песне до современного свободного стиха. От задушевной беседы вполголоса он легко переходит к ораторской интонации, а озорная улыбка соседствует у него с гневным пафосом. И всегда он остается самим собой.

За последние годы поэт объехал много стран. Он побывал в Европе, Китае, Соединенных Штатах Америки как один из посланцев дружбы и мира. И об этом он рассказал в своих стихах.

Лучший способ поздравить поэта — представить читателю его только что написанные строки. Редакция «Огонька» так и поступает.

Яков Хелемский

Максим Танк.

РОДНОЙ ЯЗЫК

Не только потому язык я выбрал этот,
Что говорят на нем дубравы, реки,
Колосья в поле, травы на лугу,
Густые камыши и птицы в гнездах,
Что легче стать, владея этой речью,
Певучей скрипкой, иволгой, поэтом.

Нет! Потому я выбрал свой язык,
Что породил он много песен грустных,
А мне хотелось влить в него иное:
Сверканье солнца, человечью радость.
И было мне труднее, чем другим,
На этом языке писать когда-то.

* * *

Звучит над выгоном, дорогой
Трубы пастушьей гулкий зов.
Плетется стадо крутрогих
Буренок и рябых быков.

И коль пастух сфальшивит,
сразу
Рога подняв, гудит вожак.
Бася, кося свирепым глазом,
Поправку вносит он — да так,

Что бор стихает стоголосый,
Восходит солнце в сизой мгле,
С деревьев опадают росы
И глохнут петухи в селе.

* * *

Три родника неутомимо бьют.
Из первого ключа деревья пьют.
Пьют из другой, крутой земной струи,
Свой голос промывая, соловьи.

Сильное землетрясение в Иране стоило жизни многим людям. Еще больше иранцев осталось без крова. На этом снимке — женщина, стоящая у обломков своего дома в деревне Бокен, недалеко от Тегерана.

Этот человек, скрывающий свои глаза за темными стеклами очков,— один из главарей французских фашистов, Жак Сустель. Снимок сделан в то время, когда Сустеля, задержанного итальянскими властями, выдворяли из Италии. После него такая же судьба постигла еще одного из руководителей фашистского движения во Франции, Жоржа Бидо. Оба руководителя бандитов из ОАС оказались нежелательными «гостями».

Фото ЮПИ, Джэпэн Пресс, английского журнала «Сфир».

ПИСЬМО СЕСТРЕ

23 августа 1927 года два итальянских эмигранта — сапожник Никола Сакко и рыболов Бартоломео Ванцетти — безвинно были казнены на электрическом стуле в тюрьме Чарльстон штата Массачузетс. Весь мир был взбудоражен этой людоедской расправой.

Началось с того, что 15 апреля 1920 года два неизвестных гангстера убили кассира и охрану одной обувной фирмы, захватив при этом 16 тысяч долларов. Полицейские розыски не дали положительных результатов. Тогдашний министр юстиции Пальмер нацелил следствие на итальянских политических эмигрантов, за которыми уже давно вела слежку американская политическая полиция.

Сестра казненного Ванцетти передала для опубликования в газету «Унита» его предсмертное письмо, адресованное ей и товарищам по революционной борьбе. Это письмо, публикуемое впервые, воссоздает чистый и мужественный облик стойкого и убежденного революционера 20-х годов. Оно звучит обвинением и против сегодняшней американской судебной машины, которая продолжает расправу над лучшими людьми в стране.

«Дорогие друзья, любимая сестра!

Я не виновен! Я могу держать голову высоко и прямо смотреть в глаза всем. Моя совесть чиста! Я умираю, как жил до сих пор, борясь за Свободу и Справедливость. О, если б я мог сказать всем людям мира, что я осужден не за то чудовищное преступление, которое мне приписывают! Никакой смертный приговор, никакой судья Тейер, никакой губернатор Фаллер, никакой реакционный штат, каким является штат Массачузетс, не в состоянии превратить невинного человека в убийцу. Мое сердце преисполнено любви ко всем, кто мне дорог. Как мне проститься с ними? Дорогие мои друзья, дорогие мои защитники! Вам все лучшие чувства моего бедного сердца, вам вся благодарность солдата, павшего за Свободу. Вы боролись преданно и мужественно. Неудача в этом правом деле — не ваша вина. Не отчаивайтесь! Продолжайте начатую борьбу за свободу и независимость Человека.

Моя дорогая сестра, какая радость была бы для меня вновь увидеть тебя и услышать твои милые слова любви и воодушевления! Но я полагаю, что было чудовищной ошибкой заставлять тебя пересечь океан, чтоб увидеть меня здесь. Ты не можешь себе представить, как мне будет мучительно видеть тебя присутствующей при моей агонии, вынужденной переживать муки, которые мне предстоит преодолеть.

Когда ты придешь в себя и к тебе вернутся силы, вернись в Италию к нашим близким. Им, как и нашим добрым друзьям, ты передашь мой последний привет любви и признательности...

Разве так важно, что ни один луч света, ни краешек неба никогда не заглянет в тюрьмы, построенные людьми для людей?

Знаю, что я страдал не напрасно. Вот почему несу свой тяжелый крест без отчаяния. Ведь скоро наступит время, когда брат не будет воевать против брата, дети больше не будут лишены солнца и зелени. И недалек тот день, когда хлеба будет хватать для каждого рта, крыш — для всех бездомных и счастья — для каждого сердца. Это будет торжество вашей и моей борьбы... О дорогие товарищи и друзья! Не оплакивайте мою смерть!

С безграничной любовью

Бартоломео Ванцетти».

...ОВЫХ ТЕТРАДЕЙ

Максим ТАНК

А третий, где мосточки деревянные,
Любуется моей соседкой Ганною.
Купается соседка молодая,
Глядится в воду, косы заплетая.
Ах, если б Ганне в этой быстрине
Я хоть разок привиделся на дне!

* * *

Солнце, достигнув зенита, отметило полдень.
Косы свои отложив, поспешили мы в тень,
В Неман душистого сена немедля нырнули,
В бездну соцветий и запахов, в шум
разнотравья,
В неповторимую музыку знойного лета.
Пошевельнуться боимся мы неосторожно,
Чтоб не нарушить мелодию вечную эту.
Ветер на цыпочках прошелестел над
прокосами,
Где-то комар свои тонкие струны настроил,
Голос пчела подает, в тишине пролетая,
Бронзовый жук ударяет в литые литавры,
Шмель басовито скликает шмелят озорных,
Ну, и, конечно, кузнечики мерно стрекочут.
Сколько в одной этой свежей, пахучей копне
Радостной музыки!
Мы ее слушаем долго,
Отяжелевшие руки свободно раскинув
И зачарованно глядя в просторное небо.
Так мы лежим, наслаждаясь, покуда опять
Не зазвенят, по работе соскучившись, косы.

Есть два часовщика в родимой вёске[1].
Один — в ботфортах желтых, как из воска,
И в белом фраке с огненными пóлами.
Другой — в высоких сапогах со шпорами
И в черном фраке в синюю полоску.

Но оба носят, несмотря на это,
Два алых, одинаковых берета.

В полночь, на птицеферме,
Среди студеной росы,
Время сверяет первый,
Второй сверяет часы.

— Двенадцать! — вовсю заливается черный.
— Куда-куда, кум, загнул? — возражает
белый.
— Двенадцать! — черный орет упорно.
— Без пяти! — сосед защищается смело.
— Двенадцать! — черный трубит в свои
горны.
— Без четырех! — не сдается белый.
— Двенадцать! — хрипит обозленно черный.
— Без трех! — раздается ответ ошалелый.

И так ежедневно
Не спят в деревне,
Пока не придут к соглашению
Певни.

* * *

Я знал людей, которые знали все.
И я завидовал им.
Я знал людей, которые не ошибались.
И я завидовал им.
Я знал людей, у которых всегда был ночлег.
И я завидовал им.
Я знал людей, писавших любимым
длиннющие письма.
И я завидовал им.

Теперь я знаю больше, чем раньше,
Ошибаюсь гораздо меньше,
Постоянный имею ночлег,
Посылаю любимой длиннющие письма
(Остающиеся без ответа).

Но я себе не завидую.

Две водосточных трубы скреплены
кое-как проводами.
— Химера...
Мрамора глыба, как знак вопросительный.
— Мира макет...
Гипсовый торс минотавра с подковою
ржавой.
— Венера...
Ключ трехметровый, висящий на стенде.
— Автопортрет...

Боже!
(Хоть давние счеты с тобою у нас, атеистов)
Как хорошо, что, когда ты творил этот свет,
Ты не привлек
Для создания женщины
Модных абстракционистов!
Кому бы сегодня
Принес я
Весенний букет?

Перевел с белорусского
Яков ХЕЛЕМСКИЙ.

[1] Деревня.

Урок музыкальной грамоты.

...ПЕРЕД ТОБОЙ ЛЕНКОРАНЬ!

Л. КАФАНОВА, Д. УХТОМСКИЙ

Взгляните на карту. На юге Азербайджана, слева от расплывшегося голубого пятна — Каспийского моря,— точка и надпись: «Ленкорань». Рассказывают, что в давние времена на этом месте был большой базар. Краснобородые купцы из Ирана привозили сюда диковинные товары, заключали сделки с торговцами Украины, Поволжья и Москвы. Закончив дела, иранские купцы не сразу уезжали домой, и потому местность эту назвали Ленкорань, что в переводе означает — место задержки. Так рассказывают, а сейчас...

Там, где был старый базар, стоит город с вытянувшимися рядами кирпичных домиков под красными черепичными крышами, с чистыми асфальтированными улицами, над которыми деревья образуют зеленые шатры. По сравнению с некоторыми индустриальными центрами Ленкорань может показаться городком маленьким и тихим...

Этот город просыпается рано: его будят рыбаки. В час, когда на багряные лучи еще не поднявшегося из-за Каспия солнца нанизываются, как клочки ваты, легкие облака, к причалу рыбозавода одно за другим пришвартовываются рыболовецкие суда. Ветер треплет поднятые из воды сети, по трапам взад и вперед снуют голые по пояс, в закатанных до колен брюках рыбаки. Они носят на деревянный помост ящики с рыбой. Бьются, переливаясь радужными красками, золотистые сазаны, серебристые судаки, зеленоватые воблы.

Председатель рыболовецкой артели «Победа» Ядулла Шабанов следит за разгрузкой, говорит со мной.

Рыбаки, проходя мимо нас, слегка замедляют шаг, посматривают на мой блокнот. Однако долго стоять им недосуг. Нужно освободить суда от улова, вычистить их, а чуть стемнеет — снова в море.

...Как-то внезапно, сразу, оживают улицы, наполняются людским говором. Женщины в шелковых шалях, с соломенными корзинами на головах идут — или, вернее, плывут: так легка и грациозна их походка — за покупками. Из калиток стайками — семьи здесь большие, по шесть-семь человек — выбегают ребятишки. Со всех сторон раздается приветливое «Селям алейкум!», и кажется, что в городе все знакомы друг с другом.

Девять часов. Звенят звонки в семи общеобразовательных школах Ленкорани, в педагогическом

К причалу пришвартовались рыболовецкие суда.

В новом кафе «Хазыр» — традиционный чай.

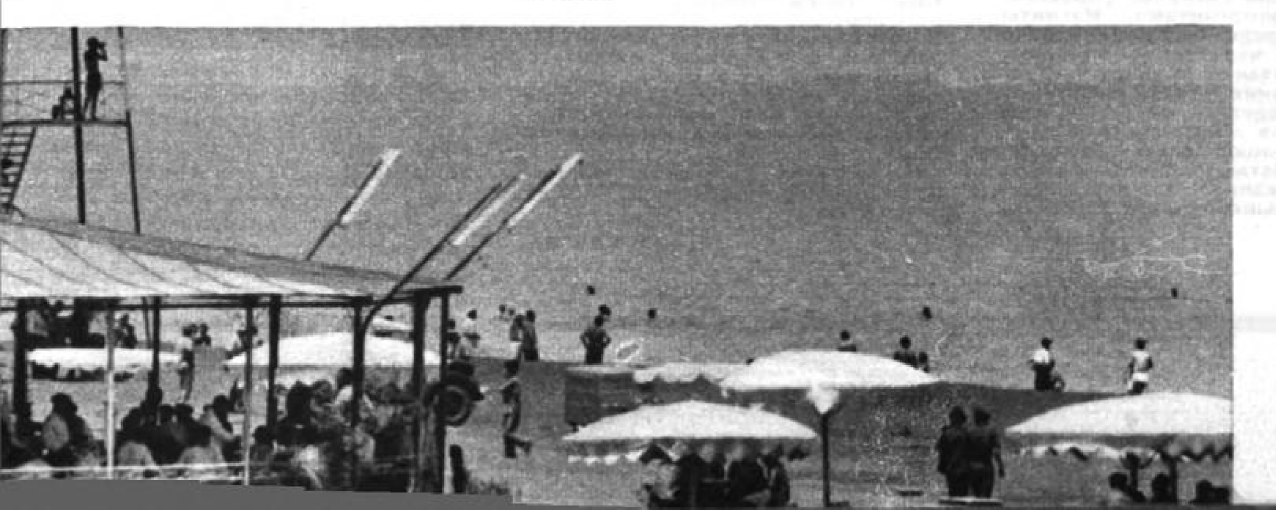
Женщины повсюду одинаковы.

Проходят практику в колхозе студенты Ленкоранского сельхозтехникума.

училище, в медицинском училище, в музыкальной школе-семилетке, в сельскохозяйственном техникуме. Это — одно из старейших учебных заведений города. Отсюда вышло немало прославленных агрономов, научных работников, руководителей колхозов.

— Еще недавно мы выпускали только специалистов по выращиванию субтропических культур, главным образом чая,— говорит директор техникума Д. Садыков.— Перед сельским хозяйством республики ставятся новые задачи, и мы теперь обучаем будущих зоотехников, механизаторов, и электрификаторов, и агрономов-плодоовощников. Ведь в нашем районе круглый год свежие овощи. В январе снимаем первый урожай капусты. И вы, наверное, слышали, что принято решение создать в Ленкорани большое овощное хозяйство.

Овощи... Заключенные в стеклянные банки, залитые пряным маринадом, двигались они по конвейеру. Подойдя к автоматическому зажиму, банки подпрыгивали, подставляя под его клещи свои широкие горлышки, покрытые жестяными крышками. Затем скатывались в бункер, как бы смирившись со своею участью — быть

Синее ласковое море, раскинувшийся на километры пляж. Соперничать Ленкорани с Сочи!

Вечером в парке звучит музыка, и молодежь спешит на танцы.

открытыми зимой где-нибудь в далеком северном городе.

В никелированных чанах кипело варенье, и его нежный аромат смешивался с острым кисловатым запахом томата, доносившимся из соседнего цеха.

Все это продукция Ленкоранского консервного завода, широко известная в стране. А рядом с заводом другие ворота — попробуй пройди мимо! — строительство мебельной фабрики. Строят по-современному. С цехами фабрики поднимаются жилые корпуса, ясли, столовая.

— А почему именно в Ленкорани строится мебельная фабрика?

Этот вопрос задевает за живое начальника строительства Исмаила Ахундова, человека, влюбленного в свой край, прекрасно знающего его историю. Глаза его загораются, руки сами собой взлетают вверх в патетическом жесте.

— Как «почему в Ленкорани»?! — почти кричит он.— А вы видели наши горы? Были в наших лесах? Дуб, бук, орех, граб... Сто пятьдесят девять декоративных пород. Вы еще узнаете, какую мебель мы будем выпускать: красивую, легкую, изящную. От покупателей отбоя не будет.

Жарко. В безоблачном небе, прикрывшись вуалью марева, висит солнце. В парке, над нардами, дремлют пенсионеры. В ресторане два официанта неторопливо обслуживают нескольких посетителей. Никто не заходит в новый двухэтажный универмаг. Молоденькие продавщицы перекладывают на полках товары. Они знают: затишье это временное, до тех пор, пока жара спадет. Бойкая торговля только у киосков с газированной водой. На главную улицу, гордо именуемую проспектом, выползает поливочная машина. И тотчас же невесть откуда взявшиеся мальчишки подставляют под холодные струи свои загорелые спины. Жарко...

— Вы уже побывали на Мишасу?

Этот вопрос в Ленкорани нам задают все. И слышится в нем желание поразить нас, сообщить нечто диковинное, невероятное. «Мишасу» — это значит «вода в лесу». Но не простая вода, а замечательная, целебная. Сероводородная вода с большим содержанием азота. Она помогает при радикулите, плексите, сердечно-сосудистых заболеваниях. Уже разработан проект большого курорта Мишасу. И тогда Ленкорань, пожалуй, поспорит с Сочи. Вода по своим качествам не уступает Мацесте. А море есть море, Каспийское, Черное — не все ли равно? Зато пляж в Ленкорани такой, какого не сыщешь на Черноморском побережье Кавказа: песок, ровное, гладкое дно. И хотя Ленкорань еще не город-курорт, пляж здесь благоустроенный.

Если с пляжа подняться вверх, пройти через железнодорожное полотно, то попадешь в царство цветов. Образуя фантастический ковер, стоят гвоздики от снежно-белого до пунцово-красного цвета, меланхолично приспустили чашечки лилии, из зеленой листвы выглядывают лиловые петуньи. Это Ленкоранский питомник, настоящая фабрика красоты, щедро рассылаемой в виде цветочных семян. Отсюда для украшения городских парков и улиц идут луковицы гиацинтов, нарциссов, лилий, семена гвоздики, лакфиоли, левкоя. В оранжереях выращиваются семена комнатных растений.

Наступает вечер. Во всех городах мира это — время развлечений и отдыха. И Ленкорань в этом смысле не является исключением. Люди принаряжаются. Молодежь спешит на танцы, в кинотеатры, мужчины постарше занимают столики в чайхане. Армуд — грушевидный стаканчик душистого терпкого чая — снимает усталость, проясняет мысли и располагает к степенной, услаждающей сердце беседе. Чайчи — приготавливающие чай, подобно футболистам или балеринам, имеют своих поклонников, которые никогда не изменяют им и ни за что не пойдут пить чай в другую чайхану.

А вот театра в Ленкорани нет, хотя раньше Ленкорань считался театральным городом. До войны здесь играла профессиональная труппа, где были народные, заслуженные артисты. Года два назад газеты писали об открытии в Ленкорани народного театра. Театр действительно открыли, сыграли несколько спектаклей, а потом он прекратил свое существование. Нет помещения, нет условий для серьезной работы, нет настоящего руководителя — энтузиаста, воспитателя. А жаль!.

Наступает вечер. Собирается на дежурство стрелочник станции Ленкорань Нурали Алиев. Его комнату украшают четыре грамоты, в которых сказано, что Алиев награжден ими за «активную и повседневную помощь в охране государственной границы Союза Советских Социалистических Республик». Всего лишь в тридцати километрах от Ленкорани проходит государственная граница с Ираном.

Ночь. Сменив на посту солнце, вышла в черное, утыканное звездами небо большая желтая луна. Тихо и безлюдно на улицах. Лишь собаки, выспавшись за жаркий день, отчаянно лают.

Историкам так и не удалось узнать, что же именно задерживало в Ленкорани иранских купцов. А вот жители Ленкорани очень хорошо знают, что привязывает их к родному городу: его звонкая красота, его воздух, пропитанный запахом моря и ленкоранской акации, работа, которой здесь непочатый край, и, наконец, прекрасное будущее, что строится сегодня руками ленкоранцев.

ЗАГАДКА КАМЕННЫХ МИКРОБОВ

«Каменные микробы». Такое неожиданное сочетание слов мы впервые услышали от палеонтолога Надежды Петровны Малаховой, доктора геолого-минералогических наук, старшего научного сотрудника Горно-геологического института Уральского филиала Академии наук СССР.

Десятки лет палеонтологи занимались их изучением. И была установлена интересная закономерность. Каждому пласту земной коры, где имелись морские отложения, соответствовал свой набор когда-то окаменевших микробов. Они как бы указывали на возраст того или иного земного пласта.

Ученые заметили, что каменные микробы определенного возраста встречаются в пластах, сопутствующих некоторым полезным ископаемым. Вот на это и обратила особое внимание Надежда Петровна Малахова.

Одним из первых объектов своего изучения она выбрала Азов-гору. Ее недрами давно заинтересовались ученые, геологи, горняки. Исследователи предполагали, что горным пластам, слагающим Азов-гору, не менее 400 миллионов лет.

И вот однажды на научном совещании Надежда Петровна Малахова сделала интересное сообщение: хозяйка горного Урала гораздо моложе, чем это представлялось ранее. Горным породам, где она хранит свои сокровища, не 400 миллионов лет, а двести.

Надежда Петровна обосновывала свое неожиданное для многих предположение наглядными «портретами» каменных микробов определенного возраста. Новые экспедиции по Южному и Среднему Уралу подтвердили догадку ученого. Всюду в пластах, которым старая наука определила возраст в 300—400 миллионов лет, встречались все те же «молодые», двухсотмиллионнолетние каменные микробы.

Гипотеза Н. П. Малаховой имеет непосредственное отношение к нашей жизни, к нашему народному хозяйству.

По сложившимся представлениям искать полезные ископаемые в «молодых» горных породах не имеет смысла. Открытие Н. П. Малаховой опровергает это утверждение. Долгое время, например, Сухоложский район считался совершенно бесперспективным. Но первые же разведки, начатые Малаховой, обнаружили там признаки медноколчеданных руд.

Ведутся обследования и других районов. Каковы будут результаты, покажет ближайшее будущее. Но если смелая гипотеза доктора Малаховой будет доказана, геологам придется заново составлять геологические карты, новыми глазами увидеть «омоложенные» богатства Урала.

Б. ДИЖУР

АВТОМАТИЧЕСКИЙ ШОФЕР

В США разработан проект автоматической электронной автострады, во время пробега по которой вождение автомобиля будет осуществляться автоматически, без участия водителя.

Система автоматического движения по электронной автостраде заключается в следующем: на обоих подъездах к автостраде будут расположены башни диспетчерского управления. Подъехавшая к автостраде машина указывает диспетчеру свой маршрут, после чего под машиной устанавливается электронный прибор-автоводитель, присоединяющийся к системе управления машины. Далее машина может следовать по названному маршруту на предельной скорости без какого-либо участия водителя и при полной гарантии безопасности движения. Добравшись до пункта назначения, водитель сдает контрольному диспетчеру электронный прибор и продолжает путь, пользуясь ручным управлением машины.

Как утверждают проектировщики электронной автострады, при такой организации движения водители машин смогут спокойно читать, беседовать или отдыхать в течение нескольких часов.

И. РОБИН

СЛЕПОЙ ОСЯЗАЕТ СВЕТ

Да-да, осязает! Такой прибор в помощь слепым разработал польский профессор Тадеуш Куликовский на кафедре телемеханики Вроцлавского политехнического института.

Сам аппарат осязания располагается на лобной части головы. Световые лучи попадают в оптическую камеру и преобразуются в электрические сигналы, управляющие электромагнитами. Магниты, в свою очередь, оказывают давление на лоб человека.

При испытании прибора уже после нескольких уроков слепой научился определять места расположения белых предметов и различных источников света. Польские ученые работают сейчас над усовершенствованием аппарата, а также уменьшением его габаритов и веса.

В. ПЕТРОВ

ВОЛШЕБНАЯ ЛАМПА

Едва наступает вечер, как в одном из фруктовых садов колхоза «Красный садовод», Тираспольского района Молдавии, включается несколько необычная лампа. Подобно сказочной лампе Аладина, она обладает волшебными свойствами. Человек не видит ее света, но насекомые — вредители фруктовых садов — прекрасно различают ее лучи.

Происходит это потому, что прибор испускает ультрафиолетовое излучение. Оно-то и служит приманкой для плодожорки и прочей вредной мошкары. Насекомые летят на призывный свет, наталкиваются на сетку, по которой проходит ток высокого напряжения, и погибают.

Конструкция этой установки разработана сотрудниками Института энергетики и автоматики Молдавской академии наук в содружестве с московскими учеными из Института биофизики Академии наук СССР.

Одна такая установка уничтожает вредных насекомых на 5—6 гектарах.

В. ВАСИЛЬЕВА

А. Пластов (Москва). КОГДА НА ЗЕМЛЕ МИР.

В. Гаврилов (Москва). СВЕЖИЙ ВЕТЕР.

Г. Ханджян (Ереван). СЕВАНСКИЕ РЫБАКИ.

«Огонек» рассказывает о неизвестных героях

С. С. СМИРНОВ

ТАЙНА ФЕДОРА

ПОЕТАНА

Эта история началась вдали от нашей родины, в горах Лигурии — под синим небом Италии, обетованной земли художников и поэтов.

Лигурия — одна из крупных областей на севере Италии, и ее столицей считается Генуя, важный европейский порт и большой промышленный центр. Этот город многочисленного и боевого рабочего класса издавна был известен в Италии своим свободолюбивым духом, и генуэзцы не раз поднимались на борьбу за права трудящихся. Одним из самых героических периодов в истории Генуи и Лигурии были годы итальянского антифашистского Сопротивления.

После нескольких лет бесславной войны на стороне гитлеровской Германии Италия в 1943 году свергла власть Муссолини. Немецкие войска оккупировали северные и центральные провинции. И тогда итальянский народ поднялся против оккупантов. В городах создавались подпольные антифашистские группы, в горах и лесах начали действовать партизанские отряды, соединения.

Лигурия была важным центром партизанского движения. В Генуе активно действовали группы подпольщиков-антифашистов. В окрестных горах сражались десятки партизанских отрядов, против которых немцы вынуждены были предпринимать непрерывные карательные экспедиции, не приносившие, впрочем, решительного успеха. А когда в 1945 году наступили дни окончательного разгрома фашизма, лигурийские партизаны, не дожидаясь подхода английских и американских дивизий, спустились с гор и с разных сторон подступили к Генуе. Они окружили и заставили безоговорочно капитулировать крупную группировку гитлеровских войск. Город был освобожден оружием партизан. За этот подвиг Генуя награждена высшей наградой в Италии — Золотой медалью. В центре города, на главной широкой улице, появилась большая мраморная доска, на которой золотом написаны имена погибших героев генуэзского Сопротивления. Это место для генуэзцев — святая святых. Сюда в дни народных праздников стекаются толпы горожан с букетами цветов, с венками. Итальянский город-герой справедливо гордится своим подвигом и свято чтит память бойцов, отдавших жизнь за свободу Генуи.

В годы Сопротивления почти во всех партизанских отрядах Италии сражались советские воины, бежавшие из гитлеровского плена, и многие из них навсегда остались лежать в итальянской земле. Итальянцы с трогательной заботой ухаживают за этими могилами, женщины постоянно украшают их цветами, а бывшие участники партизанского движения сохранили самую добрую память о своих советских боевых товарищах, как погибших, так и живых.

И повсюду в Италии можно услышать удивительные рассказы о партизанских подвигах, героические истории, главными действующими лицами которых являются неведомые то Иван, то Тарас, то Ираклий, то Ашот. Ветераны Сопротивления с восторгом рассказывают о советских людях, боровшихся бок о бок с ними на земле Италии, об их отваге и бесстрашии, об их презрении к смерти, упорстве и настойчивости в бою, о свойственном им высоком чувстве товарищества, долга, о том, как, сражаясь на чужой земле, оберегали они высокое звание гражданина СССР.

На всю жизнь запомнил я глубоко драматический эпизод тех дней, о котором однажды рассказали мне друзья в Генуе. По их словам, крестьяне в горах Лигурии до сих пор говорят об этом случае: вот пример того, с какой беспощадной, непримиримой и суровой требовательностью относились к самим себе советские люди, как хранили они в чистоте свое достоинство.

...Это было в одной из партизанских бригад Лигурии, в составе которой сражалось несколько десятков советских бойцов. Как-то один из них, будучи на отдыхе в деревне, напился, и пьяный совершил позорный акт мародерства.

И хотя раньше поведение этого человека было безупречным и он хорошо показал себя во многих боях, все же преступление его нельзя было оставить безнаказанным: оно бросало тень на всех партизан. Его решили судить по законам военного времени, и был создан трибунал, в который вошли шестеро итальянцев и шестеро советских людей.

Суд происходил в присутствии всей бригады. Обвиняемый стоял перед товарищами, низко опустив голову, не смея взглянуть им в лицо. Сначала выступали итальянские судьи, которые с возмущением говорили о поступке партизана и требовали для него строгого наказания: один предлагал изгнать его из бригады, другой — подвергнуть длительному аресту. Наконец слово взял один из советских судей, и все партизаны думали, что он будет сейчас просить снисхождения для своего соотечественника. Но тут произошло неожиданное.

Судья начал с того, что напомнил итальянцам, как в течение многих лет фашистская пропаганда клеветала на советских людей, на Советское государство.

— Теперь,— сказал он,— мы с вами стали боевыми товарищами, и вы сами могли много раз убедиться в том, как беззастенчиво лгали о нас. Мы подружились с вами за это время, и вы знали нас как честных людей, верных товарищей и смелых бойцов. Но вот один из нас совершил позорный проступок, он уронил честь и достоинство советского человека, запятнал репутацию партизана. Его преступление особенно тяжело потому, что он совершил его в чужой стране. И по жестокому и справедливому закону войны ему не может быть пощады.

Судья от имени всех своих товарищей потребовал, чтобы виновный был расстрелян. Все шесть советских судей остались непоколебимыми, хотя некоторые итальянцы спорили с ними, возражая против такого строгого приговора.

Тогда последнее слово дали обвиняемому. К общему удивлению, он не стал оправдываться и заявил, что понимает всю тяжесть своей вины и примет наказание безропотно, каким бы оно ни было.

Началось голосование. Один из итальянцев выступил за помилование, другой воздержался. Но остальные судьи, и прежде всего шестеро советских, проголосовали за смертную казнь.

На рассвете четверо итальянцев и четверо советских партизан привели приговор в исполнение. Осужденный встретил смерть спокойно и с большим достоинством. Перед расстрелом он оставил одному из товарищей адрес семьи.

— Прошу, напишите, что я погиб в бою. И последняя моя просьба к вам — не стреляйте в меня, стреляйте в воздух. Страшно погибнуть от рук своих, а ведь четыре пули убьют меня так же, как восемь. И если можете, ребята, простите, что я опозорил вас.

Его просьба была исполнена, и ни один из итальянцев не упрекнул своих русских товарищей в том, что их винтовки выстрелили в воздух.

Конечно, этот эпизод — необычный, исключительный. Итальянцы расскажут вам о героических подвигах советских людей в бою, об их отваге и ловкости, об их мужестве перед лицом гитлеровских палачей. Но, к сожалению, вам при этом, как правило, не смогут сообщить фамилии героя, а только назовут его имя. Поэтому, если даже партизан остался жив и вернулся на Родину, то по таким скудным данным будет необычайно трудно или просто невозможно отыскать его на огромных просторах нашей страны.

Вот о таком человеке, который доныне остается для нас неразгаданной тайной, я и хочу рассказать.

Есть в Генуе кладбище Стальено, раскинувшееся на большой площади по склону горы среди зеленого массива. Здесь издавна хоронили генуэзских богачей, и над их могилами знаменитые архитекторы и скульпторы Италии

воздвигали затейливые гробницы, статуи. Тут можно бродить часами, любуясь великолепными скульптурами, многие из которых имеют свою любопытную историю. Вам обязательно покажут здесь тончайшей работы мраморную статую, которая изображает во весь рост старуху со сморщенным лицом, в платье, отороченном кружевом, и со связкой баранок в руке. Это была мелкая торговка — всю жизнь она торговала на улицах Генуи орехами и баранками, и к старости ее охватило честолюбивое стремление во что бы то ни стало оставить потомству свой образ. Много лет из своих скудных сбережений она методически откладывала деньги и в конце концов скопила большую сумму, за которую еще при жизни знаменитый скульптор создал этот ее мраморный портрет. И вот уже много десятков лет скромно стоит «мраморная торговка» среди статуй надменных синьоров и богачей, словно она и действительно купила себе бессмертие у самого всемогущего волшебника на земле — у искусства...

На кладбище Стальено меня привез мой генуэзский друг Франческо Капурро — коммунист, человек лет пятидесяти, массивный, грузный, заметно прихрамывающий. Биография его такова, что о ней стоит хотя бы коротко рассказать. Бывший рабочий-шофер, а теперь хозяин бензино-заправочной станции, «капиталист», как мы, смеясь, его называли, Франческо был в годы Сопротивления смелым и отважным партизаном. Однажды с группой товарищей он был захвачен гитлеровцами в плен и расстрелян. Да, именно расстрелян — поставлен к стенке вместе со своими друзьями и прострочен из автомата. Пять пуль попали в него, одна из них — в голову, другая — в грудь. Сознание еще теплилось в нем, и он постарался притвориться мертвым. Но гитлеровский офицер, командовавший расстрелом, видимо, был опытным палачом и понял, что этот человек, быть может, еще жив, и решил добить его ударом приклада по голове. А через несколько часов после казни, весь окровавленный, Капурро все же сумел доползти до своих. Сейчас обо всем этом напоминают ему только пять шрамов на теле, рубец на голове, несгибающаяся нога да часто одолевающие его болезни. Но это не мешает Франческо быть человеком кипучей энергии, с каким-то особым, по-детски восторженным отношением к жизни. Пережив собственную смерть, он как бы вторично родился на свет. Самым святым и дорогим для него всегда остается память о годах партизанской борьбы, память о боевых друзьях, павших в эти грозные и славные годы.

Еще у входа на кладбище Франческо купил два больших красивых букета цветов. Быстрым шагом, сильно припадая на искалеченную ногу, он вел нас по длинным крытым галереям кладбища, равнодушно поглядывая на роскошные надгробия, стоявшие по обе стороны этих галерей. Лишь в одном месте Капурро на мгновение задержался, показав на мраморный барельеф над могилой какого-то своего дальнего предка — богатого генуэзского купца. Потом он вывел нас из галереи наружу, и перед нами открылось пространство, сплошь занятое длинными и ровными рядами могил.

Это было «Кампо делла глория» («Поле славы») — кладбище погибших партизан. Могилы заботливо обсажены цветами, и в изголовье каждой стоит прямоугольная мраморная плита, на которой высечены имя и фамилия, а иногда рядом вделана в мрамор фотография павшего.

Уверенно пробираясь меж рядов могил, Франческо остановился около одного холмика и, склонившись, положил на него цветы. С надгробной плиты на нас смотрела фотография черноволосого молодого человека с красивым

Могила Федора Поетана.

MEDAGLIA D'ORO AL VALOR MILITARE

conferita dal Governo Italiano alla memoria di FJODOR ALEKSANDER POETAN (Fjodor) di N. N., classe 1909, di professione fabbro, residente a Gorlow (Mosca), partigiano combattente della Divisione Pinan-Cichero, VI' Zona Operativa Ligure.

MOTIVAZIONE:

« Deportato russo in Italia fuggiva dal campo di concentramento tedesco, ove era internato, per raggiungere le formazioni partigiane cui l'univa l'istessa fede nei principi di libertà. Combattente esemplare per disciplina e per ardimento, durante un attacco in forze da parte del nemico si portava, consapevole ma incurante del certo sacrificio della sua vita, con una pattuglia da lui comandata a tergo del grosso della formazione avversaria, aprendo di sorpresa il fuóco e intimando a viva voce la resa. Il nemico sotto l'imprevisto e temerario attacco si sbandava arrendendosi.

Nell'epico episodio che costò al nemico molte perdite e molti prigionieri e che capovolse le sorti della giornata, cádde da valoroso per l'ideale della libertà dei popoli ».

(Cantalupo Ligure, 2 Febbraio 1945)

FJODOR ALEKSANDER POETAN

Декрет итальянского правительства о награждении Федора Поетана. Рядом — портрет героя.

благородным лицом. Это был лучший друг Капурро — Рино Мандоли, зверски убитый гитлеровцами. Франческо сохранил самую нежную память о своем безвременно погибшем друге, и фотография Рино Мандоли всегда на его столе в рабочем кабинете.

Постояв немного, Франческо снова стал пробираться между могилами и привел нас к другому холмику, на который так же торжественно положил свой второй букет.

— Вот,— сказал он нам, показывая могилу.— Это советский герой.

Мы подошли поближе. На верху мраморной плиты в овале бронзового лаврового венка была укреплена перенесенная на фарфор, видимо, старая и потертая фотография молодого человека в советской солдатской гимнастерке образца первых лет войны. Даже по фотографии чувствовалось, что это был человек сильный, крепкого телосложения, а весь облик его типично русский — открытый, прямой взгляд, широкий размах бровей, энергичный и смелый поворот головы. И как ни стара была фотография, сразу чувствовалось, что перед нами наш соотечественник — русский или украинец.

Под этой фотографией на мраморе были высечены буквы: «Золотая медаль. Федор Александр Поетан (Федор). Канталупо, Лигурия 2/2 — 1945».

Золотая медаль — высшая и очень почетная награда. Достаточно сказать, что в Италии генерал обязан первым отдавать честь солдату, награжденному Золотой медалью. Эту награду имеют очень немногие, и среди них нет иностранцев. Таким образом, человек, лежащий в этой могиле, был национальным героем Италии.

Кто же он, этот Федор Поетан, и какой подвиг совершен им?

* * *

Вот что мы знаем об этом человеке из материалов, опубликованных в итальянской печати, и из рассказов лигурийских партизан.

Федор Поетан, советский военнопленный, в 1944 году находился в гитлеровском лагере близ города Алессандрия, в нескольких десятках километров от Генуи. Узнав, что неподалеку, в горах Лигурии, действуют итальянские партизаны, Федор Поетан и несколько его соотечественников ночью неожиданно напали на часовых, обезвредили их и, забрав оружие, бежали из лагеря. 7 ноября 1944 года они пришли в партизанскую дивизию Пинан Чикеро и были зачислены бойцами в бригаду Орест, в отряд Нино Франки.

По рассказам его итальянских товарищей, Федор Поетан был высокого, почти двухметрового роста и отличался исключительной физической силой. Эта сила сочеталась в нем с большой природной добротой, хотя он, как говорят, был человеком несколько замкнутым, молчаливым, может быть, еще и потому, что не знал итальянского языка. К гитлеровцам он питал какую-то бешеную ненависть: видимо, слишком много пришлось перенести ему в немецком плену. Когда однажды два фашистских солдата, взятых партизанами в плен, выразили желание вступить в отряд, Федор Поетан горячо уговаривал командира не соглашаться на это. Он уверял, что гитлеровцы изменят при первом удобном случае, и был очень недоволен, когда его не послушались. Кстати, в этом случае Федор оказался прав: во время одной из карательных экспедиций немцев, когда положение партизан стало тяжелым, оба «добровольца» снова убежали к своим.

Рассказывают, что Федор Поетан сразу же показал себя дисциплинированным и исполнительным бойцом и что в нескольких боях проявил настоящую смелость и бесстрашие. Вместе с тем ему было свойственно удивлявшее его товарищей хладнокровие, которого он не терял в самые опасные моменты боя. Итальянские партизаны искренне полюбили этого русского и за могучее телосложение и высокий рост дружески прозвали его «гигантом Федором».

...Зимой 1945 года англо-американское командование во всеуслышание заявило, что приостанавливает наступательные действия до весны. Пользуясь этим, немцы сняли с фронта и перебросили в тыл несколько дивизий, начав широкие карательные экспедиции против партизан. Партизанские отряды с боями отходили все глубже в горы, гитлеровцы сжигали по пути деревни, зверски расправлялись с мирным населением. Положение партизан в некоторых провинциях Италии стало угрожающим.

В Лигурию тоже были стянуты большие силы, и враг старался взять партизан в кольцо, чтобы уничтожить их основные отряды. Бой, который разыгрался 2 февраля 1945 года у маленького городка Канталупо, был очень важным и в значительной степени решал исход всей карательной экспедиции немцев в этом районе.

Это случилось в широкой лесистой горной долине Валле Скривия, где действовала партизанская дивизия Пинан Чикеро. На рассвете 2 февраля колонна немецких грузовиков с солдатами въехала в эту долину и остановилась около моста, переброшенного через ущелье. Спешившись, отряд гитлеровцев — около двухсот человек — боевыми порядками двинулся по дороге к городку Канталупо. Враг был вовремя замечен, и партизаны подняты по тревоге. В район Канталупо послали отряд Нино Франки. Около полудня на дороге у окраины городка начался бой, долгий и ожесточенный. Под напором партизан немцы вынуждены были перейти к обороне, но крутой изгиб дороги и глубокий снег позволили им занять прочную позицию и отстреливаться в ожидании подкрепления. Попытки партизан приблизиться к окопам немцев оказывались тщетными: огонь противника был слишком плотным.

Все понимали: времени терять нельзя, к врагу может подоспеть помощь. И тогда поднялся во весь рост впереди партизан Федор Поетан. В несколько прыжков он оказался у поворота дороги, за которым залегли гитлеровцы, и, строча из автомата, громко, властно приказал им сдаваться в

плен. Все это было так дерзко и ошеломительно, что немцам показалось, будто их атакуют свежие силы партизан. Они прекратили огонь и один за другим стали поднимать руки. И вдруг раздалась автоматная очередь. Федор упал на снег. Но итальянцы, воодушевленные его смелостью, уже бросились вслед за ним, окончательно сломили сопротивление врага и обезоружили сдающихся в плен солдат.

Только часть немцев смогла уйти. Двенадцать убитых гитлеровцев и около пятидесяти пленных — таков был итог этой операции. Партизаны потеряли лишь одного человека — Федора Поетана, который ценой своей жизни добыл победу, по существу, означавшую провал немецкого плана окружить и уничтожить партизанские отряды в долине Валле Скривия.

Федор Поетан был убит наповал — пуля попала ему в голову. Товарищи с почестями похоронили его на кладбище в маленьком местечке Роккета, неподалеку от Канталупо, а позднее его прах торжественно перенесли на генуэзское кладбище Стальено. В марте 1947 года был опубликован декрет итальянского правительства: Федор Поетан награжден посмертно Золотой медалью Сопротивления. Так советский воин, героически павший в горах Лигурии, стал национальным героем Италии.

В партизанских архивах Лигурии хранятся очень скудные анкетные данные о Федоре Поетане. В них записано следующее: «Федор Александр (видимо, Александрович) Поетан, родился в 1909 году. Сержант артиллерии. По профессии кузнец. Житель Горлова (Москва)».

Вот и все, что известно об этом человеке. И, конечно, узнав его историю, я захотел попробовать отыскать следы Федора Поетана у нас на Родине, быть может, найти каких-нибудь его родственников, друзей, знакомых. Однако, когда я вернулся в Москву, в Советском комитете ветеранов войны мне сказали, что такие поиски уже проводились и остались безрезультатными. Единственной путеводной нитью для поисков Поетана было упоминание о его местожительстве: «Горлов (Москва)». Но оказалось, что под Москвой или в Московской области нет города или деревни с таким названием. Тогда сотрудники комитета подумали о крупном донбасском городе Горловке. Не следует ли искать следы героя именно там? Обратились к горловским архивам, опросили городских старожилов, но, к сожалению, никто не знал о Федоре Поетане, и эта фамилия нигде не значилась. На этом и пришлось прекратить розыски.

Но я решил возобновить поиски, надеясь на помощь читателей и радиослушателей. В прошлом они часто помогали мне находить неизвестных героев войны. Я несколько раз упоминал о Федоре Поетане в своих статьях, познакомил с его подвигом слушателей Всесоюзного радио, а в мае 1962 года подробно рассказал об этом человеке по Московскому телевидению. И это принесло уже некоторые, хотя и не окончательные, результаты, о которых я расскажу ниже.

Но давайте сначала проанализируем те немногие анкетные данные Поетана, которые есть в нашем распоряжении. Итак, судя по всему, эти данные занесены в тетрадь писарем отряда или бригады со слов самих партизан. После имени, отчества, фамилии и года рождения Поетана писарь поставил две буквы: «N N». Как мне объяснили, в Италии этими буквами обозначают людей, которые не знали своих родителей и воспитывались государством. Вполне возможно, что Поетан был сиротой и воспитывался в одном из наших детских домов. Но носил ли он фамилию своего отца?

Обычно, если ребенок попал в детский дом маленьким и ничего не знает о своих родителях, то ему придумывают какую-нибудь простую русскую фамилию. А фамилия Поетан — очень странная, редко встречающаяся. Она слишком сложна, чтобы быть придуманной, и не исключена вероятность, что это была его действительная фамилия. Возможно, его родители погибли во время первой мировой или гражданской войны, а может быть, умерли от голода или от тифа, которые в те годы унесли многие тысячи человеческих жизней. Но если это было так, то Федор Поетан, родившийся в 1909 году, к моменту смерти своих родителей был достаточно большим мальчиком, чтобы знать и свою фамилию и имя своего отца. Вполне вероятно, что он остался не один после смерти родителей и что у него были сестры или братья, которые тоже воспитывались в детских домах. Наконец, нетрудно подсчитать, что к моменту начала войны Поетану исполнилось 32 года. Он, вероятнее всего, был женат, а может быть, и имел детей. Поэтому уместно предположить, что в Советском Союзе живет кто-нибудь из родных Федора Поетана и уж, во всяком случае, есть люди, которые сталкивались с ним до войны: товарищи по работе, соседи по месту жительства и т. д. Уже это внушает кое-какие надежды на успех поисков.

В сведениях, составленных партизанским писарем, значится, что Федор Поетан был сержантом артиллерии. К сожалению, это свидетельство не дает нам нити для поисков, потому что если личные дела офицеров хранятся в Министерстве обороны, то пропавшего без вести сержанта так же трудно искать, как простого солдата. Мало что дает и указание на его гражданскую профессию — «кузнец». Оставался злополучный адрес — «Горлов (Москва)»,— который предстояло найти, если только итальянский писарь записал его правильно.

Должен сказать, что вначале я взял под сомнение и фамилию Поетан. Слишком уж непривычной, непохожей на русские, украинские или белорусские фамилии казалась она. А, судя по фотографии, герой явно принадлежал к одному из славянских народов нашей страны. Мне казалось вполне возможным, что фамилия Федора была Полетаев, Поликанов или еще как-нибудь в этом роде, а писарь-итальянец, не расслышав как следует, записал ее в тетрадь искаженно, на свой, итальянский манер. Однако некоторые письма, полученные мною от читателей и телезрителей, заставляют более осторожно отнестись к такому предположению. Я сейчас вполне допускаю, что фамилия Поетан могла быть настоящей фамилией нашего героя.

В июле 1961 года почтальон принес мне письмо, и, взглянув на его конверт, я сразу же насторожился. На конверте внизу стояла фамилия отправителя — Поета Н. Л. С нетерпением я вскрыл письмо.

«Слишком поздно попала в наши руки газета, в которой была напечатана Ваша статья «Герои рядом с нами»,— писал мне автор письма.— В этой статье Вы после поездки в Италию пишете, что итальянцы сообщили Вам о советском партизане, действовавшем в партизанской дивизии Пинан Чикеро неподалеку от Генуи,— Федоре Поетане, удостоенном высшей правительственной награды Итальянской республики — Золотой медали — и героически погибшем в 1945 году.

Вы пишете, что фамилия его, возможно, немного искажена. Поэтому мы решили обратиться к Вам и сообщить о советском человеке, на которого пришло в семью извещение о том, что он пропал без вести, о Федоре Поете.

Федор Андреевич Поета, рождения 1915 года, уроженец хутора Поеты, Подольского сельсовета, Варвинского района, Черниговской области УССР. Ф. А. Поета до войны работал колхозником, был призван на переподготовку в Советскую Армию в мае 1941 года и в первые дни войны в письме к жене писал, что едет в направлении Румынии бить врага. Возможно, что Федор Андреевич Поета попал в плен на Юго-Западном фронте, где действовали итальянские войска, и был угнан в Италию, где потом и принимал участие в партизанском движении. От него не было больше никаких известий.

Жена Федора Андреевича, Елизавета Лукинична Поета, проживает и работает в колхозе имени Ленина села Гурбинцы, Варвинского района, Черниговской области.

Просим вас сообщить в наш адрес, не найден ли другой человек, который партизанил в Италии, потому что нас очень интересует, не Федор ли Андреевич Поета действовал под именем Федора Поетана.

С уважением брат жены Ф. А. Поеты, Поета Николай Лукич».

Как раз осенью 1961 года мне предстояла длительная поездка в Италию в связи с работой над сценарием советско-итальянского фильма, и я надеялся во время этой поездки побывать в Генуе и попытаться собрать какие-нибудь дополнительные сведения о Федоре Поетане. Я написал сейчас же в село Гурбинцы, прося рассказать мне подробнее о Федоре Поете и прислать его фотографию. Все это я получил накануне моего отъезда в Италию. Николай Лукич сообщал мне подробности биографии Федора Поеты, описал его внешность. Это был человек средней комплекции, ростом 171—173 сантиметра, с темно-русыми волосами и голубыми глазами. К письму были приложены две старых и потертых фотографии, где был изображен очень молодой солдат. Эти снимки были сделаны еще в 1936—1937 годах, а позднейших фотопортретов Федора Поеты в семье не оказалось.

Итак, появились следы человека, который носил то же самое имя, что и погибший герой, а очень редкая, необычная фамилия которого отличалась от фамилии Поетан отсутствием всего лишь одной последней буквы. Уже это совпадение было интересным. Различие в отчествах и в годе рождения могли объясняться ошибкой итальянского писаря. Труднее было объяснить внешнюю несхожесть: Федор Поетан, по рассказам итальянских товарищей, был настоящим богатырем, а Федор Поета, как мне его описали,— мужчина среднего роста и не очень мощного телосложения. Но я подумал о том, что человек, совершивший героический подвиг, всегда как-то вырастает в глазах своих товарищей — свидетелей этого подвига, а вдобавок итальянцы — народ с очень живым воображением: богатырская внешность Федора Поетана, возможно, явилась просто плодом их фантазии и возникла уже после смерти героя. Как бы то ни было, в моих руках сейчас находились две фотографии Федора Поеты, которые предстояло сличить с фотографией на могиле Федора Поетана, и это могло принести самые неожиданные результаты.

И вот я опять в Генуе. Снова, вместе с Франческо Капурро, с цветами в руках мы идем к могилам Рино Мандоли и Федора Поетана. И начинается кропотливое исследование. Сначала мы оцениваем общее сходство, потом сравниваем черты лица в отдельности. Спорим, соглашаемся, вновь расходимся во мнениях.

Дело оказалось труднее, чем я предполагал. Во-первых, фотография на могиле Поетана была старой, недостаточно ясной, сделанной, видимо, любителем, да и снимки Федора Поеты тоже оставляли желать много лучшего. Во-вторых, если даже на них изображен один и тот же человек, то разница во времени между ними исчислялась по крайней мере в 6—7 лет, а ведь это были тяжелые годы войны и плена, и внешность нашего героя могла сильно измениться.

Фотография Федора Поеты.

Не знаю, может быть, мы выдавали желаемое за действительное, но в конце концов всем нам начало казаться, что между фотографиями существует несомненное сходство. Конечно, сказать что-нибудь с уверенностью было невозможно, и на этом наши исследования на кладбище Стальено были закончены.

На другой день нам довелось побывать в красивой лесистой долине Валле Скривия — там, где действовала партизанская дивизия Пинан Чикеро. Ярко сверкало

сентябрьское солнце, вокруг царили тишина и покой, и как-то трудно было представить себе, что в этой мирной долине когда-то кипели жаркие бои. Видели мы и маленький городок Канталупо, в бою за который погиб Федор Поетан. Неподалеку от этого городка, на скале, нависающей над каменистой дорогой, пробитой в склоне горы, висит большая мраморная доска, украшенная цветами и венками. «Для того, чтобы итальянцы помнили цену независимости и свободы»,— написано золотыми буквами на доске. А ниже три длинных ряда имен погибших здесь партизан. Тут и фамилия Федора Поетана, а вместе с ним и Иван Костиков, и Афанасий Горшков, и Онуфрий Рыбак, и Саша Чириков, и другие.

Франческо Капурро привел нас к тому самому месту на дороге, где упал сраженный пулей Федор Поетан, где пролилась на итальянскую землю его кровь. А потом наш итальянский друг разыскал в одном из окраинных домов Канталупо бывшего партизана. Этот человек не знал лично Федора Поетана, но он видел его убитым и помогал перенести его тело в дом. Мы показали ему фотографии Федора Поеты, и он, внимательно вглядевшись в них, почти уверенно сказал, что узнает убитого русского партизана. Но если учесть, что итальянец видел Поетана только один раз, мельком, и то мертвым, то, естественно, его утверждение не могло быть для нас абсолютно убедительным. Предстояло еще показать фотографию Федора Поеты другим партизанам, которые воевали бок о бок с ним и помнили его живым. К одному из таких людей Франческо привез нас на следующий день. И так же уверенно, как первый партизан узнал Федора Поетана, второй, внимательно вглядевшись в фотографию Федора Поеты, решительно заявил: «Нет, это не он!» И хотя для нас это было жестоким разочарованием, все же пришлось признать, что второе свидетельство более веско: партизан-то знал Федора Поетана гораздо лучше и много раз встречался с ним при жизни.

Мое пребывание в Генуе было ограничено по времени, и дальнейшими розысками заниматься я уже не мог. Мы условились с Франческо Капурро, что этим займется он сам. Я оставил ему обе фотографии, он обещал снять с них копии, а оригиналы вернуть мне. Франческо сказал, что он будет показывать эти снимки всем, кто знал Федора Поетана, и в конце концов выяснит, действительно ли между обоими погибшими есть какое-то сходство.

Месяц спустя я получил от него оригиналы фотографий. А в мае 1962 года мне снова пришлось побывать в Италии. На этот раз мы встретились с Франческо в Риме. Он рассказал мне, что показывал фотографии Федора Поеты уже нескольким бывшим партизанам и результаты были несколько обескураживающими. Половина этих людей узнала в человеке, изображенном на фотографии, погибшего советского героя, а другая половина так же уверенно заявляла, что между ним и Федором Поетаном нет ничего общего. Но теперь Франческо ожидает одного очень важного свидетеля. Бывший командир отряда Нино Франки, в котором сражался Федор Поетан, год или полтора тому назад уехал работать в Бельгию на шахты и в конце 1962 года должен приехать в Геную. Этот человек якобы очень хорошо знал Поетана и может почти безошибочно сказать, похож ли на него Федор Поета. Таким образом, та ниточка, которая протянулась из маленького села Гурбинцы в Черниговской области к знаменитому генуэзскому кладбищу Стальено, пока не оборвалась, но и не привела нас ни к каким определенным результатам.

После того, как я выступил по Московскому телевидению, пришло еще два письма, которые окончательно убедили меня в том, что фамилия Поетан вполне могла быть подлинной. Вот что написал мне житель города Владимира Г. А. Киселев:

«В октябре 1942 года я служил в 13-й механизированной бригаде в должности писаря роты технического обслуживания. Бригада находилась на отдыхе и пополнении в 20 км от города Тамбова. В числе прибывшего к нам пополнения был Федор Поята. Роста он был выше среднего, но не двух метров. Волосы черные, лицо похоже на ту фотографию, которая находится на могиле в Италии и которую вы показали по телевидению. Я часто ездил с ним в кабине автомашины, часто помогал в уходе за машиной. Поята был малоразговорчив, о себе почти ничего не говорил. К фашистам он выражал лютую злобу, но это у него вырывалось лишь иногда, негромко, как бы только для себя. Я чувствовал, что в его жизни произошло что-то тяжелое, может быть, у него на оккупированной территории осталась семья, родные. Я узнал от него, что он не грек, не цыган, как я думал, а молдаванин. Он говорил, что одинок и родных у него нет, но где родился и жил, этого он мне не говорил. Он был примерно 1915 года рождения. Как человек и товарищ был безупречен.

Последний раз мы были с ним на фронте на Волге. После трехдневного боя 13-я механизированная бригада вышла на пополнение в район Сальских степей. Потом она влилась в 4-й механизированный корпус, который двинулся на освобождение городов Шахты и Ростова. С этого времени я Федора Пояты не видел».

Но еще более любопытным было письмо женщины из Липецка, которая подписалась инициалами Е. Л.:

«Уважаемый товарищ Смирнов! Вчера слушала Ваш рассказ о герое-партизане Поетане Ф. Вы выразили сомнение, не искажена ли его фамилия итальянцами. Такая фамилия есть. Я работаю в городской поликлинике Липецка, и недели две тому назад в наш кабинет приходил молодой человек по фамилии Поетан. Поскольку фамилия редкая, у него спросили, правильно ли регистратор написал ее. Он ответил, что фамилия написана правильно и что он украинец. Родственники они или нет, не знаю. Я пытаюсь разыскать его карточку в регистратуре, но пока безуспешно, так как карточки раскладывают не по фамилиям, а по

КАК ВАС ОБСЛУЖИВАЮТ?

Репортаж из аптеки

Марк ПОПОВСКИЙ

Мы мало что о ней знаем. А она всегда неподалеку, порой тут же, за углом, в любое время суток готовая оказать помощь.

Я переступил порог 42-й аптеки в маленьком курортном городке Майори под Ригой с твердым намерением понять, чем живет это учреждение. 42-я — самая обычная аптека. Правда, невдалеке от нее плещет море, и балтийский ветер гуляет среди сосен. Но курорт для курортников, а в аптеке, где бы она ни находилась, всегда будни. С утра в торговом зале не очень людно. Но входные двери то и дело хлопают, и у прилавка ручной торговли седая женщина в очках (ее называют «ручнистка»), ни на минуту не замолкая, на двух языках отвечает на вопросы посетителей.

Управляющая 42-й — миловидная, белокурая Ирина Дмитриевна удивлена:

— Что вам угодно? Писать об аптеке? Что можно найти здесь интересного? Вечерняя газета уже писала как-то, что аптека отказывает посетителям в некоторых лекарствах. Что ж, бывает. Продаем то, что получаем со склада. План выполняем. О чем еще писать?

Но оказалось, что писать есть о чем. Например, о плане.

У аптеки два лица. С одной стороны, это — лечебное учреждение, призванное помогать делу, начатому врачами в поликлинике. С другой — торговая точка, магазин. Как всякий магазин, 42-я аптека имеет годовой торгово-финансовый план, который ничем не отличается от плана булочной или галантерейного ларька. За 1961 год аптека обязана была отпустить лекарства по 156 тысячам рецептов, выручить 176 тысяч рублей и принести (в старых ценах) 19 тысяч прибыли. Задание изрядное.

План — первая заповедь управляющего. Выполнит его аптека к концу квартала — будет сотрудникам премия, не выполнит — жди неприятных разговоров в городском аптекоуправлении, а может быть, и хуже: вмешается банк и начнется так называемое «режимное финансирование», которого управляющие боятся пуще огня.

Два лица бога Януса смотрят, как известно, в разные стороны. Аптека, увы, тоже. Торговые обязательства ее решительно противоречат главному: снабжать больных лекарствами. Посудите сами. Чего хотят посетители? Прежде всего, чтобы они **всегда** находили в ближайшей аптеке большой выбор медикаментов. В идеале на аптечных полках должно быть все то, что выписывают ныне врачи. Однако план подсказывает другое. Чтобы выполнить его, надо продавать не только как можно больше товаров, но прежде всего сбывать как можно больше товаров дорогих. Вот тут-то в душе руководителя аптеки и начинается разлад. Стоимость у медикаментов разная. Возьмем для примера два лекарства, пользующиеся одинаково большим спросом: кодеин и пирамидон. Кодеин — лекарство против кашля — стоит дешево, и выгоды от него «торгующим точкам» нет. А пирамидон — препарат более дорогой и оттого более выгодный.

Для того, чтобы аптека выполняла свою основную функцию — помощника врача и друга больного,— она должна располагать всем ассортиментом лекарств и аптечных товаров. Между тем торговый план, как некий демон-искуситель, толкает управляющего в бок, напоминая: «Пирамидончик-то — дело прибыльное, а кодеин, ну его совсем — один убыток». Да и только ли в кодеине дело? Нет почти никакого прока аптеке от перевязочных материалов, от минеральных вод и многих других необходимых товаров. Зато, например, такой известный антибиотик тетрациклин — препарат в высшей степени прибыльный. С его помощью легко выполнить план и получить премиальные. Если управляющий аптеки делец, равнодушный к нуждам людей, он постарается заказать на складе то, что выгодно. 42-я аптека ни разу не пускалась на подобные авантюры. Здесь, в Майори, никогда не пытались «выезжать» на дорогих медикаментах за счет распространенных, но дешевых. Но существующий порядок все-таки поощряет дельцов. Это бесспорно.

...Надеваю халат и обхожу помещение аптеки. Касса, прилавок, продавец. Магазин? Да. Но из тридцати трех «торговых работников» десять — люди с высшим образованием. И нет ни одного, не окончившего средней школы.

Седую женщину в очках, стоящую в отделе ручной продажи, зовут Лидия Эрастовна. Ее ровный и спокойный голос и точно рассчитанные, экономные движения — результат тридцатилетней работы в аптеке. За все дежурство ей, кажется, и пяти минут не пришлось простоять без дела.

Лидия Эрастовна быстро подает таблетки, бутылочки, целые свертки медикаментов. Спрашиваю ее:

— Хорошая торговля?

— Грех жаловаться, грипп нас хорошо поддержал в этом году,— следует ответ.

— Как это грипп поддержал?

— Очень просто, продаем мно-

адресам. Но все же я буду ее разыскивать».

Словом, фамилия героя дала несколько нитей для розысков. Эти розыски продолжаются, и пока трудно сказать, куда они нас приведут. Но есть и другие нити.

* * *

«Горлов (Москва)» — так записал итальянец, партизанский писарь, местожительство Федора Поетана. После того, как выяснилось, что в Московской области никакого Горлова нет, а справки, наведенные Советским комитетом ветеранов войны в донбасской Горловке, ни к чему не привели, казалось бы, что эта ниточка безнадежно оборвалась. И вдруг...

Сразу же после моего выступления по Московскому телевидению о Федоре Поетане, едва я вышел в вестибюль студии, дежурный администратор подозвал меня к телефону. Звонил москвич, не назвавший свою фамилию.

— Я только что слышал ваше выступление. Может быть, в Московской области нет села Горлов, но зато в самой Москве есть Горлов тупик. Это в районе Новослободской улицы. Советую вам поискать там следы Федора Поетана.

Не успел я положить трубку, как раздался второй звонок, потом третий, четвертый... Звонили телезрители, чтобы сообщить: в Москве есть Горлов тупик в районе Новослободской улицы.

Кто знает, возможно, эта ниточка куда-нибудь и приведет.

Более многообещающей кажется другая нить, которую мне дали в руки те же телезрители. Человек десять или пятнадцать — из тех, кто звонил и писал письма,— сообщили, что в Рязанской области, в Скопинском районе, близ станции Миллионная, есть село Горлово. До войны оно входило в Московскую область и было районным центром.

Так появлялись новые пути поисков. Среди них есть еще один путь. Ведь в бригаде Орест и в самом отряде Нино Франки были, кроме Поетана, и другие советские люди. Быть может, кто-нибудь из них был близким другом Федора, или беседовал с ним, или слышал его рассказы о себе? Быть может, кто-нибудь из них уцелел и после войны вернулся на Родину?

Именно поэтому я уже в первый свой приезд в Геную попросил друзей достать мне список советских людей, сражавшихся в партизанской дивизии Пинан Чикеро и вернувшихся после войны домой. Такой список вскоре был передан мне. В нем больше сорока человек, из которых двадцать три были бойцами бригады Орест, а из них семеро — отряда Нино Франки. Но, к сожалению, почти все они вступили в этот отряд уже в марте или апреле 1945 года, после того, как Федор Поетан совершил свой подвиг, и, следовательно, не могли помочь в поисках героя.

Итальянские партизаны, знавшие Поетана, сказали мне, что все его близкие друзья погибли в боях. По их словам, только один из товарищей Федора уцелел и впоследствии вернулся на Родину. Это был Григорий Васильевич Путилин, 1908 года рождения, проживающий в Луганске,— так сказано было в анкетных данных о нем. Там же указывалось, что он вступил в отряд Нино Франки в конце 1944 года, то есть почти одновременно с Поетаном. Возможно, он и из плена бежал вместе с Федором.

Кроме того, итальянские товарищи назвали мне еще одного человека, который, по их словам, дружил с Федором: Петр Ильич Мокин (партизанская кличка «Пьетро»), год рождения 1916-й, живет в Сибири. В скобках около слова «Сибирь» значилось: «Восточная». Как видите, адрес был довольно неопределенным.

Выступая по телевидению с рассказом о Федоре Поетане, я назвал фамилии Г. В. Путилина и П. И. Мокина. И телезрители тотчас же откликнулись на это. Вот что написал мне из Ленинграда тов. Е. Б. Шустер:

«...Мы с женой — луганчане, и у нас в Луганске живут родители. По нашей просьбе отец навел справку в Луганском областном адресном бюро, и выяснилось, что Путилин Григорий Васильевич, 1908 года рождения, прописан в Краснодонском районе, Луганской области, поселковый Совет Урало-Кавказ, по улице Клубной, д. 14». К этому любезному письму была приложена маленькая адресная справка.

Я тотчас же написал по этому адресу, и уже получил ответ от Григория Путилина. К сожалению, ответ этот оказался неутешительным. Г. В. Путилин хорошо помнит Федора и был очевидцем его гибели, но никаких новых данных о герое он не может сообщить.

А тем временем приходят новые вести и из Италии. Мой друг Франческо Капурро в одном из последних писем сообщает, что показывал фотографию еще нескольким партизанам, знавшим Поетана, и некоторые из них вспоминают, что Федор был якобы из Киева или из Киевской области. Одновременно он пишет, что по его инициативе в Генуе создан комитет, который занимается подготовкой к сооружению монумента в память подвига Федора Поетана.

На этом сейчас обрывается история Федора Поетана. Тайна его пока не разгадана, но я продолжаю поиски и твердо верю, что рано или поздно мы узнаем, кто был человек, чьи кости лежат в могиле на кладбище Стальено в Генуе. Я верю в это потому, что в моих розысках имею удивительного и всемогущего союзника и помощника, у которого тысячи умов, тысячи глаз, и тысячи ушей, и тысячи замечательных и добрых сердец, раскрытых навстречу всему героическому, славному, дорогому для истории нашего народа. Этот союзник и помощник — многотысячная армия наших советских читателей, радиослушателей и телезрителей. Я надеюсь, что и эти строки, которые я сейчас пишу, могут попасть на глаза кому-нибудь, кто знает что-то о тайне Федора Поетана и поможет нам разгадать ее.

А когда мы узнаем подлинную биографию этого человека, мы занесем его имя навечно в летопись нашей борьбы против фашизма и вместе порадуемся тому, что раскрыта еще одна волнующая загадка, которыми так богата героическая история Отечественной войны.

го лекарств против гриппа — перевыполняем план.

— Значит, вас радует эпидемия?

Завертывая очередной пакет, Лидия Эрастовна чуть заметно

улыбается. Она и сама понимает, что это звучит кощунственно и горько. Но странный аптекарский «пир во время чумы», увы, не раз выручал аптеку. План... О этот аптечный «план»! В Ленинграде я даже слышал, что руководители аптечной сети, желая выяснить свои торгово-финансовые перспективы, обращались с запросами о ходе заболеваемости в санитарно-эпидемическую станцию. Не нужно большого воображения, чтобы представить, например, как фармацевты вопрошают эпидемиологов: «Нельзя ли надеяться в третьем квартале на небольшую эпидемию для выполнения плана?» Абсурд? Несомненно. Но почему-то этой бессмыслицы упорно не замечают те, кто навязывает аптекам функции «торговой точки».

К прилавку подходит средних лет мужчина. Он протягивает Лидии Эрастовне открытку и произносит что-то вроде: «Вы мне писали...» Фармацевт не отпирается. Она действительно послала гражданину Н. открытку, извещающую, что витамин B_{12}, которого в аптеке некоторое время не было, появился. Это традиция. И не только в 42-й. Везде, где понимают, что самое главное все-таки снабжать медикаментами страждущих. Снабжать, а не просто торговать.

...Управляющая говорит по телефону, очевидно, с кем-то из поликлиники:

— Получены новые медикаменты. Да, в понедельник придем на пятиминутку и расскажем докторам все подробности. Список новинок, как и прежде, будет вывешен в ординаторской. Кстати, гидрокортизоновую мазь для вашего больного достали. Нет, на складе не оказалось. Выручили коллеги из другой аптеки...

...Середина дня. Народу в аптеке прибывает. У окошечка рецептáра очередь. Заглядываю в ассистентскую. Молодой рецептáр Майга Карглинен работает, не поднимая головы. Ручка быстро бегает по бумаге, подсчитывая стоимость лекарств. Не ленятся и две девушки-ассистентки, недавние выпускницы Рижского мединститута. Но очередь не уменьшается. Беда в том, что мало готовых форм. Готовые формы — заранее приготовляемые лекарственные препараты — частично делают на фабрике, частично готовят здесь, в ассистентской комнате. Но сколько могут приготовить таких готовых форм ассистент и фасовщица, если на аптеку обрушивается ежедневная лавина в несколько сот рецептов?

— В среднем посетители 42-й получают только 40 процентов лекарств в виде готовых форм,— поясняет Ирина Дмитриевна.— А в Чехословакии готовых — 80 процентов. И в основном фабричного производства. У них там и очередей почти не бывает.

Борьба против очередей в аптеке начата сейчас по всей стране. Ленинградцы стремятся заранее расфасовать все, что можно: порошки, не поддающиеся порче растворы и многое другое. В лучших аптеках Ленинграда уже сегодня по семи рецептам из десяти лекарства выдаются немедленно.

...Телефон в кабинете управляющего не знает отдыха.

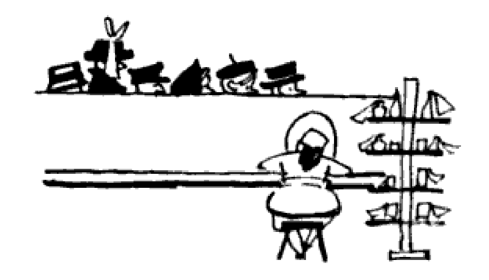
— Мы не можем без конца отказывать людям в витаминах... Нет, этого нам мало! Нужно значительно больше...

Вероятно, спор идет с городским аптекоуправлением. Серьезный спор. В торговом зале, когда толпа возле стойки редеет, Лидия Эрастовна достает из-под прилавка тетрадь и заносит в нее так называемую «дефектуру» — то, что спрашивают, но чего нет в аптеке.

— Когда отвечаешь «нет», стыдно глядеть людям в глаза,— вполголоса говорит она.— Активированный уголь, хвойные таблетки, зубная паста — ну, неужели таких пустяков нельзя запасти в достаточном количестве?

Конечно, можно, но что делать, если фабрика, обязанная по договору в течение двенадцати месяцев поставлять аптекам какой-то препарат, вдруг переносит все производство на конец года...

42-я аптека в Майори располагает тысячей лекарственных веществ, и число их постоянно растет. Химики синтезируют, фармакологи проверяют все новые и новые вещества. Кто, например, несколько лет назад знал, что из шелухи семечек и стержней кукурузных початков можно добыть отличные антимикробные вещества — фурацилин, фурадонин, фуразолидон? Сегодня эти активные лекарства, созданные, кстати сказать, в Риге, стоят на витрине аптеки. Поток таких новинок не оскудевает круглый год.

...Над приморским городком опускается вечер. Снимает халаты дневная смена. Но аптека не закрывается. На опустевшей улице будут всю ночь светиться ее окна. Сколько их, таких дежурных аптек, в стране! И если в поздний час вы будете проходить мимо, знайте: там, за матовой стеклянной ширмой, не спят всегда готовые помочь ваши большие друзья.

ПОЕЗД ИДЕТ В КОНСЕПСЬОН

В. ЛИСТОВ

Много догадок существует насчет происхождения слова «Чили». Одни склоняются к тому, что оно родилось от крика птицы триле, небольшой чайки: «Чи-ли, чи-ли...» — первого звука, который, по преданию, услышали в этих краях конкистадоры-испанцы. Другие считают, что оно происходит от индейского слова «чири» — «холодно». Третьи утверждают, что так называлась долина Аконкагуа, откуда коренные обитатели этих мест, арауканцы, привозили золото в качестве дани правителю инков. Возможно, страна обязана своим названием слову «чильи», что на языке индейского племени аймара означало «край света» — место, где кончалась власть повелителя перуанских инков.

Предоставим ученым разгадывать загадки истории. Нас же слово «Чили» интересует прежде всего потому, что так называется расположенная на «краю света» страна, в которой живет свободолюбивый народ с большим и горячим сердцем.

Герб — символ государства. Сине-красное поле со звездой — постоянное напоминание о территориальной целостности республики, о голубизне чилийского неба, а главное, о крови патриотов, пролитой в борьбе за освобождение родины от испанских колонизаторов. Три развевающихся пера — белое, красное и синее — символизируют высочайшие вершины Кордильер, покрытые снегами, огонь вулканов и вечное движение океана. Но, пожалуй, еще более символичны две фигуры, которые поддерживают и двухцветное поле со звездой и пышный плюмаж: кондор — символ силы, мужества и решимости до конца защищать родное гнездо, и уэмуль — горная лань, что живет высоко в горах и не выносит неволи...

Столичные фрагменты

Если вы приедете в Сант-Яго летом, в декабре или январе, столица покажет себя во всем своем пышно-зеленом убранстве. Если же вам доведется попасть туда весной, скажем, в октябре, то, пройдясь по парку «Коусиньо», вы ощутите прелесть шуршания под ногами побуревших от зимних дождей листьев, вдохнете аромат зацветающих акаций.

С 350-метровой высоты холма Сан-Кристобаль город как на ладони. Вправо — рабочие районы Индепенденсиа, Реколета, Сальто. Сверху они кажутся беспорядочным нагромождением лачуг, в запыленное тело которых воткнуты десятки иголок фабричных труб. Над этой частью Сант-Яго даже в яркий, солнечный день висит плотная пелена копоти, смазывающая очертания темнеющей вдали горы Серро Бланко.

По другую сторону холма — районы особняков, носящих звучные названия: Нюньоа, Провиденсиа, Гольф. Тихие улицы, фешенебельные клубы. Роскошные резиденции с бассейнами во внутренних двориках, которые отсюда, сверху, кажутся сказочными вкраплениями бирюзы в зеленый покров парков и скверов. Да и воздух тут иной — прозрачный, без гари и копоти, пронизанный беспечностью «аристократической жизни»...

Достаточно постоять у балюстрады смотровой площадки несколько минут, чтобы классические полюсы богатства и нищеты предстали вполне ощутимо. А с конической вершины Сан-Кристобаля двадцатидвухметровая статуя мадонны распростерла над городом руки, как бы благословляя положение, при котором одна его часть, меньшая, живет за счет другой, большей.

Впрочем, католическая церковь в Чили отнюдь не бесстрастный свидетель социального неравенства.

Неподалеку от центра Сант-Яго расположилось несколько кварталов одноэтажных приземистых домиков, тесно прилепившихся один к другому. Узкие, лишенные растительности улочки затянуты в асфальтовый панцирь, окна домов либо закрыты ставнями, либо задернуты плотными занавесками. Один из этих районов называется Майпу, другой — Сан-Альфонсо.

Чилийские друзья рассказали любопытную историю.

Губернатор Сант-Яго решил повести борьбу с проституцией и, в частности, выселить из столицы обитательниц Майпу и Сан-Альфонсо. Но не тут-то было: ведь они арендуют дома, принадлежащие... архиепископу Сант-Яго, да к тому же еще задолжали ему изрядную сумму. В возникшем конфликте губернатору пришлось уступить просьбе архиепископа оставить квартиросъемщиц в покое, чтобы они могли исправно вносить в церковную казну квартирную плату.

Площадь Ла Монеда носит то же название, что и расположенный на ней президентский дворец — двухэтажное здание, выкрашенное в неопределенный серо-желтый цвет. По обеим сторонам от него вытянулись небоскребоподобные коробки министерства финансов и отеля «Каррера», пристанища титулованных особ и заезжих американских миллионеров. Своими размерами коробки словно стараются придавить президентский дворец к земле, подчеркнуть свое превосходство над ним.

Центр Сант-Яго столичные жители называют нередко местным Сити. Здесь находятся филиалы американских компаний, биржа, конторы адвокатов и маклеров, бесчисленные учреждения. Говорят, что в Сант-Яго насчитывается около ста тысяч чиновников...

А когда стемнеет и на торговых авенидах разноцветным фейерверком вспыхнут огни реклам, центр города превращается в место прогулки. Люди подолгу задерживаются перед ярко освещенными витринами, что-то разглядывают, что-то прикидывают в уме. Однажды я даже услышал дотоле незнакомое мне слово — «витринеар», что значит «гулять, разглядывая витрины». Но человека с покупками в Сант-Яго встретишь не часто.

Разговор в купе

Поезд погромыхивает на унылых полустанках, еле освещенных закопченными фонарями. Изредка в темноте южной ночи проплывают красноватые пятна пожаров: сушь стоит такая, что загораются леса на склонах отрогов Кордильер.

— Сконцентрируются в руках латифундиста лесные массивы, а надзора за ними никакого, вот и уничтожает огонь большие ценности,— задумчиво произносит Элиас Мальеа, генеральный секретарь федерации металлистов Чили. Он едет вместе с нами в Консепсьон.— Так уж устроено у нас в стране: богатств много, а народ живет бедно: ведь основные богатства принадлежат не чилийцам...

У Мальеа на редкость пышные усы, и когда он что-нибудь рассказывает, то непременно проводит по ним время от времени миниатюрным гребешком.

— Судите сами. На долю трех рудников, принадлежащих американцам,— «Чукикамата», «Эль Теньенте» и «Эль Сальвадор»,— приходится 90 процентов всей добычи меди. Добыча железной руды тоже находится в руках американской компании «Бетлехем-Чили айрон майнз». Американский капитал, как ненасытная гиена, вгрызся в производство электроэнергии, пытается наложить лапу на нашу нефть.

— Но нам говорили, что в послевоенные годы в промышленности Чили вырос государственный сектор, что, например, государству принадлежит металлургический комбинат «Уачипато». Разве это не так?

— Го-су-дар-ству...— с иронией растягивает Мальеа.— Сначала американцы пытались помешать созданию в стране сталелитейного производства. Потом, когда трудящиеся добились от правительства строительства металлургического завода, янки предложили заем, захватили недостроенное предприятие и подчинили его своей «Бетлехем-стил». Название-то осталось наше, чилийское — «Компания де асеро дель Пасифико», да только государству принадлежит всего около четверти акций.

Мальеа молчит, а потом подытоживает:

— Лет семь назад на долю трудящихся приходилась почти половина национального дохода страны, а теперь только треть. Это прямой результат засилья монополий, вроде «Бетлехем-стил».

Колеса выбивают монотонную дробь на стыках рельсов, за окном проносятся сонные полустанки, а Мальеа еще долго возмущается хозяйничаньем «этих янки»...

На «Уачипато»

Мы сидим в кабинете сеньора Медины, одного из руководителей отдела «общественных связей» комбината «Уачипато».

— «Уачипато»,— рассказывает сеньор Медина,—производит ежегодно около 350 тысяч тонн проката, проволоки и других изделий. Его продукция полностью удовлетворяет потребности страны и даже экспортируется.

— Сколько рабочих? Пожалуйста. Немногим более четырех тысяч. Зарплата? — Сеньор Медина откидывается на спинку вращающегося стула.— Зарплата на нашем заводе самая высокая в чилийской промышленности.— На его лице появляется самодовольная улыбка.— Рабочие участвуют в прибылях предприятия...

— Вот как? Какова же была доля рабочих в прибылях прошлого года?

— У меня под рукой нет этих данных, но...

— А в этом году?

Сеньор Медина мнется, улыбка соскальзывает с лица.

— В этом году компания прибыли почти не получила.

— Рабочие могут это проверить?

— Что вы?! Слово компании!..

Сеньор Медина встает, давая понять, что беседа окончена. Вращающийся стул по инерции делает несколько поворотов.

— Послушать сеньора Медину, так получается не завод, а сущий рай,— говорит Артидоро Вильягран, молодой человек, руководитель профсоюза неквалифицированных рабочих.— Я приведу вам только одну деталь. Из четырех тысяч рабочих почти половина — это неквалифицированные или малоквалифицированные. Они считаются временными. Это выгодно компании: на таких рабочих не распространяется действие коллективного договора, за них не нужно платить страховые взносы, а следовательно, они не могут, как говорит компания, претендовать на пособия и пенсии. И получают они почти в два раза меньше, чем «заводские», хотя соки выжимают одинаково из тех и из других...

Мы начинаем вслух подсчитывать, сопоставлять, пытаясь представить себе реальные условия жизни рабочих.

— Это все не больше как арифметика,—прерывают нас друзья.— Сейчас мы поедем мимо одного из заводских поселков. Заглянем туда, и вы увидите, как эта арифметика выглядит в жизни.

На пустыре, который протянулся до самого берега океана, пузырится на ветру застиранное, старое белье. Порыв ветра подбрасывает вверх широченную простыню, мы ныряем в образовавшийся проход и оказываемся прямо перед крайним бараком заводского поселка.

— Добрый день,— обращается Вильягран к пожилой женщине, стоящей на пороге ближайшей двери.— К нам приехали гости из Советского Союза.

— О-о!..— Женщина делает шаг в нашу сторону.— Русиа! Муй бьен! Заходите, пожалуйста!

Через небольшое окно скупо проникает свет: бараки расположены так близко один к другому, что, хотя стоит яркий солнечный день, в комнате полумрак. Слева — дверь в небольшую клетушку с двумя кроватями, там спальня. Справа — невысокая печка, над ней полка, с которой выглядывают алюминиевые кастрюли, тарелки и железные кружки. Посреди комнаты — стол, крытый цветастой клеенкой, и четыре крашеных стула. В углу на специальной подставке — несколько статуэток мадонны: вот уже четыре с лишним века католическая церковь учит чилийцев покорности и смирению...

Покопавшись около печки, Хуана Годой протягивает каждому из нас по кружке с распаренной пшеницей. Это — национальное блюдо «моте», особенно широко распространенное в центральной и южной частях страны. Для людей обеспеченных «моте» только основа, к которой добавляются всевозможные фрукты, соусы, приправы; большинство же чилийцев употребляет это блюдо в «натуральном виде».

— Живем, как видите, скромно,— говорит Хуана.— Муж зарабатывает около 80 тысяч песо в месяц. При нынешних ценах хватает только на «моте» да на мясной обед раз в неделю.

В кружках показывается дно. Мы благодарим за угощение и выходим на улицу. Подхватив Годоя-младшего на руки, Хуана выходит следом за нами. Весть о том, что у нее в доме гости из Советского Союза, уже облетела ближайшие строения, и у двери собралась группа женщин. Бескровные, изможденные лица; огрубевшие от домашней работы руки спрятаны под выгоревшие передники. Взъерошенные ребячьи головы выглядывают из-за таких же выгоревших материнских подолов. А ведь из всех чилийских трудящихся рабочие «Уачипато» имеют, пожалуй, самые высокие заработки.

Так живут шахтеры

Шахта «Шуагер», сердце угольного района Коронель, встретила нас усталым говором шахтеров. Только что окончилась смена, и они в ожидании автобуса сидят на рельсах узкоколейки. Но почему каждый из них с палочкой?

— А как же без нее? — искренне удивляются сразу несколько рабочих, когда мы обращаемся к ним с этим вопросом.

Горловина шахты — огромная, метров шести в диаметре железобетонная труба — уходит под дно океана. Труба со свистом втягивает в себя воздух. Между рельсами змеятся два толстых троса: правый время от времени вытягивает на поверхность вагонетки с углем, левый опускает пустые обратно в шахту. Вот трос вытащил одну вагонетку, другую, за ней показался шахтер с зажженной лампочкой на каске: опираясь палочкой о землю, он шагает по движущемуся тросу. Поравнявшись с площадкой, где мы стоим, шахтер соскакивает с троса, перепрыгивает через рельсы и исчезает в ламповой...

— Вы думаете, от легкой жизни мы стали «циркачами»? — говорит рабочий в шахтерской больнице в Коронеле. Одна нога у него в гипсе.— В забое нужно отработать 8 часов, а до него 4 километра. Туда и обратно пешком. Вот и стараются люди время сэкономить.

Верхний поселок — часть соседнего с Коронелем другого шахтерского города, Лота. Здесь живут несколько тысяч рабочих семей.

Посреди небольшой площади — навес, под ним бетонные чаны, рядом водопроводная колонка. Это поселковая «прачечная». По соседству с ней «пекарня» — куполообразное кирпичное сооружение, обложенное сверху мокрыми тряпками. А вокруг дощатые двухэтажные бараки, покрытые толстым слоем угольной пыли. Ни деревца, ни кустика. Шахтерский пейзаж оживляется лишь веселым визгом стайки ребят, гоняющих по вязкой черной пыли тут же, на площади, тряпочный мячик.

Окруженные шахтерами, мы стоим на краю обрыва, которым заканчивается Верхний поселок. Внизу, на прибрежных скалах, примостилось другое селение—Нижний поселок.

— Там живут те, кто уже не нужен шахте,— говорит рабочий лет пятидесяти, со слезящимися глазами.— Теперь и я живу там...

По берегу передвигаются фигурки людей. Изредка они наклоняются, что-то подбирают и снова медленно бредут дальше.

— Собирают «марискос»,— безразличным тоном роняет старик («марискос» в Чили именуют все живое и съедобное, что обитает в океане).

— Вы работаете на шахте? Или уже на пенсии?

— Полтора месяца провалялся в больнице: печень подвела. Если через две недели не выйду на работу, отправят на пенсию. А как на нее проживешь? Вот Энрике,— он кивает на своего соседа,— пенсионер, а жив только благодаря добрым людям да морю... Из пенсии умудряются еще делать разные вычеты. После сорока-то лет ночной работы! Ведь у нас на шахте в какую смену попал, в той и будешь работать, пока не выбросят подыхать. Всю жизнь забрала... Проклятая!..— И он с необычайной экспансивностью грозит горе, что господствует над городом. В этом жесте столько безграничной ненависти, что все невольно поворачиваются в ту сторону, куда направлена суковатая палка старого Энрике. Там, на горе,— парк «Коусиньо». В парке — вилла угольного короля, превосходная коллекция растений со всего света, тенистые аллеи, фонтаны, водяные каскады и гроты...

«Незавоевываемая» земля

Индейская проблема в Чили имеет немаловажное значение: в стране живет более 300 тысяч аборигенов. Испанцы были не первыми, кто пытался подчинить своей власти местные племена. Еще перуанские инки предпринимали такие попытки. Но они кончались неудачей, и инки стали называть их «аукас» — «мятежные». Отсюда позднее родилось испанское «араукáнос». Правда, испанцам удалось сделать то, чего не добились инки: они оттеснили арауканцев за реку Био-Био. Но дальше этого рубежа им продвинуться не удалось, и они официально признали территорию к югу от Био-Био «незавоевываемой».

Некоторые историки и журналисты на Западе подчас объясняют эти неудачи испанцев тем, что арауканцы, дескать, слишком воинственное племя. Это не более как досужая фантазия апологетов колониализма. Арауканцы были «мятежными» в той же степени, как и любой другой народ, которого пытаются лишить его свободы и независимости. Их основными занятиями издревле были земледелие, гончарное производство, ткачество.

Только упорное сопротивление арауканцев позволило им избежать полного истребления и сохранить общинный строй, свою самобытную культуру, религиозные обряды и традиции.

Но не тревога за судьбу религии или традиций волнует сегодня индейцев-мапуче. Земельный вопрос, избавление от произвола помещиков — вот главная проблема, стоящая перед ними, как и перед всем крестьянством Чили. Латифундисты с каждым годом усиливают нажим на индейские общины, а в последнее время даже силой сгоняют мапуче с их земли.

...Машина остановилась возле трех исполинских дубов, под которыми толпилась большая группа мапуче. По обе стороны дороги— несколько деревянных и соломенных хижин. Это и есть Робле-Уачо, цель нашей поездки.

Мы разговорились с пожилой женщиной в черном вязаном платке, накинутом на плечи, с ребенком на руках. Марии Льянкинар уже под шестьдесят. Муж умер, оставив у нее на руках пятерых детей.

Мария ведет нас через поле с зеленеющими всходами посмотреть ее «рýку» (так называется соломенная хижина мапуче). Вместо окон две небольшие дыры, в которые еле пробиваются лучи солнца. Никакого, даже отдаленного подобия мебели. Ложем для всей семьи служит куча тряпья в углу поверх охапки соломы. В центре «рýки», где уходит вверх конус соломенной крыши, сложен из камней первобытный очаг. Над краснеющими угольями висит на проволоке закопченный котелок.

Многие из тех индейцев, что толпились под дубами, последовали за нами. И, выйдя из «рýки», мы оказались в центре круга, составленного из серых, черных, коричневых пончо. Пончо — типичная одежда арауканцев; это как бы одеяло с дырой посредине: сунул голову в дыру — вот тебе и накидка от дождя.

Старик в сером с белой каймой по краю пончо первым откликается на вопрос: что главное сегодня для мапуче?

— Землишка кое-какая у мапуче есть. Не у всех, конечно...— Медленно, как бы ощупывая и осматривая со всех сторон каждое слово, говорит он.— Но что мапуче проку от этого, если ему все время угрожает помещик, а скупщики впились в него, как клещи?

Пока старик говорит, серые, черные и бурые пончо вокруг дружно кивают головами. Внезапно старик лихим, бунтарским жестом срывает с головы шляпу и сминает ее в комок. Узкие глаза его загораются блеском, сам он словно становится стройнее и моложе.

— Но мапуче сегодня уже не те, что были раньше,— продолжает старик.— Мы организовали свой комитет. Будем все вместе бороться против скупщиков, за справедливую аграрную реформу. Мапуче неграмотные, но у них тоже открываются глаза и загорается сердце...

Однажды какой-то латифундист, направляясь из своего поместья в Темуко, заметил на холме неподалеку от шоссе скопление индейцев. Над толпой реяли чилийские флаги, слышались возгласы: «Да здравствует братская Куба!». Перепуганный помещик помчался в город и сообщил губернатору провинции о... «восстании» мапуче, которые, дескать, идут захватывать помещичьи усадьбы. Немедленно были приведены в боевую готовность войска, вызвана подмога. Офицер, посланный на разведку, доложил, что среди собравшихся на холме мапуче распределялась помощь, присланная кубинским народом для тех, кто пострадал от землетрясения.

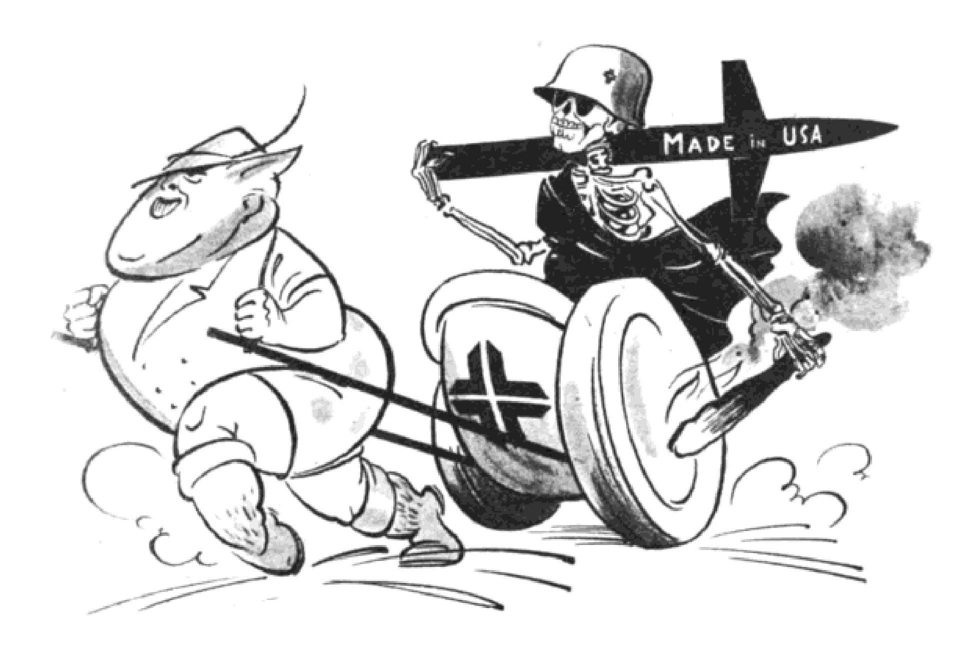
Мы покидали Темуко с каким-то смешанным ощущением: боль за свободолюбивых арауканцев, нещадно ограбляемых «цивилизованными» помещиками и сельскими спекулянтами, перемешивалась с чувством удовлетворения тем, что бесправие и нищета не убили в них человеческого стремления к правде, к лучшей жизни. А из головы не выходили слова старика из Робле-Уачо: «У мапуче открываются глаза и загорается сердце».

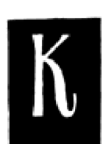
Л. СТЕПАНОВ

Незаменимый конь

Памфлет

Рисунок В. Черникова.

Когда шесть лет назад в Бонне, по выражению «Дейче зольдатенцейтунг», решили «поменять лошадей», дабы начать еще более безумную военную скачку, то выбор нового коня зависел от трех статей: верность хозяевам, напористость, толстая шкура. Искать кандидата долго не пришлось. Он был рядом: широк в кости, с крепким лбом, с хищными зубами.

Сначала Франц Иозеф Штраус был воспитателем. В военном училище Шонгау он наставлял новобранцев в духе верности фюреру и фашистскому отечеству. В последние дни войны обер-лейтенант Штраус посылал сопливых мальчишек-тотальников умирать под гусеницами танков, а сам, переодевшись в гражданское платье, бежал.

Скрыв на время свои заслуги перед рейхом, усердно прислуживая американским оккупантам, догадливый Франц Иозеф стал деловито карабкаться по лестнице политической карьеры. Тогда он, разумеется, еще не афишировал себя как «сильную личность», но уже, хладнокровно посапывая, лез по чужим спинам все выше.

Для политической карьеры нужно много денег. Расторопный Франц Иозеф, не стесняясь, брал их там, где находил. Подвернулось небольшое дельце с контрабандной переброской в Западную Германию 850 тысяч литров австрийского вина. «Нарушителей» законов усадили за решетку, а Штраус положил в карман чек на три миллиона марок. С такой же ловкостью фокусника он клал потом в бумажник взятки концерна «ИГ Фарбениндустри» и баварской фирмы «Штрива», «комиссионные» за поставки бундесверу негодной амуниции и «законные» от грабительских поборов со своих собственных квартиросъемщиков. И опять кто-то садился за решетку, а Штраус выходил из воды сухим. А все потому, что держал нос по ветру и знал, с кем из сильненьких нужно поделиться.

Коллеги Штрауса по баварскому министерству внутренних дел говорили, что он «больше проводил времени в борделях, чем на службе». И они не преувеличивали. Их слова могли бы подтвердить своими протоколами служащие криминальной полиции, не знавшие поначалу, что, фиксируя скандальные попойки и бордельные визиты Штрауса, они подрывают государственные устои.

Когда в 1956 году в военную колесницу впрягли нового коня, воинственным фараонам, натягивающим боннские вожжи, все было известно. Но, как уже отмечалось, это их не смущало. Они видели в напористом баварце самую подходящую тягловую силу. И они не ошиблись.

Как райская музыка, прозвучали для монополий и военщины первые раскаты штраусовского ржания: увеличение военного бюджета, рост численности бундесвера, атомное вооружение. Благосклонным кивком встретили хозяева концернов его тезис о том, что Западная Германия должна не только закупать за границей, но и сама производить вооружение. Восторженно аплодировали недобитые гитлеровцы обещанию Штрауса «восстановить в армии лучшие германские традиции».

Военные расходы стали расти, как на дрожжах. В 1962 году — свыше 15 миллиардов, в 1963 году, по сведениям западногерманских газет, — 19 миллиардов марок. Численность бундесвера приближается к 500 тысячам солдат. Штаб реваншистов уже захватил ядерные ракеты, и ему осталось только получить от американских союзников боеголовки. Что касается «лучших традиций», то в боннской конюшне, где орудуют опытные гитлеровские наездники, молодняку кнутом и жесткими удилами внушают, что высшее счастье — это когда с тебя сдирают шкуру за «великую Германию».

Хозяева были довольны усердием нового коня. Лавровые листы и банковские чеки так и сыпались на его узколобую голову. Стали поговаривать даже о том, что пора его произвести в канцлеры. Кто-то своевременно вспомнил про коня Калигулы. Ведь был же в истории такой прецедент! Но тут кандидат в канцлеры весьма некстати проворовался.

Американское правительство, которое, как видно, не собирается отзывать с берегов Рейна своих оккупационных солдат, выделило им для постройки квартир 300 миллионов западногерманских марок. Деньги немалые, и Штраус наметанным глазом определил очередной жирный куш. Через своего приятеля Ганса Капфингера он предложил строительной фирме «ФИБАГ» выгодный американский подряд. В специальном соглашении, заверенном нотариусом, Г. Капфингер оговорил, что «за труды» он получит 25 процентов акций и четвертую часть дивидендов, которые, по некоторым подсчетам, должны были составить 90 миллионов марок. Половина мзды предназначалась приятелю — министру, лично хлопотавшему за «ФИБАГ» перед министром обороны США Гейтсом.

Г. Капфингер хотя и одной породы со Штраусом, но все же уступает последнему: не тот масштаб. Потому и попался он на каких-то грязных шашнях, сел на скамью подсудимых. Разразился шумный скандал; он стал известен за пределами ФРГ, и бундестаг был вынужден создать специальную комиссию, чтобы определить долю участия министра обороны в фибагской афере.

Штраус симулировал обиду и сделал вид, будто он собирается уйти из Бонна на пост главы баварского правительства. Правда, при этом «сильная личность», согласно сообщению Ассошиэйтед Пресс, предъявила кое-какие совсем скромненькие условия: «1. Нынешний премьер-министр Баварии Ганс Эхард должен уйти в отставку; 2. Канцлер Аденауэр должен пока остаться; 3. Должна сохраниться правительственная коалиция между ХДС и консервативными свободными демократами; 4. Должна быть гарантирована возможность возвращения Штрауса в Бонн». (Надо полагать, к тому времени, когда освободится место канцлера.)

И вот тут даже слепым стало ясно, кому больше всех нужен Франц Иозеф Штраус. Весь боннский генералитет, все уцелевшие гитлеровские вояки выступили в его защиту. Командующий бундесвером военный преступник Фёрч от имени военщины обратился к нему с просьбой остаться на своем посту. Фёрч торжественно заверил, что бундесвер не желает лучшего министра и не допустит отстранения Штрауса.

По почину монополий и военщины на защиту Штрауса кинулась вся правящая клика. От имени фракции ХДС—ХСС в бундестаге было во всеуслышание заявлено, что она «будет глубоко сожалеть, если Штраус уйдет в Мюнхен». Секретарь фракции Бруно Хек с остервенением набросился на некоторых незадачливых депутатов СДПГ, пытавшихся лепетать что-то о морали. Сам канцлер Аденауэр, который недолюбливает слишком настырного преемника, в трехчасовой беседе упрашивал своего проворовавшегося министра не покидать правительство. Со всех сторон послышались верноподданнические реплики о «незаменимости» Штрауса, о его исключительных фюрерских задатках, указывалось, что в такой ответственный период, когда намечена широкая и перспективная программа вооружения, «нельзя менять лошадей».

Права оказалась в своих прогнозах швейцарская газета «Цюрхер вохе», которая в свое время иронизировала: «ФРГ не может позволить себе сослать из-за «непродуманного рекомендательного письма» к несерьезному предпринимателю такого человека, как Франц Иозеф Штраус, поскольку Федеративная республика находится в (любимое выражение Аденауэра) «тяжелом положении». Последует еще одно указание на опасность с востока, на угрожающее положение в Берлине, и кто после этого осмелится заговорить, тот неисправимый смутьян или еще того хуже. Для моралистов и пуритан, дабы умолкли их угрызения совести, будет выдана сильная доза запугивания коммунизмом...»

Все так и произошло. Дело с аферой «ФИБАГ» замяли. Незаменимый баварский конь остался в военной упряжке.

ВАХТА В МИРНОМ

Прошло уже несколько лет со дня первой высадки советских людей на ледяной панцирь Антарктиды, и шестой континент стал както ближе к нам. Не географически, конечно. Расстояние, отделяющее Советскую Родину от поселка Мирный, по-прежнему непостижимо велико. Ближе Антарктида стала по времени, за которое теперь это расстояние преодолевают наши воздушные лайнеры. Полеты по трассе Москва — Мирный становятся такими же обычными, как и сама вахта нашей научной экспедиции «по соседству» с полюсами холода и недоступности. А ведь ничуть не мягче стали там морозы, не ослабли ураганные ветры, все так же, как и в самые первые дни легендарной высадки, будни в Мирном требуют от его жителей — метеорологов, гидрологов, летчиков, механиков, радистов — мужества и выдержки. Вахта в Мирном продолжается.

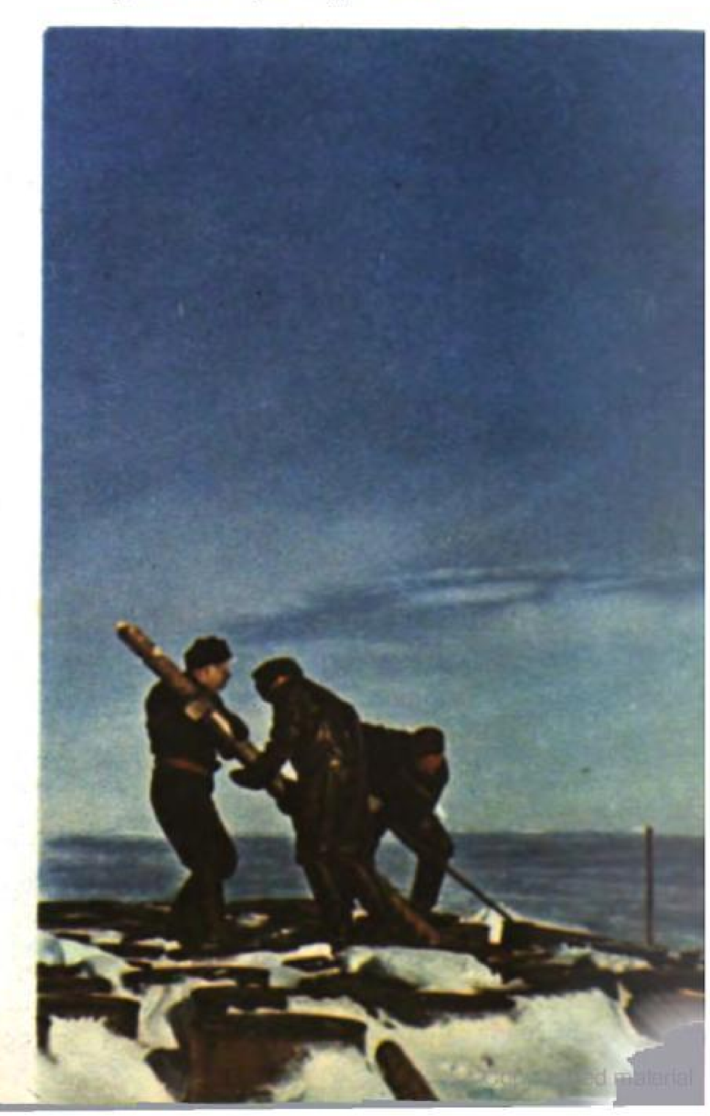
Метеоролог станции Новолазаревская Александр Артемьев на площадке у своих приборов.

Антарктический транспорт.

Фото Ю. ГАВРИЛОВА.

Мыс Ураганный. Здесь, в ледовой пустыне, хранится горючее для самолетов.

Как перевернуть такие огромные прозрачные листы? Эту работу выполняет мощный пневматический кран.

Идет саратовское стекло.

В научно-исследовательской лаборатории завода над приборами склонилась инженер Зинаида Рылкина. Тут разрабатываются новые, прогрессивные методы производства стекла.

ЗНАКОМЬТЕСЬ: СТЕКЛО

Фото Л. Бородулина.

Попробуйте оглянуться по сторонам и посчитать, сколько предметов, изготовленных из стекла, окружают вас.

Но это лишь ничтожная часть применения замечательного материала — стекла, принимающего сегодня самое широкое участие в развитии науки, техники и особенно строительства.

Стекло используют как стеновой материал, из стеклопласта делают кузова автомобилей и корпуса речных судов, кровельный шифер и трубы...

Материалы почти для всех этих изделий уже выпускает или будет выпускать один из крупных комбинатов страны — Саратовский завод технического стекла.

Вероятно, все любовались гармоничным в своей архитектурной законченности, пронизанным солнцем и светом зданием Кремлевского Дворца съездов. Но не все знают, что материал для прозрачных пролетов, стекла его окон и крупные зеркала сделаны тоже на Саратовском заводе. На фотографиях запечатлены несколько моментов работы над стеклом саратовской марки.

А вот и продукция завода — яркие, красочные кровельные листы, изготовленные из стеклопласта. Инженер экспериментального цеха Жанна Малкова измеряет их толщину.

«ЖУРАВЛИНЫЕ ПЕРЬЯ» — ЯПОНСКАЯ ЛЕГЕНДА ДЗЮНДЗИ КИНОСИТА В ПОСТАНОВКЕ МОСКОВСКОГО ОБЛАСТНОГО ТЕАТРА ЮНОГО ЗРИТЕЛЯ.
Фото М. Савина.

Иохйо, бедный крестьянин,— Ю. Сосновский и его жена Цу — Е. Нюхтина.

Купец Кундзу — В. Добкин, Иохйо — Ю. Сосновский, купец Содо — Л. Корсунский.

ПРЕКРАСНАЯ ДЕВУШКА ЦУ

А. МОРОВ

Вова — сын ученого, который изобрел удивительное кресло для космонавтов. Стоит привести в действие механизм, и человек, проспав намеченное число лет и нисколько не постарев при этом, переносится в будущее... Забравшись со своими дружками в лабораторию отца, Вова, не задумываясь над последствиями, садится в кресло, задевает какие-то рычажки и кнопки и... засыпает.

Научная фантастика у ребят — один из любимейших театральных жанров. За короткое время «Путешествие в завтра» прошло в Московском областном театре юного зрителя около восьмидесяти раз. Есть спектакли, выдержавшие здесь 150 — 200 и больше представлений.

Театром-тружеником называют зрители Московский областной ТЮЗ. А зрителей у него много! И не только в родном Подмосковье. Театр знают и любят в Донецке, Волгограде, Перми, Харькове, Воронеже, Ростове-на-Дону и других городах, куда коллектив не раз выезжал на гастроли. И где бы он ни побывал, везде у него устанавливаются со зрителями дружеские контакты. Ребята в письмах со свойственным им пылом благодарят за спектакли, спрашивают, как организовать пионерский театр, как самим сделать парики...

Передвигаясь из района в район, из одного колхоза или рабочего поселка в другой, коллектив каждый день в дороге.

Зрителям ТЮЗа — от семи до семнадцати лет. Это, естественно, сказывается на репертуаре. Рядом с «Маугли» Киплинга и «Красной шапочкой» Перро на афише «Мещане» и «Мать» Горького, «Вишневый сад» Чехова, «Правда — хорошо, а счастье лучше» Островского. Рядом с фантастикой — «Путешествием в завтра» и «Марсианами» — пьесы, посвященные проблемам современности: «Николай Иванович» Л. Гераскиной, «Валя и Валька» Г. Ширяевой, «Моя единственная» Б. Рабкина, «Чудотворная» — по повести Тендрякова.

Недавно театр снова обратился к сказке. Она написана известным прогрессивным деятелем Японии, борцом за мир Дзюндзи Киносита. Пьеса называется «Журавлиные перья» и создана по мотивам старинной японской легенды.

Однажды, рассказывает легенда, журавль, раненный стрелой охотника, был спасен бедным юношей по имени Иохйо. Журавль этот обернулся прекрасной девушкой Цу, которая полюбила Иохйо и стала его женой.

Цу и Иохйо жили дружно, ничто не омрачало их счастья. Но вот как-то соткала Цу, чтобы доставить мужу радость, удивительное полотно — мягкое, необычайно белое. Иохйо не знал, что сделано это полотно из журавлиных перьев, которые Цу вырвала из своего тела. Он продал полотно и выручил много денег. А потом жадные перекупщики, задумавшие побольше заработать на чудесном полотне, научили Иохйо снова и снова просить жену соткать новый кусок полотна.

Цу не отказывала любимому, но с каждым куском сделанной ткани худела все больше и больше. И однажды сказала мужу, что ткань может стоить ей жизни. Но Иохйо уже в плену корысти. Тогда Цу соткала ему последний кусок журавлиной ткани, обернулась птицей и улетела навсегда, ибо несовместимы высокие человеческие отношения и страсть к деньгам. Так говорит легенда. Так ее и поставил театр.

Необычайно поэтичный и обаятельный образ Цу создала молодая артистка Е. Нюхтина. Ей, а также главному режиссеру театра В. Фридман и художнику П. Белову, сумевшим в этой постановке с большим искусством передать поэтическую прелесть народной легенды, обязан спектакль успехом.

И успехом не только у детворы. На этот раз оказались разрушенными все возрастные перегородки в театре: «Журавлиные перья» с одинаковым интересом смотрят и те, кому семь, и те, кому семнадцать.

ТАК НАЧИНАЛСЯ АЛДАН

В Сибири, в гористой таежной стране, раскинувшейся на север и на восток за отрогами Саянского хребта, издавна жили эвенки, немногочисленные кочевые племена, охотники и оленеводы, которых в России называли тунгусами. О них писал Пушкин, веря, что сокровища человеческой культуры станут достоянием народа. Это время пришло... О пробуждении лесных кочевников к новой жизни рассказывает книга талантливого якутского писателя Николая Золотарева (Якутского) «Золотой ручей», вышедшая в Гослитиздате. Это первая в нашей литературе повесть о возникновении горнопромышленного Алдана. Переведенная на многие языки, она пользуется заслуженной популярностью у читателя. За пятнадцать лет, прошедших с момента появления книги в свет, повесть выдержала несколько изданий и качественно выросла, что, к сожалению, осталось неотмеченным рецензентами.

Не драматизмом неразрешимых конфликтов и не внешней занимательностью увлекает простой, безыскусственный сюжет книги. Жизненный путь эвенка Уйбанчи, главного героя повести, как в зеркале, отразил в себе судьбу маленького трудолюбивого народа... Действие повести начинается в те годы, когда приезд русских купцов с товарами в лесную глухомань был событием для таежных жителей. За табак, грубую шерстяную ткань, порох, ножи, игрушки эвенки платили натурой: шкурками белок, горностаев, рысей, росомах.

А в земле, на которой веками жили, охотились и умирали эвенки, таились громадные сокровища.

И вот однажды Уйбанча, молодой охотник, разводя зимой костер на берегу маленькой речушки, нашел на песке тяжелые, матово блестящие крупицы. Крупиц было так много, словно кто-то щедрой рукой разбросал их по речным намывам. С этого завязывается фабула повести: эвенк нашел золото, а это значит, что всему роду учурских охотников и оленеводов грозит беда. Думая, что нашел свое счастье, Уйбанча делится радостью со старым охотником Сэдюком, но лицо старика становится печальным. «Не надобно нам, эвенкам, золота,— говорит он,— послушайся меня, ступай завтра на Талахтах, высыпь все золото, что нашел, туда, где брал, не оставляй ни одной крупицы...» Юноша последовал совету старика, но не сумел сохранить в тайне свое открытие.

Повествуя о злоключениях, выпавших на долю охотника, которому «посчастливилось» найти золотую жилу, автор повести показывает, как цепкие щупальца чистогана проникают в дебри учурской тайги, как в жажде наживы сюда устремляются русские дельцы с запада и японские империалисты с востока. Надолго запомнятся читателю колоритные, написанные умелой рукой фигуры благовещенского купца и японского шпиона.

Читая повесть, нетрудно представить себе, какова была бы участь эвенков, если бы не октябрьские события 1917 года. С волнением следишь за судьбой Уйбанчи, вместившей в себя много горестных и радостных событий. Его образ, написанный живо и убедительно,— один из лучших в книге. Бывший тунгус (что значит «бессловесный») становится одним из активнейших строителей новой жизни. Его судьба — это судьба его сородичей. Ушло в прошлое то время, когда золото было для них пугалом и источником несчастий. При новой власти оно сослужило им добрую службу. Там, где раньше дымились охотничьи чумы, возник один из крупнейших горнопромышленных районов страны.

Н. Золотарев (Якутский) создал широкую панораму жизни родного народа.

Вл. БАРЫКИН

Н. Золотарев (Н. Якутский). Золотой ручей. Повесть. Авторизованный перевод с якутского Анатолия Ольхона. Гослитиздат. Москва.

ТРУДНЫЕ ПУТИ

В повести В. Пистоленко «У открытых дверей» герои находятся в том возрасте, когда происходит прощание с детством, мальчишескими интересами, когда приходит первая любовь, когда вступают в большую жизнь.

Оля Писаренко, Борис Жутаев, Васька Мазай, Егор Бакланов, Генка Широков — именно они привлекают наибольшее внимание автора — только-только покинули стены ремесленного училища и начали рабочий путь. (Надо сказать, что несколько лет назад Детгиз выпустил повесть В. Пистоленко «Товарищи». Там эти же герои были показаны в период их учебы в училище. По многочисленным просьбам юных читателей писатель решил продолжить повествование.) Выход в ответственнейшее житейское плавание совпал у наших молодых друзей с последними днями Великой Отечественной войны.

События повести происходят в городах Южного Урала. Автор увлекательно рассказывает о довольно трудных, не гладких путях, по которым приходится идти Борису Жутаеву и его друзьям, о победах и огорчениях, без коих никак не обойдешься в любом возрасте.

Особенно запутанная дорога выпала на долю Васьки Мазая. Умный, толковый паренек, с задатками настоящего мастера своего дела (по профессии ребята — формовщики-литейщики), Мазай страдает излишним уважением к собственной персоне. Именно поэтому неизбежно его столкновение с Борисом Жутаевым, столкновение, дорого обошедшееся Мазаю.

Повествование обстоятельное, неторопливое, оно дает возможность читателю рассмотреть героев в различных поворотах, отметить характерные примеры быта. Автор изображает споры ребят о важных вопросах жизни, и мы видим, как формируется, расширяется духовный кругозор молодых людей.

В повести есть образы людей старшего поколения, например, Дмитрий Гордеевич Селезнев, мастер-воспитатель, но ценность книги в том, что в ней ребята сами, без указки, без нравоучений отыскивают верные пути.

Автор повести — драматург. Это сказалось в меткости, сочности реплик, в сюжетной законченности каждой главки, напряженности рассказа.

Н. ГРОМОВ

В. Пистоленко. У открытых дверей. Повесть. Детгиз.

СЛАВА ГЕРОЕВ

«Россия способна давать не только одиночек-героев... Нет, мы были правы, когда говорили, что Россия даст таких героев из массы, что Россия сможет выдвинуть этих героев сотнями, тысячами». Этими словами Ленина начинается выпущенный Госполитиздатом двухтомник «Люди бессмертного подвига», посвященный дважды Героям Советского Союза. Сто четыре гражданина Советского Союза, люди разных национальностей, населяющих нашу великую страну, получили вторую медаль «Золотая Звезда». Всех их роднит верность Родине, преданность делу коммунизма. Все, они — коммунисты, из них 56 вступили в партию во время Великой Отечественной войны.

В составлении книги приняли участие писатели и журналисты Б. Полевой, П. Вершигора, Б. Галин, Е. Долматовский, П. Никитин, Л. Кудреватых, Т. Гайдар...

Двухтомник «Люди бессмертного подвига» имеет не только познавательное, но и воспитательное значение. Он учит, зовет, волнует!

Боевые традиции Советской Армии, ее героизм и опыт, накопленный за время Великой Отечественной войны, долго будут служить благородному делу воспитания патриотизма.

Н. НИКОЛАЕВ

КОКИ ИЗ БАНГАРИ

Фрэнк ХАРДИ

Рассказ

Рисунки Е. ШУКАЕВА.

Я отправился в столовую один. Подавала другая девушка, с нежной кожей и каштановыми волосами. Я попытался было расшевелить ее, но она оказалась местной жительницей, и муж ее сидел рядом в баре за кружкой пива. Она вообще выглядела разочарованной, но ее разочарование и в сравнение не шло с моим. Я проклял в эту минуту жизнь сезонника: бессмысленный труд и попойки, поиски первой встречной женщины в любом месте в любое время.

Вечером мы пили и слушали передачу со скачек. Я перешел на маленькие порции пива. Арти Макинтош продолжал пить большими кружками. Он, видно, решил веселиться вовсю: криками подбадривал невидимых нам лошадей, настегивая их, словно сам был жокеем.

К середине вечера в походке его наметился крен, речь стала несколько неразборчивой, а настроение — драчливым.

Приближался последний заезд; мы ничего не выиграли пока, но если бы Граф Орлов пришел первым, дело было бы в шляпе. Мы слушали, затаив дыхание. Наша лошадь до самой финишной прямой шла третьей. Вот диктор объявил, что Граф Орлов сделал рывок за лидерами.

— Ну, давай, давай, кляча несчастная! — завопил Арти Макинтош в исступлении.

Но Граф Орлов уступил лидеру целую шею.

— Ничего, легко досталось — легко и расставаться! — сострил я с притворным смирением.

— Само собой,— сказал Арти.— Что для нас какие-то несколько фунтов! — И вдруг он пришел в ярость.— Это все ты, дурья башка! — Он рванулся ко мне, борясь с опьянением, но кулак его беспомощно повис.

Пришлось умиротворить его пивом, хоть он и так уже накачался. Я предложил вернуться на ферму, но Арти, кажется, решил упиться до потери сознания. В шесть Мерфи собрался закрывать бар, и мы вместе с остальными вышли наружу. Арти перегнулся через перила веранды, и его вырвало. Появился Мерфи с тряпкой и ведром воды.

— Новички сопливые, а туда же лезут! — проворчал он.

— Заткнись, ты, ирландский ублюдок! — огрызнулся Арти. Ему заметно полегчало.— Боишься, что ли, тряпку испортить? — Он угрожающе двинулся к Мерфи.— Что ты сделал с Мэбел? Где она?

— Знать не знаю. А и знал, тебе бы не сказал.

— Пошли, Арти,— вмешался я.— Надо чего-нибудь поесть.

— Опять есть! — заныл Мерфи.— Думаете, у меня денег куры не клюют? Кредит, кредит, кредит! Всем подавай кредит.

— Мы заплатим за еду наличными,— ответил я.— И что за нами записано, вы тоже получите.

Мне удалось затащить Арти в бар. Он настоял, однако, чтобы мы еще выпили за едой. На новую официантку он и внимания не обратил. Вскоре он совсем скис и заснул у окна. Я разбудил его, уговорил Мерфи выдать мне две бутылки пива и засунул их в карманы пиджака.

Мы пустились в путь. Я поддерживал Арти, но получалось это, надо сказать, слабовато: силенок не хватало, да и самого меня пошатывало. Уже стемнело. Ноги у Арти подгибались, он все бормотал себе что-то под нос. Первый раз на моей памяти он так накачался. У меня отлегло от сердца, когда мы наконец доплелись до сарая. Я снял с Арти башмаки, и он заснул мертвецким сном.

Утром во рту у меня было ни дать ни взять как в хлеву у коки, а голова — словно футбольный мяч, в который накачали больше воздуха, чем следовало. Солнце стояло высоко. Я сел на койку и налил стакан пива. Арти Макинтош застонал и тоже сел, держась за голову.

— Выпей этого нектарцу,— предложил я.— Сразу почувствуешь себя в раю.

Он взял стакан с пенящимся пивом, отхлебнул большой глоток и поморщился.

— Ну, расскажи мне всю правду. Здорово я валял дурака?

— Не больше, чем всегда,— успокоил его я.— Лез в драку со старым Мерфи... И мы продули денежки, которые поставили на лошадок.

— Граф Орлов. Помню. Надо же быть такими идиотами — рыть картошку, чтобы дать заработать букмекеру!

Мы прикончили обе бутылки; мне стало чуть получше.

— Который это час? — поинтересовался Арти.

— Что-то около полудня, судя по звонку в моем желудке.

Я вызвался приготовить картошку с бараниной — для разнообразия.

— Слушай, друг,— сказал Арти, когда я оделся,— мне приснилось, или эта Мэбел действительно натянула мне нос?

— Не приснилось. Именно это она и сделала,— ответил я; любопытство мое пересилило даже муки похмелья.— Тут какая-то тайна. Старик Мерфи что-то знает, мне сдается.

После обеда мы снова залегли спать. Меня разбудил голос Жадюги Филлипса. Я привстал и выглянул наружу. И словно меня кто-то обухом по голове хватил: Филлипс был тут собственной персоной, и рядом с ним в повозке я увидел... Мэбел Эверард!

Я не верил своим глазам. Арти Макинтош спал беспокойным сном, широко раскрыв рот. Я не стал будить его. Слышно было, как старик Филлипс распряг лошадь, потом пригласил Мэбел в дом. Она вошла, не проронив ни слова.

Примерно часом позже раздался стук по тарелке, и Жадюга Филлипс окликнул нас:

— Ребята, вы тут?

— Тут,— ответил я.

— Ужин готов.

— Подавись ты им! — Арти Макинтош проснулся словно только для того, чтобы высказать Жадюге это пожелание.

— Кончай болтовню! — сказал я.— Там с ним дама.

— Кому ты голову морочишь?

— Разрази меня гром! Хочешь пари — и на десятый раз не угадаешь, кто она.

— Грета Гарбо, я полагаю,— ответил Мак и вдруг уставился на меня так, словно услышал от меня, что пришел конец света.— Послушай, ты, верно, рехнулся или того хуже?

Он обулся, вымыл лицо и руки и причесался перед зеркалом, которое я повесил в сарае на гвоздь.

— Не пойму, зачем ты мне мозги вкручиваешь,— повторил он и направился в дом.

Во главе стола восседал старик Жадюга. А Мэбел вилкой доставала картофель из кастрюли. Она обернулась и побледнела, как смерть, увидав Арти.

Мой приятель словно поперхнулся чем-то.

Окончание. См. «Огонек» № 37.

От замешательства и бог весть отчего еще у него даже кадык задергался.

— Рад вас видеть,— еле выговорил он.

— Здравствуйте,— пробормотала Мэбел.

Она поставила перед каждым обычную еду и опустилась на стул.

— Передай-ка маринаду, друг,— начал Арти. Мне подумалось: а может быть, за грубоватыми шутками Арти скрывалась его неуверенность в себе или какое-нибудь глубокое внутреннее страдание — вот как теперь?

Я не поднимал глаз от тарелки.

— Тогда дай перец,— настаивал Арти.

Старик Жадюга так и ел Арти взглядом, но тот, не теряя присутствия духа, попросил горчицы, затем чатни.

— Возьмите соли, мистер Макинтош,— сказала наконец Мэбел. Чуть покраснев, она пододвинула к нему блюдце.

Ужин закончился в молчании. Не в силах дольше выносить его, я извинился и встал из-за стола. Арти вышел следом за мной.

— Да, теперь я собственными глазами видел,— сказал он, бросаясь на койку.— Значит, она вышла за Жадюгу Филлипса. Вышла из-за денег.

— Несчастная девчонка,— пробормотал я.— До чего же ее жизнь заела!

Ночь незаметно подкралась к ферме, как будто помогая скрыть ее печальные тайны. Я засветил фонарь и попробовал читать старый журнал; Арти лежал, неотрывно глядя в потолок. Он курил, зажигая одну сигарету от другой. И только один раз он прошептал:

— А она там, в постели, с Жадюгой Филлипсом.

Мы встали, точно и не ложились. Арти за завтраком почти не ел. В поле он схватил вилы и стал копать, как бешеный.

— Полегче, ты прокалываешь картошку,— пожаловался Жадюга.— Берешь слишком близко к кустам.

Арти передал мне вилы и не прикасался к ним ни до перекура, ни после. Я удивился: это было так непохоже на Арти, он всегда старался побольше работать именно вилами. Время уже подходило к обеду, когда Арти объявил, что пойдет наберет воды в кувшин, хотя обычно, если Жадюга забывал о воде, за ней ходил я.

Арти взял кувшин. Жадюга настороженно следил за ним.

— Лучше я сам,— предложил Филлипс.— Вы работайте. Я спешу, хочу вывезти картошку, пока она в цене.

Не обращая внимания на Жадюгу, Арти ушел. Отсутствовал он долго. Жадюга глаз не спускал с дома, пока Мак снова не появился на дороге.

— Я запряг лошадь для вашей жены,— объяснил он.— Она едет в город.

— Что это ей взбрело? — проворчал Жадюга.

— За покупками.

Казалось, все это встревожило Жадюгу. Он долго смотрел вслед удалявшейся повозке.

— Вот уж не думал, что она умеет править,— бормотал он, но было видно, что хотел он сказать что-то совсем другое.

К обеду Арти побрился и принарядился. Войдя в дом, мы застыли в изумлении. Пол был выскоблен дочиста. Красные и белые бумажные ленты украшали камин. На столе красовалась новая скатерть. Жадюга сидел за столом в несколько мрачном настроении, чтобы не сказать больше. Мэбел взглянула на него, потом на Арти, как рабыня, не знающая еще, кто будет ее господином.

— Передайте перец,— сказал Арти больше по привычке.

Мэбел подошла к кухонному шкафу и достала солонку и перечницу. Супруг ее нахмурился и засопел. Борясь с волнением, как помощница фокусника, жонглирующего ножами, она поставила приправы перед Арти, тот щедро сдобрил ими еду, не обращая внимания на возмущенный взгляд Жадюги.

— А кто будет платить за это? — осведомился Жадюга.

— О, не беспокойся,— мягко ответила Мэбел.— У меня было пять фунтов моих денег. И мне хотелось, чтобы у тебя были красивые вещи и вкусная еда.

— Всю жизнь я сам зарабатывал себе на пропитание,— отрезал Жадюга, отчеканивая каждое слово.— И ни к чему мне все эти штучки.

После супа она подала говядину с морковью, потом яблочный пирог. Жадюга Филлипс ел, но эти деликатесы, казалось, застревали у него в глотке. Все это выглядело бы уморительным, если бы не страсти, готовые в любую минуту вырваться наружу.

Только уже добравшись до своего сарая, мы услышали громкий голос Филлипса; он, видно, готов был лопнуть от злости, страха и ревности.

Арти вышел из сарая и спрятался за баком с водой.

— Ты познакомилась с ним раньше, еще в пивной! — рычал Жадюга.

— Да, я знала его,— отвечал дрожащий голос Мэбел.— Но ведь эти вещи я купила для тебя.

— Так вот, мне они не нужны! — отрезал Жадюга.— И все покупки в моем доме буду делать я. Понятно?

— Да.

— Есть у тебя еще деньги? — гремел Жадюга.— Не вздумай врать!

— Мне больно. Пусти, у меня нет больше денег — ни пенни.

Арти сжал кулаки, собираясь вмешаться. Я еле удержал его.

— И чтоб ты никогда не просила его ни о чем! — продолжал бушевать Жадюга.— Он пьяница и бездельник. Держись от него подальше. Слышишь?

— Д-да.

Я силой увел Арти Макинтоша в сарай. В доме воцарилась тишина. Арти опустился на койку и обхватил голову руками. Я подсел к нему и попытался воззвать к его чувству юмора, пропев подходящий к случаю куплет из все той же песни: «Чуть улыбнется хозяйка мне мельком, старый хрыч уж ревнует — смотри! Но, хоть он готов меня убить, все равно потерянного не воротить старому коки из Бангари!»

Арти поднял голову, и такая мука была в его глазах, что мне стало ясно: тут не до шуток.

Теперь во время работы Жадюга Филлипс буквально ел поедом Арти Макинтоша: то он проколол картофелину, то неплотно набивает мешки, то недостаточно бережно переносит их.

Мы с Арти разговаривали мало. О Мэбел он не упоминал. Ели мы снова картошку с бараниной. Я пристально наблюдал за Арти и Мэбел, когда они бывали вместе; замечал то взгляд исподтишка, то мимолетные, будто бы нечаянные прикосновения; и я боялся, как бы Жадюга в один прекрасный день не взорвался и не наделал бед.

Как-то после обеда Жадюга собрался в город. Он попросил, а точнее сказать, велел Мэбел ехать с ним, но она отказалась.

Едва мы начали работать, как Арти взялся за кувшин.

— Пожалуй, схожу за водой,— сказал он.

— В кувшине еще есть вода.

— Вода уже несвежая.

— Я схожу,— сказал я, отбирая у него кувшин. Что-то не хотелось мне оставлять его с Мэбел наедине.

Я опорожнил кувшин и замешкался у бака. Мне казалось, что я должен поговорить с Мэбел, я только не знал, о чем именно. Я поднялся на веранду и остановился у дверей в комнату, словно пригвожденный к месту. Мэбел, совершенно нагая, стояла у ванны; она поворачивалась в разные стороны, разглядывая себя в большое треснувшее зеркало на камине. Тело ее, хотя и слишком массивное и с кожей цвета хлебной корочки, было по-своему красиво. Она гладила свои крепкие груди. Вконец смущенный, я хотел бежать, но не смог: стоял, как загипнотизированный. Она шагнула к камину, вынула один кирпич и достала из-под него несколько бумажек.

— Один, два, три,— сосчитала она.— Три фунта.

Я на цыпочках вернулся к баку и открыл кран.

— Это ты, Артур?

— Нет, это я.

— Ах!

Я налил воды в кувшин и поскорее убрался.

— Ты что-то не слишком спешил,— заметил Арти.

Мы проработали еще около часу, когда наконец появился старик Жадюга в своей повозке. Вскоре он явился к нам. Чай во время перерыва принесла Мэбел. Жадюга и Арти не сводили с нее глаз, пока она разливала чай. Мэбел почувствовала это; подняла голову, и, не скрываясь, она посмотрела на Арти.

— Выпейте чаю, мистер Макинтош.

— Спасибо,— сказал Арти и на мгновение задержал ее руку, когда она передавала ему чашку.

Глаза Жадюги выкатились от злости. Мэбел дала чашку ему, потом мне. Мы стали пить.

— Я еду в город,— объявила Мэбел.— Пожалуйста, запрягите мне лошадь, мистер Макинтош.

— Я только распряг,— заворчал Жадюга.— И лошадь мне понадобится — перевозить картошку.

— Пусть берет лошадь,— сказал Арти.— Мы отвезем картошку вечером, когда кончим копать.

— Не суй нос не в свое дело,— огрызнулся Жадюга.— С каких это пор вы так рветесь поработать?

— Но я ведь имею право съездить иногда в город,— сказала Мэбел.

— Я только что ездил сам и купил все, что нужно,— стоял на своем Жадюга.— И потом у тебя же нет денег.

— Пусть едет,— сказал Арти.— Идемте, я запрягу лошадь, миссис Филлипс.

— Занимайся своим делом! — Жадюга встал с угрожающим видом.— Я сказал, она не поедет.

Мэбел собрала чашки, ложки, банку с сахаром и котелок.

— Нравится это тебе или нет, а я поеду,— сказала она и направилась к дому.

Жадюга заковылял вслед за ней.

— Говорю тебе, ты не поедешь!

Арти Макинтош поднялся было с земли. Я схватил его за руку.

— Не стоит вмешиваться, друг.

Он рывком освободился, встал и выпрямился.

— Помяни мое слово, прикончу я эту старую скотину!

— Ты сказала, у тебя больше нет денег,— доносился до нас голос Жадюги Филлипса.— Говорю, нечего тебе ехать в город!

Они скрылись за серыми от пыли деревьями, окружавшими дом. Потом я увидел, что Мэбел все-таки уехала. Мы снова принялись за дело. Скоро вернулся Жадюга.

— Завтра даю вам расчет,— сказал он.

— Да тут еще на две недели работы,— удивился я.

— Найму других. Охотников полным-полно,— ответил он.— Твой товарищ плохо работает.

— Не валяйте дурака, он же лучший работник в округе. Вы и сами это говорили,— возмутился я.

— Мало ли что. Без старания работает. Лишь бы денег побольше отхватить.

— Не вам о деньгах говорить,— вмешался Арти. Голос у него прерывался, пот ручьями стекал по запыленным подбородку и шее.— Не позволю ругать мою работу. Это еще никому с рук не сходило. Да мы на вашей картошке рекорды ставим.

— Небрежно работаете,— твердил не совсем уверенно Жадюга.— Слишком много отметин от вил на картошке.

— Ничего подобного. В жизни не видал такой чистой картошки,— возражал Арти.

Странная это была перепалка — словно смертельные враги, жаждущие крови друг друга, спорили о погоде.

— Вы не накладываете мешки доверху. Хотите получить с меня побольше и портите картошку. Все! Кончите завтра, и хватит болтовни! — закончил Жадюга решительно.

Арти Макинтош стоял, стиснув зубы и сжав кулаки. Вдруг резким движением он вырвал картофельный куст из земли.

— Закопаю к черту обратно твою проклятую картошку! — закричал он исступленно.

— Смотри, спущу на тебя собаку! — пригрозил старик Жадюга.

— А я сверну ей шею,— отвечал Арти.— Это ж ублюдок, как и ты сам.

Жадюга Филлипс захромал прочь.

— Кончите завтра. Я подсчитаю сегодня, сколько вам причитается,— и скатертью дорога! — бросил он злобно через плечо.

— Ну, давай, друг,— сказал я, поднимая вилы.— Все равно надо постараться больше монет из него выкачать.

Я вывернул куст, и Арти Макинтош нагнулся подбирать картошку. Он нащупал картофелину покрупнее и в бессильной ярости швырнул ее вслед Жадюге Филлипсу.

За ужином я глядел на них. Двое мужчин и одна женщина, треугольник, старый, как мир. Мэбел открыто следила за каждым движением Арти, смеялась его шуткам. Старик Жадюга не отрывал от нее глаз.

Я быстро поел, извинился, встал из-за стола и ушел в сарай на свою койку. Арти явился позже.

— Ругался со старым хрычом из-за платы,— объяснил он.— Этот выродок хотел обсчитать нас на два фунта.— Он показал мне подсчет в своей записной книжке: все как будто было правильно.— Так что ему не выкрутиться,— заключил Арти.

Я стал читать при мерцающем свете фонаря, но скоро журнал вывалился у меня из рук. Не знаю, сколько я проспал, разбудил меня какой-то шорох. Кто-то словно ходил в темноте по сараю. Арти, наверное, понадобилось встать, подумал я еще сквозь сон. Потом послышался шепот. Что-то непохоже, чтобы старина Мак разговаривал во сне! Правда, иногда он стонал и бормотал, но только спьяну. А сейчас слышались два голоса — у Арти в постели.

— Я тебя люблю,— услышал я хриплый шепот Арти.

— Не надо об этом,— ответил голос Мэбел.—Я больше не верю в любовь. И я не могу больше жить так — всегда бояться за завтрашний день.

— Зачем же ты вышла за него? Ведь ты его боишься?

— Боюсь, но страх страху рознь. Филлипс по-своему будет заботиться обо мне.

— Может, я бы тоже заботился, ты не дала мне даже попытаться,— прошептал Арти.

— В Мельбурне тоже много было таких, как ты,— тихо ответила Мэбел.

— И ты любила одного из них?

— Не одного. Но одного — особенно. От которого у меня...

«Дело кончится убийством»,— подумал я. Я выбрался из постели и прокрался к двери в отчаянной надежде, что сумею помешать Жадюге Филлипсу ворваться в сарай, если тот вдруг проснется и обнаружит отсутствие Мэбел. Светила луна, двор фермы был весь изрезан тенями. Я встал у сарая, настороженный, готовый уж и сам не знаю к чему. Обветшалая ферма, четверо людей и необъятная ночь, вся наполненная моим беспокойством,— остального мира словно не существовало.

— Это неважно, я все равно люблю тебя! — донесся взволнованный шепот Арти Макинтоша.

— Милый, не надо мне ничего обещать,— отвечала Мэбел.— Это ни к чему.

— Как ты прекрасна! Твое тело — как оно прекрасно!

— Только тело?

— И лицо, и волосы, и душа твоя — все.

— Молчи, только целуй меня. Люби меня сейчас. И молчи. Я хочу, чтобы ты получил то, чего добивался.

Скрип жалкого ложа, резкие движения тел, сдавленный шепот. Меня бросало в дрожь — столько исступления было в этих порывах страсти, скрытых от мира стенами сарая.

Залаяла собака.

— Тихо, пес,— срывающимся голосом стал я уговаривать ее.— Ты ведь добрый песик.

Звякнула цепь, и собака снова улеглась, ворча, не слишком успокоенная. С отдаленных холмов донесся ответный лай; а потом послышалось равномерное шарканье шагов на веранде. В тени у бака появилась фигура в белом. Я съежился в дверном проеме сарая.

В сарае наступила тишина. Почти не дыша, я следил за призраком у бака. Он был неподвижен, словно статуя. К этому времени, казалось, все собаки в округе переполошились, они неистовствовали на разные голоса, создавая дикую какофонию; но Филлипсов пес только тихонько ворчал, словно чувствуя присутствие хозяина и его унижение.

Жадюга Филлипс двинулся в мою сторону. Потом остановился, должно быть, разноречивые чувства терзали его, и он колебался. Я услышал невнятный, но настойчивый шепот — он донесся от кровати Арти. Ни жив ни мертв, я прижался к стенке сарая.

Жадюга Филлипс сделал еще несколько шагов вперед. И вдруг, очевидно, приняв решение, повернулся, поднялся на веранду и исчез. Деревяшка его чуть слышно простучала по голым доскам пола.

Я пришел в себя и отдышался. Тут я увидел Мэбел. Она была в длинной ночной рубашке, босая. Возможно, она тоже заметила меня, но не подала вида; она проскользнула мимо и, крадучись, вернулась в дом. Я насторожился, ожидая услышать ругань или что-либо пострашнее, но в доме стояла полная тишина.

Одна за другой переставали лаять собаки. Я невольно поежился и пробрался к своей кровати. Глаза мои уже привыкли к темноте, и я разглядел спину Арти Макинтоша, одеяло, свешивающееся с края кровати. Он не сказал ни слова, даже не шевельнулся.

Меня била дрожь. Так, весь в поту, я пролежал на спине, пока не прокричал первый петух, возвещая восход солнца. Оно уже выглянуло из-за пустынных холмов. Я встал и вышел во двор. Свернул сигарету, жадно затянулся, как будто едкий дым мог успокоить мои взбудораженные мысли. Я присел на подставку бака. Окурок обжег пальцы, я бросил его и свернул другую сигарету. Солнце окрасило восток розовым светом, и ко мне вернулось наконец ощущение реальности того, что меня окружало: фермы, дома, окрестные холмы и долины. Теперь мне уже казалось, что события этой ночи произошли не здесь, а в какой-то далекий, зловещий и мрачный час с совершенно неизвестными мне людьми.

Как обычно, из дому вышел старик Филлипс и стал стучать вилкой по тарелке, созывая к завтраку. Какая бы ни стряслась беда, внешне жизнь должна была идти обычным чередом. Жадюга посмотрел на меня испытующе, но промолчал. Я разбудил Арти Макинтоша. Он одевался медленно, неловко, избегая моего взгляда. Я через силу потащился в дом. Жадюга сидел на своем месте во главе стола, тупо уставившись в пустую тарелку. Вид у него был жалкий, как у всякого обманутого супруга, бессильного бороться с унижением.

Мэбел вышла из спальни, взяла тарелку Жадюги и положила на нее из кастрюли три большие дымящиеся картофелины. Потом начала резать баранину. Я заметил, что платье на Мэбел то же, какое было в день нашего приезда в Бангари. На лице ее, во взгляде и поведении

я не заметил ни тени сожаления или стыда; наоборот, она словно была горда тем, что произошло.

Она поставила перед мужем тарелку без единого слова или взгляда. Жадюга принялся есть, а Мэбел подала завтрак мне. Потом положила четыре картофелины и особенно большую порцию баранины в тарелку Арти. Его все еще не было. Наконец высокая фигура моего напарника появилась в дверях. Не скрывая нежности, Мэбел смотрела на Арти. Он отвел глаза и даже чуть покраснел — так мне показалось. Арти неуверенно вошел и сел за стол. Не поднимая головы, он взял соль и перец и начал есть.

Я сосредоточенно доел завтрак и, не дожидаясь добавки, вышел из-за стола.

Скоро и Арти явился в сарай. В руке он держал чек.

— А как с теми двумя фунтами? — почти безучастно спросил я.

— Что толку спорить со старым ублюдком! — ответил Арти Макинтош; казалось, ему теперь наплевать на деньги.

Мы стали укладывать чемоданы. Я покончил с этим первый и пошел мимо дома к воротам. Из окна донесся голос Жадюги.

— Можешь ездить в город, когда хочешь! — говорил старик.— И можешь покупать всякие вещи: занавески, линолеум и что еще вздумается. И вот тебе десять фунтов, девочка. Поезжай в Мельбурн в понедельник и привези домой сына.

Я украдкой наблюдал за ним. Почему-то мне очень хотелось, чтобы он потребовал, как всегда, маринаду и всего прочего. Но он молчал.

Мэбел наполнила свою тарелку и быстро вышла. Скоро она вернулась. Она несла судок для приправ, тот самый, который мы видели в витрине в городе. Она держала его перед собой кончиками пальцев, как священник чашу. Мы, трое мужчин, удивленные — правда, каждый по-своему,— следили за Мэбел. Она поставила прибор на стол.

Жадюга Филлипс сидел, сжимая в кулаках вилку и нож. Рот его превратился в узкую полоску, словно застегнутый застежкой «молнией», жилы на шее напряглись. Он хотел что-то сказать, но губы его шевелились беззвучно, как у немого.

— Возьмите маринаду, мистер Макинтош,— предложила Мэбел.

— Большое спасибо,— ответил Арти.

Обычная издевательская улыбка тронула было его губы, но тут же глаза его засветились нежностью и благодарностью. Он медленно потянулся за маринадом и увидел наконец искаженное яростью и болью лицо старика Жадюги.

— Уж очень я люблю эту приправу! — сказал Арти и положил себе маринаду на тарелку.

Мэбел наклонилась и повернула судок.

— Чатни и горчица тоже есть,— сказала она и снова занялась едой.

За столом стояла зловещая тишина. Филлипс проглотил кусок-другой и с усилием выговорил:

— Ребята, вы в поле можете не ходить. Я выпишу вам чек и так.

Что ж, меня это вполне устраивало. У Арти глаза чуть не вылезли на лоб, но он не нашелся что сказать.

За воротами я остановился и оглянулся. Арти Макинтош выходил из сарая. У дома он помедлил, посмотрел на входную дверь, потом поставил было ногу на ступеньку веранды, но заколебался, повернулся и торопливо подошел ко мне.

Мы двинулись в путь; Арти все оглядывался назад. Краем глаза я заметил: у перил на веранде появилась Мэбел, она подняла руку — так прощаются с любимым, уходящим навсегда.

Арти обернулся и тоже поднял руку — и так стоял, пока Мэбел не скрылась в доме. Тогда рука его тяжело упала. Я зашагал дальше. Догнав меня, он остановился и поглядел на небо.

— Господи, какое идиотство, господи! — восклицал он, словно жрец на богослужении.— Ну и идиотство!

Всю дорогу до бангарийской гостиницы мы проделали молча, поглощенные каждый своими мыслями. Меня так и подмывало поскорее найти попутную машину и сразу махнуть в Бенсонову Долину. Бангари опротивел мне до предела, и потом, если уж ты повернул в сторону дома, не терпится поскорее добраться туда.

— Выпьем сначала,— предложил Арти.— Все равно надо получить деньги по чеку и расплатиться с Мерфи.

Мы вошли в бар. Мак отдал чек миссис Мерфи и спросил пива. При виде подписи трактирщица так и взвилась.

— Фу, мерзость какая! — Она с грохотом выдвинула ящик кассы.— Он ей в деды годится. Грех это, вот что это такое!

Грех был излюбленной темой миссис Мерфи, которая откровенно высказывалась против всех его разновидностей, исключение она делала только для злоупотребления спиртными напитками со стороны посетителей бара ее супруга.

— Старое, грязное животное! Да и она не лучше. Я сразу сказала мужу: это никудышная девка.

— Уж вам ли судить? — сказал Арти Макинтош, отрываясь от кружки.— Каждый живет как может. Всякое бывает на свете.

— Вам-то лучше знать,— ответила миссис Мерфи.— Я ведь видела вас тогда с ней на кухне.

— Слушай, ты, старая сука! — оборвал ее Арти.— Держи-ка себя поприличнее. Кончай со счетом и можешь не желать нам удачи, ведь сама ты в жизни удачи не увидишь.— Он оставил недопитую кружку на стойке.— Пора нам, друг, домой, в Бенсонову Долину,— там хоть пива приличного достанешь.

Миссис Мерфи молчала, словно онемела,— небывалый случай в ее практике. Мы забрали сдачу и скоро поймали грузовик, направлявшийся в Мельбурн. Шофер взялся подвезти нас.

Мы молчали. Грузовик, слегка подпрыгивая, несся мимо холмистых овечьих пастбищ к Бенсоновой Долине.

Мне все по-прежнему не верилось, что странные бангарийские события действительно произошли в реальной жизни. Арти Макинтош молчал, охваченный унылой задумчивостью.

Мы миновали ближайшую к Бенсоновой Долине деревню. Знакомая придорожная пивная была для меня как бы пограничным столбом, и я отдался радости возвращения. Мы достигли плато; сбоку потянулись пустынные, открытые ветрам поля.

И вот на краю крутого склона внизу под нами мы увидели плодородную долину, словно пестрый ковер чудесного рисунка и яркой расцветки. Темно-зеленые пятна полей люцерны, бледно-зеленые луга, густо-красные и коричневые пашни, и все это — сквозь голубоватую вечернюю дымку.

— Красиво, а? — не выдержал я.

— Угу,— ответил шофер, резко рванув рычаг скоростей на спуске.

Арти все молчал.

Белый дым из труб молочной фабрики. Черный паровозный дым, стелющийся со станции в южном конце долины, там, где выемка. Серебристые и красноватые железные крыши. Таинственно мерцающие огоньки отдаленных ферм.

Где-то залаяла собака, сгоняя коров на дойку; послышался топот и удары по мячу — играли в футбол; уже видны стали вязы, намечающие контур Главной улицы. Промелькнула вывеска: «Добро пожаловать в Бангари, город лучшего мыла».

Машина, погромыхивая, спускалась с холма; дорога теперь вилась между вязов.

Мы расстались с Арти у Гранд-отеля. Я выплатил ему свою часть проигрыша на скачках. Маловато денег оставалось после бангарийской кабалы. Но не это мучило меня; было такое ощущение, словно у тебя на глазах трое людей наложили на себя руки.

Попрощавшись, Арти обернулся и, сделав над собой усилие, запел: «Я снова в Бенсоновой Долине, недолог домой был путь; стою я в дверях Гранд-отеля, готовый с друзьями кутнуть». Так хотелось ему казаться беззаботным! Но голос его дрожал, как у оперного певца в трагических местах арии: «Итак, окончен, окончен труд, будем пить и петь до зари. Но не забыть мне злосчастных дней — там, у коки из Бангари».

У двери в бар Арти обернулся и многозначительно поднял палец.

— На будущее с этой песней покончено,— сказал он.— Запрещается! Понял меня?

С тех пор Арти заметно переменился. Он чаще задумывается, меньше подсмеивается над людьми, шутки его потеряли прежнюю резкость и беспощадность. И хоть он и не женился, отношение его к женщинам стало намного человечнее.

Ни я, ни Арти Макинтош больше не бывали в Бангари.

Перевела с английского Инна Полетаева.

В Рижском рыбном порту.

ЛЮДИ И

Герой Социалистического Труда Харий Лидакс.

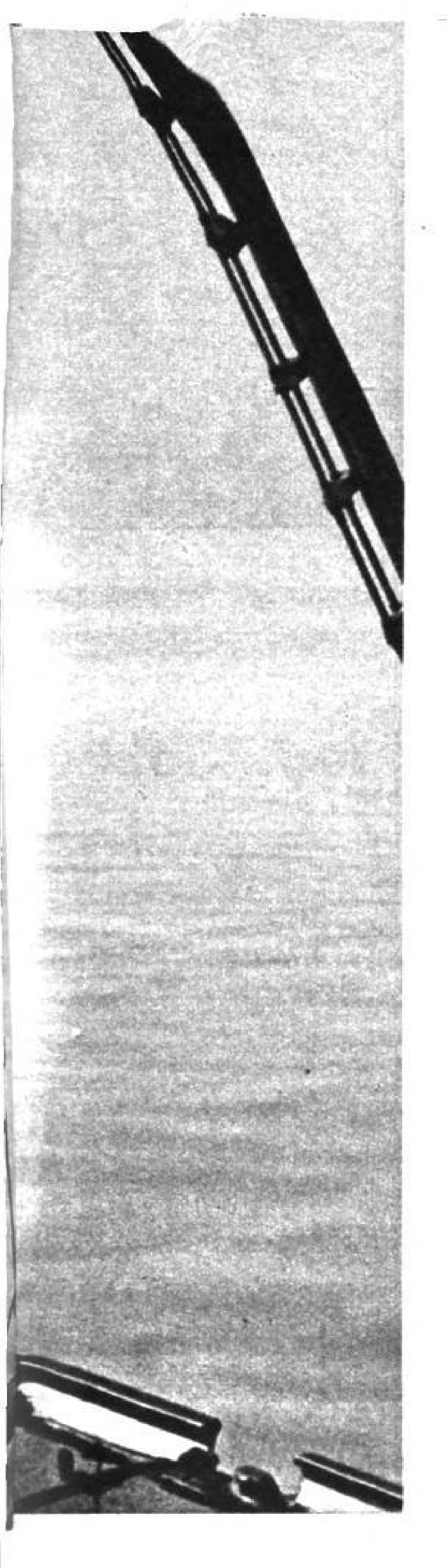
Капитаны-наставники Н. И. Митрофанов и Г. А. Дурденко.

На борту траулера.

Капитан «Сильного» Н. П. Четыркин

РЫБА

А. СТАРКОВ

Фото А. ГОСТЕВА.

Хотел написать о рыбе. О том, как ее ловят в океане. Но мне не удалось на этот раз выйти в море. Я только встречал и провожал суда в Рижском рыбном порту. Между прочим, это тоже интересно — встречать и провожать. Уйдя в плавание, я узнал бы жизнь одного экипажа, побывал бы в какомнибудь одном районе лова. А тут передо мной прошло столько кораблей и побывал я, пусть заочно, и возле Исландии, Фарерских островов, Ян-Майена, и неподалеку от Ньюфаундленда, Лабрадора, и близ норвежских фиордов, и на банке Джорджес у берегов Америки, и даже в Гвинейском заливе.

Бывший самый молодой

В Гвинейский залив меня привел на «Немане» капитан Александр Кондратьевич Гайлитис.

Но прежде чем с Гвинейским заливом, я хочу познакомить вас с самим капитаном.

Сейчас его нельзя назвать самым молодым из латвийских капитанов. А шестнадцать лет назад газеты о нем именно так и писали: самый молодой, двадцатидвухлетний...

— Кажется, это было совсем недавно. А тут вот подошел к нам к борту тралец с промысла. Вижу, симпатичная девушка прогуливается по палубе. Я взял крошечную рыбешку из ящика с уловом и метнул ее так, чтобы она упала к ногам этой девушки. А она и говорит: «Лысый такой дяденька, а тоже шутить...» Я в каюту, к зеркалу. Действительно, лысый. А я этого как-то не замечал.

До того, как стать самым молодым капитаном, он еще был и самым юным юнгой на пароходе «Ариё». Газеты, правда, об этом тогда не писали. Латвия не была еще советской. Но юнга дважды уже побывал в советских портах: в Мурманске и в Ленинграде. А потом он почти год плавал матросом под советским флагом на той же «Ариё». За два дня до войны пришли в немецкий порт Любек. Через неделю после начала войны команду бросили в концлагерь. Была единственная возможность вернуться домой... И матрос — на пароходе, над кормой которого фашистский флаг. Рейсы в Норвегию, все в Нарвик и в Нарвик. Дождется ли он нужного ему рейса? И вот плывут в Лиепаю. В первую же ночь на рейде он вахтенный. Идет мимо борта моторка, рыбаки, наверно. Приглушили мотор, рулевой кричит: «Нет ли табаку? Меняем на рыбу». По-немецки кричит, судно-то перед ним немецкое. А вахтенный в ответ по-латышски: «Есть табак!» У него табака полная наволочка. Не курит, накопил из пайка на всякий случай. Вот он и подошел, этот случай. Бесшумно соскользнул по шторм-трапу в шлюпку. Рыбаки ни о чем не расспрашивали. Просто подбросили к берегу. И табака не взяли, нет, взяли на одну закурку... С самым ранним утренним поездом он — в Ригу, домой.

В Риге его выручала немецкая мореходная книжка, паспорт. Левая сторона заполняется при найме на судно, правая — при увольнении. А он не увольнялся, страничка чистая. Наткнешься на патруль, паспорт в зубы: «Германия, пароход «Алиса Фрейман», старший матрос...» И в армию не берут: моряк дальнего плавания. Это по паспорту. А так его плавания были не очень дальние: по Даугаве на буксирном катере. Сам себе и рулевой и моторист. Перед приходом наших затопил катерок под мостом, чтобы немцы с собой не угнали. И сразу в советскую комендатуру: не нужен ли совершенно целый катер? Ого, еще как нужен! Долго ли поднять такой катеришко со дна... И снова забегал он вдоль рижских набережных. Только матрос на нем новый. А прежний в дальних плаваниях, теперь по-настоящему дальних.

Через много лет он снова пришел в западногерманский порт Любек, на этот раз как капитан «Немана», большого рефрижераторного судна, которое несет в океане материнские функции. Это плавучая база, «матка», опекающая траулеры на далеких промыслах: дает им топливо, воду, снабжает экипажи продуктами, забирает у них улов. В Любек «Неман» зашел на ремонт. Как положено, представители судоремонтной фирмы нанесли визит вежливости капитану. Он принимал гостей в салоне, говорил с ними по-немецки, выказал отличное знание как порта, так и самого города. Очевидно, господин капитан бывал уже в Любеке и, наверно, не раз? Нет, только однажды. Правда, несколько задержался здесь, сидел в концлагере, вон там, в районе сухих доков. Он сказал об этом, глядя в лицо сидевшему напротив господину. Сказал, что хорошо помнит место, где был расположен лагерь, и вообще не забудет всего, что связано с этим лагерем, в частности «зеленую смерть». Так называли суп из травы, которым кормили заключенных... Говоря об этом, он продолжал в упор смотреть в глаза своему визави, потому что узнал в этом человеке одного из сотрудников лагерной администрации...

Теперь, я считаю, мы познакомились с капитаном, и нам самая пора в Гвинейский залив. «Неман» уже там. С ним на южных параллелях трое «крошек», три океанских траулера: «Сергей Есенин», «Леон Паэгле» и «Кришьян Вольдемарс», два поэта и мореплаватель. Я давно заметил, что у рыбаков особое пристрастие к литературе. У мурманцев, например, есть флотилия русских классиков: «Пушкин», «Гоголь», «Достоевский», «Салтыков-Щедрин», «Чехов», целая плавучая библиотека. Латыши любят поэзию. У них полно плавающих «поэтов». Вот и с «Неманом» пришли к африканским берегам двое: «Есенин» и «Паэгле». А на самом «Немане» третий, живой поэт — Ян Плотниек. Весь рейс он писал книгу, которую собирается назвать «Восемь раз через экватор».

Восемь раз в этом плавании пересекал «Неман» экватор: дважды на пути из Риги и в Ригу и шесть раз, когда ходил из района промысла в северное полушарие — в Республику Гану и обратно. В Гане сдавали рыбу, три улова трех траулеров. И только с четвертым уловом «Неман» пошел домой. А с пятым — уже сами ловцы, «Есенин», «Паэгле» и «Вольдемарс».

Гвинейский залив набит рыбой. Ставрида, морской карась — розовый и черный, скумбрия, паламида, тунец, рыба-сабля и рыба-капитан... Искать почти не надо, сама, похоже, ищет тралы. И, угодив в полон, не стремится вырваться, выскользнуть на волю, как это всегда старается сделать пронырливая и свободолюбивая селедка. Тут другие заботы: освободить трал от рыбы так, чтобы не повредить ни трала, ни рыбы. Цепляется, проклятая, своими колючими плавниками, попробуй отдери. Первое время латышские рыбаки просто мучились. И тралы рвали и рыбу калечили. Помогли калининградцы, не впервые уже промышлявшие в этом районе. Посоветовали вымывать рыбу из тралов насосами. Они же научили, как вернее всего замораживать добычу в этакой жарище: пересыпать мелко-мелко раздробленным льдом — дольше хранится... Так что тут, в Гвинейском заливе, труднее не поймать рыбу, а обработать, подготовить к сдаче в достойном, так сказать, виде. Что ж, справились, кажется, неплохо. Александр Кондратьевич показал мне документ. Называется «Сертификат», удостоверение. Выдан в ганском порту Тема. Гласит: «Удостоверяется, что вся свежемороженая рыба в количестве 3 255 тонн принята от моторного

со спасательной ракетой.

ЛЮДИ И РЫБА

судна «Неман» высоким качеством и в экстра-упаковке».

Улова было столько, что часть добычи привезли в Ригу в виде кормовой муки для скота. Она пользуется большим спросом. Особенно аппетитен перемолотый морской петух. Коровы, говорят, обожают этого петушка, который не кукарекает...

Перед «уходом» из Гвинейского залива, то есть в конце интервью, капитан «Немана» положил передо мной четыре фотографии, снятые на африканском берегу в рыбачьем поселке. Первый снимок: океан, у самой кромки воды высокий негр, ганец. Он взметнул над головой руки, он кричит, у него за спиной вдалеке гигантская откатная волна, на гребне которой крошечная точка, гибнущий, уносимый в океан человек. И негр кричит, сзывая на помощь людей. Вот они, на втором снимке, сбегаются со всех сторон, рослые мужчины и под стать им женщины, сбегаются, разматывая длинный канат, и первые уже в воде. Третья фотография: цепочка, вереница людей в океане, они идут, плывут, и все держатся за веревку, один конец которой в руках тех, кто на берегу, а другой уже намотан вокруг тонущего. Только так можно его спасти, один, два, даже десять человек тут ничего не сделают, их унесет океанским откатом, а против многих, против сотни океан бессилен: они крепко держатся за канат, и волне не вырвать его из их рук. Четвертый снимок: ликующая, пляшущая толпа на берегу, мужчины, женщины, дети, и среди них, на руках у них, спасенный ими человек, русский человек, механик с «Немана», не знающий, как опасно купаться в океане...

Как ловить рыбу!

В самом деле, как ее ловить, чтобы поймать? И чтобы сразу много. Ведь не везде же она сама плывет на ловца, как в Гвинейском заливе. И не всякая рыба желает добровольно в трал или в сети. Селедка, к примеру, страсть этого не любит. И нужно ловить момент, чтобы ловить селедку. Вот когда ее брать на севере? С января по март она в фиордах, нерестится, тут ее трогать нельзя. А потом, истомленная, исхудалая, уходит слабенькими разрозненными стайками на параллели за Полярный круг. Кому она здесь нужна такая? Пусть попасется в планктоне, наберет силы, скомплектуется в мощные косяки и уйдет нагуливать жирок к Исландии, к Фарерским островам. Это — начало лета. Самое время для разведки, для поисковых судов. Гидрологические съемки, пробные выловы... Нужно уточнить маршруты косяков, узнать, чем рыбка кормится, созрела ли в половом отношении. Это важно для ловцов, которые выходят вслед за разведчиками расставлять в океане силки и капканы. Я не оговорился: рыбный промысел — это та же охота, горячая, азартная, с погонями, с удачами и промахами, с немалыми порой огорчениями.

Ловцы в море бывают разные, как и охотники в лесу. Одни спешат туда, где уже обложили зверя, спешат к «мятой» воде, где сгрудились траулеры и мечут, мечут сети. Другие не лезут в гущу, не ищут легкого промыслового счастья. Оно легкое и в том смысле, что легко улетучивается. Настоящий ловец не боится поднять пустые сети — они о многом ему расскажут. Конечно, команде невесело «гонять пустыря». Но капитан улыбается, и команда понимает, что значит его улыбка: еще разок, еще разок — и косяк будет подцеплен. Говорят, должно быть чутье на рыбу. Возможно. Но я скажу так: чутье плюс приборы, вернее, приборы плюс чутье. Думаю, вы понимаете, что под чутьем я имею в виду опыт. А приборы? Приборы всякие. Их богато на траулерах.

Вот термометр. Обычный, вроде комнатного. Но он под самым днищем корабля, а датчик от него — в штурманской рубке. Вахтенный всегда знает, какова температура воды. Скакнула вверх, понизилась резко — насторожись! Тут должна быть рыбка. Она накапливается на температурных гранях. Никогда не перейдет сразу из холодного течения в теплое, и наоборот. Долго-долго движется по рубежу, по невидимой, но хорошо ощутимой границе температур. Ставь сети — не промажешь... А эхолот? Думаете, что только глубины измеряет? Отличнейшим образом «вынюхивает» рыбу. Лучше борзой на охоте. Перо эхолота усердно пишет, ничего не пропустит. Но надо уметь читать его записи. Как азбуку Морзе. Для кого тире-точка-тире, а кому — смысл! Так и тут. Эхолот докладывает, что обнаружил рыбу. А какая — это уж дело опыта капитана, его чутья, если хотите. Кинешься на треску, а выловишь медузу. Она обманчивая, эта медуза, армадами идет, густо-густо, легко принять за рыбу... Или был случай. Один капитан оповестил на все море открытым радио: «Вижу сельдь, много!» К нему траулер за траулером. А то была не сельдь, а стая акул, гнавшаяся за сельдью. Эхолот подвел? Нет, не эхолот. Грамотности не хватило у капитана: не так прочитал. И, наверно, не поглядел в фиш-лупу, рыбью лупу, электронный прибор, который уточняет, расшифровывает записи эхолота. Фиш-лупа говорит, какая рыба. Но говорит только тому, кто умеет смотреть. Так что повторим формулу: приборы плюс опыт!

Но найти рыбу — еще не значит поймать. Сельдь хитра. Сельдяной косяк маневрирует, увертывается от погони. Кажется, засекли, настигли, но не успели заарканить, выскочил из петли. Бывает, эхолот пишет, фиш-лупа фиксирует — по всем признакам селедка. А в сетях опять медуза, пертуй и прочая океанская чепуха. Потому что ночь, а ночью сельдь подымается на верхние горизонты, смешивается со всякой мелочью, которой тьма-тьмущая, с планктоном, как бы прикрываясь, камуфлируясь, обманывая эхолот, фиш-лупу и самого ловца, даже очень бывалого. Но можно и хитрую селедку перехитрить. Идет косяк. Вы знаете его направление, его скорость, а также скорость течения. Перебегите дорогу косяку, поставьте ему сети на пути. Так, чтобы он сразу, не очухавшись, не подозревая никакой угрозы, с ходу, с разгона — да в капкан!

Автора спросят: откуда такая осведомленность, такой опыт? Не таюсь: чужой опыт. Изложил как мог то, что узнал от трех асов рыболовного промысла, трех капитанов-наставников: Григория Акимовича Дурденко, Владимира Николаевича Маркелова и Николая Ивановича Митрофанова. Мне просто повезло, что я застал всех троих вместе в порту. А на снимке вы видите двух: Маркелов ушел в море. Опоздай фотокорреспондент еще на день — и Дурденко не поймал бы... Они ведь наставники, и где же им учить своих подопечных, как не в открытом океане?

Дети капитана Гранта

Нет, не Гарри Гранта, капитана исчезнувшей «Британии», а Яна Валтовича Гранта, старейшего на Балтике капитана. Всех, кто плавал с ним когда-нибудь, называют детьми капитана Гранта.

Вот один из его сыновей — Харий Лидакс, Герой Социалистического Труда. Как и капитан Гайлитис — помните? — он тоже бывший самый молодой. Но это было совсем недавно, шесть лет назад. Сейчас ему 27, и он не очень-то бывший, он еще из самых молодых.

Когда старик Грант уходил на пенсию, его спросили: «Кого вместо вас?» Ян Валтович сказал: «Лидакса, я думаю». Он сказал так, хотя Харий ходил с ним как штурман только в два рейса. Только в два? Но рейсы-то в Северную Атлантику чуть не по полгода каждый. Можно за это время узнать человека, тем более в море. А потом старший Грант знал Фрицаса и Яна Лидаксов, плавал с ними на парусных ботах и помнил мальчишку, который помогал на каникулах деду и отцу. Это был Харий.

Возвращаясь с моря, капитан Лидакс посылает три радиограммы о результатах промысла. Первую — в Управление экспедиционного лова. Вторую — в рыболовный колхоз «Энкурс» («Якорь») Яну Лидаксу, отцу. Третью — старику Гранту, своему «крестному». И все адресаты бывают довольны радиограммами: «Полный улов!»

Извините, что не могу много рассказать о капитане Лидаксе: встречались с ним накоротке. Представляете, человек приехал из отпуска — ездил в Кисловодск, потом рыбачил с отцом — и узнал о новом назначении. Сдать СРТ, принять БМРТ. Сейчас я вам расшифрую. Средний рыболовный траулер берет 65 тонн рыбы. Большой морозильный рыболовный траулер берет 650 тонн. Чувствуете разницу? Экипаж — 24 человека и экипаж — 96. Это не просто новое для Лидакса судно, а совсем другое, на таких он еще не плавал. Ни матросом, ни штурманом. И вот — капитаном! «Линард Лайцен» идет с моря, с Ньюфаундлендской банки, сдаст улов и снова туда же, к Канаде. Поведет новый капитан, Лидакс. Сколько заботы! На своем старом судне он все знал. А тут... Бегает Харий то в диспетчерскую, то к капитану порта, то в отдел кадров, то по складам. Ничего не забыть! В море уйдешь, рукавиц хватишься (мало взял) или соли недобор, доньев нехватка, а то и совсем пустячок — пробок, чтобы бочки затыкать, неполный комплект,— все! Иди к плавучке, проси, унижайся, а идешь к «матке», сколько рыбы упустишь...

Так вы уж извините: некогда человеку!

В поисках бури

Спешу в порт: пришел «Сильный», давно я его жду. Это спасатель — корабль, который ищет бури. В шторм, в ураган надо бы в укрытие, в бухточку какую. А для «Сильного» самая работа! Он дежурит по океану, по штормам. Он там, где плохо, где несет на рифы, где тонут...

У нас много таких спасателей: «Стерегущий», «Стремительный», «Стойкий», «Смелый», «Славный»... Это и в самом деле стерегущие, стремительные, стойкие, смелые, славные корабли.

«Сильный» молод, ходок, остойчив на любой волне, у него мощная машина, мощные буксирные средства, насосы для откачки воды, брандспойты, аппаратура для надводной и подводной сварки, водолазные станции. И ракеты! Спасательные... Тонет угодившее на рифы судно. Но как подойти к нему на высокой штормовой волне, как перебросить буксирный конец, как стащить с камней? И вот над морем летит с борта спасателя ракета, выпущенная из «пушки». Вокруг ракеты намотан линь — длинный тонкий трос. Полет ее точен, линь подхвачен там, на попавшем в беду судне. Два корабля соединены между собой, и теперь несложно передать любой конец, любой самый толстый буксир. Побольше бы в мире таких ракет! Спасательных...

Капитан «Сильного» — Иван Петрович Четыркин. 34 года. Смоленский, земляк Нахимова. Внук матроса, погибшего в Порт-Артуре. Сын танкиста, гвардии майора, павшего под Жлобином.

Прошу Четыркина рассказать о случаях. О случаях? Но это же обычная для «Сильного» работа.

Вот, пожалуйста, вахтенный журнал.

Февраль. Шетландские острова. Тихая бухта. Тралец зашел с промысла подремонтировать машину. Разобрали. И вдруг ветер с востока. Понесло на рифы. Без машины, без рулевого управления. Прилетел «Сильный», дежуривший неподалеку. Ракета. Буксирный трос. Оттащили. Опоздай на час — сидеть бы тральцу на рифах.

Март. Северное море. Траулер в погоне за рыбой в азарте намотал на винты собственные сети. У самого себя в плену. Взяли на буксир. Привели к мысу Скаген, где потише. Водолазы — вниз. 25 часов под килем. Размотали.

Май. Гренландия. Датский пролив. Ураган. На СРТ сорвано рулевое. Несет ветром на огромной скорости. «Сильный» спешит вслед, но долго не может догнать. В трубе вода. Выбиты стекла в штурманской рубке. Погоня! Почти сутки. Настигли. Ракета, буксирный трос. Потащили в Ригу...

Вот так.

И снова «Сильному» в море. В порту он в гостях. В океане — дома, в океане — работа. Поиски бурь...

* * *

Все чаще и чаще провожаю я суда. Идут к Ньюфаундленду, к Лабрадору, к Фарерам, к Новой Шотландии, на банку Джорджес, в пролив Дэвиса, в Гвинейский залив, к мысу Хаттерас... За сельдью, за треской, за окунем, за ставридой... Рыбацкого всем счастья!

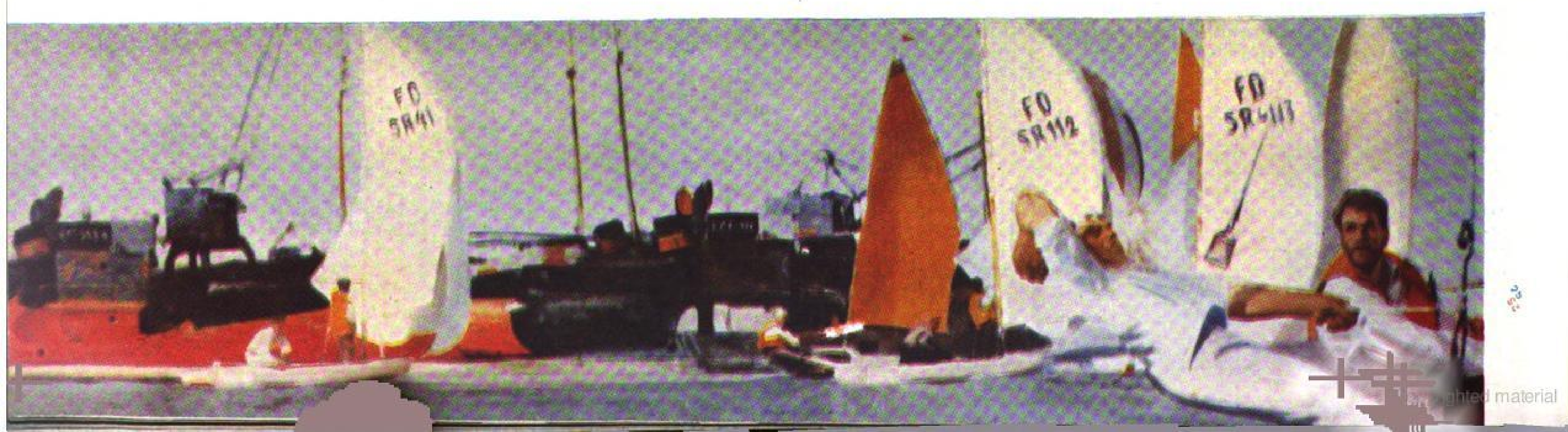
А. Дейнека (Москва). У МОРЯ.

Т. Салахов (Баку). ОКНО.

Ю. Пименов (Москва). РАЙОН ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ.

Я. Осис (Рига). БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ — МОРЕ МИРА.

Оренбуржцы полюбились нам

Н. ТОЛЧЕНОВА

Уж никак не могли пожаловаться на равнодушие театры, гастролировавшие в столице нынешним летом. Москвичи с неподдельным интересом смотрели привезенные гостями спектакли, чтобы потом не раз вернуться к ним на обсуждениях. И до сих пор о гастрольных спектаклях говорят, пишут, вспоминают, сравнивают их между собой... Больше всех, пожалуй, полюбились куйбышевский, саратовский, позднее оренбургский театры. Оренбуржцы завоевывали симпатии тем особым качеством, которое даже трудно, пожалуй, с точностью определить; может быть, можно назвать его трудолюбием в искусстве.

Театр серьезно разговаривает о жизни, всякий раз ясно видя главную тему и стремясь донести ее до зрителя. В этом — неоспоримое достоинство коллектива.

Особенно привлекали у оренбуржцев спектакли, не идущие на московских сценах: «Жизнь Матвея Кожемякина» по роману А. М. Горького, «Джо Келлер и его сыновья» Артура Миллера, «Родники» местного автора Ф. Миронова, «Лес» А. Н. Островского — премьера, выпущенная театром в столице во время гастролей.

Впрочем, зрительный зал предоставленного гостям Театра имени Моссовета отнюдь не пустовал и на «Иркутской истории» и на «Ленинградском проспекте». В данном случае искушенных театралов привлекала возможность понаблюдать за особенностями актерской игры, режиссерской трактовки. И тем, кто смотрел «Ленинградский проспект» у оренбуржцев — спектакль, рассказывающий о жизни большой рабочей семьи Забродиных, — ярче всех запомнилась, конечно, Клавдия Петровна — не просто славная домохозяйка, заботливая хлопотунья... Актриса М. Бородина показывает личность незаурядную; в ее изображении мать, жена, бабушка в семье Забродиных — это прежде всего настоящий человек, мыслящий и чуткий, требовательный к людям и к себе.

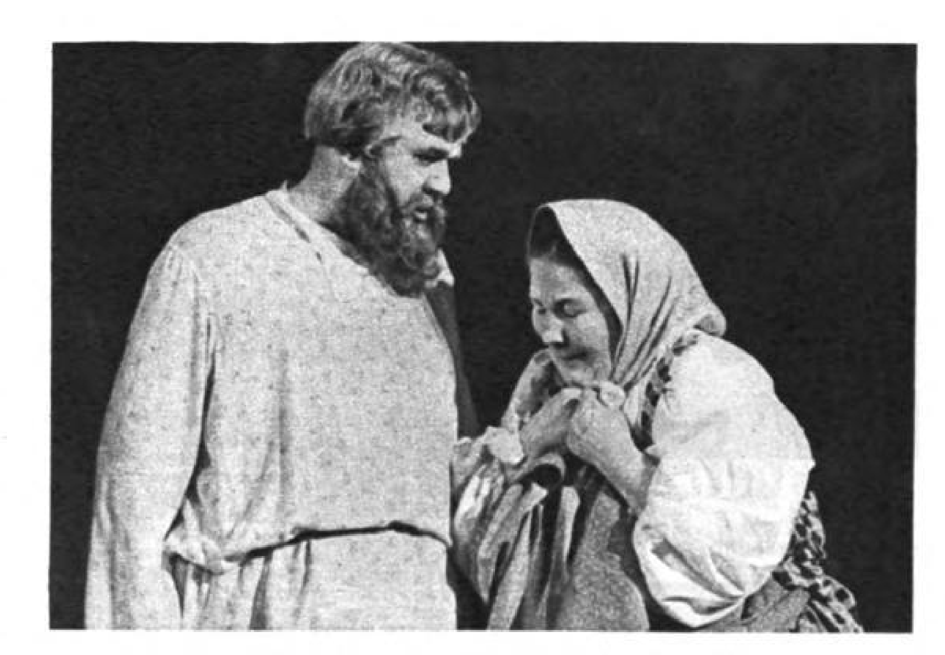
Все время следишь за Клавдией Петровной, пока она находится на сцене — вроде бы незаметная, скромно причесанная, в своем аккуратном старомодном платье. Подчас она кажется даже суровой, резковатой. Но вдруг нагнется к Маше либо взглянет на сына Бориса — и такая сердечность, человеческая чуткость откроются в этой худощавой, утомленной и, чувствуется, не очень-то здоровой женщине, так зорка и внимательна она к хорошему, так тверда, неуступчива к плохому...

После смерти Клавдии Петровны душой дома становится Маша, юная невестка Забродина. Войдя в семью, Маша перенимает обычаи Клавдии Петровны, продолжает ее человеческие традиции. Симпатичная актриса А. Барышева очень старается оттенить эту преемственность. Жаль, что избыток усердия на сцене не всегда оборачивается своей положительной стороной.

Излишне подчеркивает душевную открытость, мягкость своего Сергея Серегина в «Иркутской истории» и артист А. Студниц-Мельников. Образ ведь и без того «голубой» по пьесе. А на сцене он становится совсем слащавым, ему недостает мужественности, простоты. Зато у Вальки — А. Жигаловой отлично обрисовано созревание характера. Интересен и Виктор Бойцов — парень, у которого Сергей «увел» Валю. Актер позволяет видеть, что настоящая любовь к Виктору приходит лишь в конце всей истории. Поэтому К. Густырь, играя Виктора, не ищет в нем подлеца, как это стало принято, отнюдь нет. Его герой честен в своих чувствах ничуть не меньше, чем Сергей Серегин. Просто Виктор не разобрался поначалу ни в самом себе, ни в подлинной сути «Вальки-дешевки»...

Органично живут в спектакле А. Солодилин, играющий подсобного рабочего Афанасия Лапченко, и забавная подружка его монтер Нюра — И. Лидарская. Хороша и бетонщица Зинка В. Осиповой — решительная, задиристая. И на самом высоком уровне, без малейших скидок на периферийность играет «батю» — Степана Егоровича Сердюка, начальника экскаватора — чудесный артист Л. Куклин. До чего ж он правдив, до чего достоверен! Дотошный, прямо-таки въедливый, нетерпимый к промахам молодежи, он басовито распекает подопечных, и ни одной елейной ноты не услышишь в этих грозных раскатах. А вот поди ж ты, видно, что бригадир всей душой привязан к своим мальчишкам, болеет за них.. Хорош в постановке Ю. Иоффе и хор — коллективный герой... Сколько уж было нареканий — и довольно справедливых — на то, что хор в пьесе ненатурален, навязчив, чужероден. Но никак не скажешь этого, глядя на компанию славных, простецких, slаженно действующих заводских парней и девчат, комментирующих происходящие события весьма заинтересованно, но без всякой ложной патетики. Хор участвует во многих эпизодах, усиливая звучание массовых сцен в пьесе.

Л. Куклин — великолепный Шакир в «Жизни Матвея Кожемякина», инсценированной для театра В. Молько. Впрочем, в этом спектакле режиссер Ю. Иоффе точно подобрал почти всех исполнителей. Неистовой жажды жизни исполнен старый Савелий Кожемякин, отец Матвея, рыжий и ражий мужик, крупно и выразительно сыгранный А. Михалевым. Кроткая красавица Палага, жена Савелия, — А. Жигалова — на сравнительно небольшом материале создает образ, полный истинно трагедийного звучания. Наталья — В. Осипова и Мансурова — З. Улановская, Савка — М. Дахцигель...

Сцена из спектакля «Жизнь Матвея Кожемякина».
Фото А. Гладштейна.

Долго можно перечислять актерские удачи горьковского спектакля. А неудача, пожалуй, всего лишь одна. Но досадная. Это заглавная роль — молодой Матвей Кожемякин...

И опять невозможно посетовать на то, что Ю. Горбухов не вкладывает, мол, души и сердца в своего героя. Напротив, артист словно опасается: а вдруг зритель не сумеет разобраться в том, что его Матвей — фигура положительная?.. И он старательно подчеркивает это, подчас невольно разрушая тем самым правду образа. Поначалу верно найденные краски — вдумчивость, сердечность, искренность Матвея — становятся ненастоящими, обволакиваясь неприятным налетом умиленности.

Вероятно, поэтому самой сильной постановкой Ю. Иоффе мне показался «Джо Келлер и его сыновья», где В. Бескин в заглавной роли лаконично показывает духовную обреченность «благополучной» Америки.

Джо Келлер В. Бескина подобен человеку, безнадежно больному. Понимаешь, что у него и нет иного выхода, кроме пули в лоб: куда еще деться деляге, который собственной армии — своим же родным сыновьям! — продал бракованные детали к авиационным моторам... Один сын — в могиле, второй проклял отца и таких, как он.

Самое ужасное и самое впечатляющее в этом Джо Келлере, каким его играет В. Бескин, то, что кажется он очень милым, честным, отзывчивым. Он воплощенное человеколюбие и великодушие! Артист ни разу не позволяет себе переиграть, приоткрыв «злодейское» нутро своего героя. Да он и не злодей, этот Джо: он просто отравлен, развращен, съеден изнутри той страшной болезнью, какая именуется жаждой денег, карьерой, наживой...

В. Бескин мягок в роли Джо. Но эта бархатная мягкость таит пружинистость капкана. И все вокруг Джо Келлера подчиняется ему либо же подминается им... Одна только жена его, Кэт Келлер, в чем-то ставшая почти его сообщницей, еще держится, сохраняя частичку живой души. И эта частичка души и скорбит и страждет о детях... Р. Плескачевская в роли Кэт и В. Бескин отлично проводят все сцены вдвоем, как и молодая пара Крис Келлер — С. Юматов — и Элен Дивер — А. Жигалова. Думается, они не посрамили бы чести русского театра, ежели бы довелось им показать пьесу Артура Миллера в США, — так глубоко она прочтена и тонко, без всякого нажима сыграна постановочным коллективом.

Напрасно было бы думать, что театр сам не ведает, в чем его сильные и в чем слабые стороны. Но у театра есть залог его новых будущих успехов — та самая его черта, о которой мы сказали с самого начала: умение трудиться в искусстве. И умение любить этот труд.

Главный приз фестиваля — Золотой лев.

ЛЬВИНАЯ Д

Две с лишним недели то душный и паркий сирокко, то усладительно-прохладный ветер Адриатики шевелил флагами более чем тридцати наций над «Палаццо дель Чинема» — Дворцом кино на Лидо в Венеции. И каждый вечер то́лпы верных почитателей самого популярного из искусств толпились за барьером у ослепительно освещенного подъезда, с трудом сдерживаемые рослыми карабинерами, восторженно аплодируя кинозвездам, спустившимся с международного кинонебосклона на берег венецианской лагуны. Шел XXIII Международный венецианский кинофестиваль.

Ежевечерне зал Дворца кино заполняли съехавшиеся из всех стран виднейшие деятели кинематографа, известные режиссеры, продюсеры, знаменитые артистки и актеры экрана, приезжие богатые гости, имевшие возможность платить астрономические суммы за билеты, журналисты, представлявшие прессу всего мира. Тут же обычно устраивались пресс-конференции.

Разумеется, с особым ревнивым интересом следили мы все за тем, что происходило по вечерам в большом зале Палаццо кино, где на огромном экране шли фильмы, оспаривавшие первый и главный приз фестиваля — Золотого льва. Вместе с итальянскими, французскими, американскими, аргентинскими, японскими и другими фильмами в этом соревновании участвовали, как известно, два наших фильма: «Люди и звери» — одного из виднейших советских режиссеров, Сергея Герасимова, и первый большой фильм молодого нашего режиссера Андрея Тарковского — «Иваново детство». И участники фестиваля и зрители с нетерпением ждали эти кинокартины и смотрели их с напряженным интересом. Картину Герасимова в газетах называли «фильмом, который не обманул». Шли споры о частностях, отмечались удачи и некоторые просчеты фильма, но все сходились на том, что эта советская кинокартина полна высоких и гуманных мыслей о человеке, значительна по теме и своеобразно отражает явления и настроения, характерные для «новой России сегодняшнегр дня».

Фильм Андрея Тарковского, как уже знают читатели, завоевал не только зрительный зал и признание взыскательной кинокритики, но и суровые, бывалые сердца жюри кинофестиваля. И вот наконец в субботу, 8 сентября, жюри удалилось по традиции с Лидо в некое охраняемое строгой тайной местечко в Венеции... А к вечеру стало известно, что решение состоялось... Конкурс был так велик и труден, что одного Золотого льва оказалось недостаточно, чтобы достойно и справедливо отметить итог этого международного творческого состязания. Пришлось спешно отливать Золотому льву напарника. Жюри присудило глав-

МЕЧТЫ И РОЛИ НИКОЛАЯ БУРЛЯЕВА

Сообщение о том, что два фильма с его участием награждены в Венеции премиями Золотого и Бронзового льва, Коля Бурляев получил на московском ипподроме. Там с утра шла съемка картины «Без страха и упрека», в которой Коле поручена главная роль. Юный киноактер снимается и в фильме «Вступление». Играет он и в Театре имени Моссовета: Васю в «Ленинградском проспекте» и пажа в «Виндзорских насмешницах».

«Ну, а занятия?» — естественно, поинтересовались мы.

В 18-й московской школе нам сообщили, что ученик 9-го класса «А» Николай Бурляев учится хорошо.

Мечтает Коля стать театральным актером, по окончании школы пойти в училище имени Щукина, что при Театре имени Вахтангова.

«Иваново детство».

Советские кинематографисты на фестивале в Венеции.

ПОБЕДИТЕЛИ, ДЕЛА И ПЛАНЫ

В Москву прибыл Большой приз XXIII кинофестиваля в Венеции — Золотой лев св. Марка. Его обладатель — тридцатилетний советский кинорежиссер Андрей Тарковский — получил эту награду за свой первый полнометражный художественный фильм «Иваново детство».

Приехав к нам в редакцию, Тарковский рассказал о тех, кто работал над фильмом, о самой картине, о своих планах.

„Иваново детство» — мой первый большой фильм; до этого я снял короткометражку «Каток и скрипка» — она была моим дипломом. Видел зритель, в данном случае телезритель, и самую первую мою картину, которая снималась как курсовая работа: «Сегодня увольнения не будет». Это о Курске — как разминировали мины, лежавшие с войны.

Во время войны происходят события фильма «Иваново детство». Сценарий М. Папавы и В. Богомолова сделан по рассказу «Иван», напечатанному в журнале «Знамя». Детали, подробности, атмосфера, характеры рассказа — все выдает в авторе участника событий. И действительно, автор — Владимир Богомолов — фронтовик, разведчик, инвалид Отечественной войны. Он писал о своих современниках под впечатлением военных событий, о том, что видел, пережил, передумал. В этом отношении рассказ его во многом автобиографичен, хотя Богомолов был тогда старше нашего героя. Он пошел на фронт в 1943 году, двадцати лет, а Ивану всего двенадцать.

Когда мы стали работать над фильмом, нам казалось важнее рассказать о мыслях, думах нашего поколения — поколения сверстников Ивана, людей, которых так же, как и Ивана, война лишила детства. Поэтому в фильме появились сны Ивана; в них — идея картины, в них — трагедия Ивана; это рассказ о детстве — светлой, счастливой, солнечной поре, рассказ о том, что отняла у этого маленького человека война.

Сверстники Ивана не только я, но большинство участников нашего фильма: и оператор Вадим Юсов (он окончил институт кинематографии несколько раньше меня), и композитор Вячеслав Овчинников, да и многие наши актеры — студенты и воспитанники ВГИКа, училища Художественного театра...

Именинником фестиваля я считаю юного Колю Бурляева. Он, можно сказать, награжден сразу двумя львами: Золотым — как участник нашего фильма, в котором играет главную роль, и Бронзовым — как исполнитель заглавной роли в короткометражной картине Андрея Кончаловского «Мальчик и голубь».

Несмотря на свой возраст, Коля — в период съемок ему было 14 лет — сразу же и, по-моему, точно понял, что основное в образе Ивана — огромная, испепеляющая ненависть к войне...

ОЛЯ В ПАЛАЦЦО КИНО

Лев КАССИЛЬ

ный приз — Золотой лев — советскому фильму «Иваново детство» Андрея Тарковского и итальянскому фильму «Семейная хроника» режиссера Велерио Дзурлини. В своем решении жюри подчеркнуло, что приз присуждается Тарковскому за отличное, поэтическое изображение глубоко драматической судьбы ребенка в годину войны, а Дзурлини — за проникновенное изображение больших чувств, переживаемых человеком, вспоминающим тяжелое прошлое.

Мы от всего сердца поздравляли радушных итальянских хозяев. А нас поздравляли буквально на каждом шагу с заслуженным огромным успехом.

Все, кому по-настоящему дорого подлинное искусство, служащее разуму, добру, справедливости, увидели в успехе советского фильма и глубоко человечной, с изумительным актерским мастерством сыгранной итальянской картины триумфальную победу передовых сил мирового киноискусства.

Куда менее убедительным показалось решение жюри наградить «Специальной премией жюри» французский фильм «Жить своей жизнью» режиссера Жана Люка Годара — картину, в которой большая и трагическая социальная тема в какой-то мере подменена частным происшествием, местами изложенным языком полицейского протокола. Удивило нас, как и многих других, что жюри никак не отметило страстный, полный гневного обличения и истинного трагизма фильм Пазолини «Мама Рома», главную роль в котором с поразительной силой исполнила Анна Маньяни. Что касается призов за лучшее исполнение отдельных ролей, то здесь общее мнение не разошлось с оценкой жюри: французская артистка Эммануэле Рива действительно с психологической тонкостью сыграла заглавную роль в фильме «Тереза Декейру», а Берт Ланкастер сделал все, что зависело от его таланта и мастерства, чтобы создать достоверный образ «Человека из Алькатраса» в американском фильме...

Были также присуждены и все остальные призы фестиваля. Но в первую очередь и публика и пресса отмечали исключительный триумф советского кино. Ведь совсем недавно на проходившем тут же, в Венеции, фестивале детских фильмов первый приз был присужден молодому советскому режиссеру Ю. Карасику за фильм «Дикая собака Динго». А еще один лев, Бронзовый, достался юному нашему режиссеру Андрею Кончаловскому за кинокартину «Мальчик и голубь». Так что в самолете, на котором мы летели домой, в багаже у нас было три венецианских льва: два Золотых и один Бронзовый. Недаром в Венеции шутили, что советскому кино досталась львиная доля успеха на венецианских фестивалях этого лета...

Венеция—Москва.

Сейчас я приступаю к работе над фильмом о великом русском художнике Андрее Рублеве. Сценарий мы пишем вместе с Андреем Кончаловским. Это будет, конечно, не историко-биографический, а современный фильм. Современный не по времени действия, а по мыслям, направленности, идее.

Судьба художника, его назначение, смысл его существования; художник и народ; верность идее, страсть и искренность в ее осуществлении, служение народу — вот мысли, которые нас волнуют, вот круг проблем будущего фильма...

Но, кроме этого фильма, современного по идее, мне хочется снять и фильм на современном материале. Этой следующей моей работой после «Андрея Рублева», вероятно, будет картина по не оконченной еще повести молодого сценариста Геннадия Шпаликова «С февралем в голове». Герои фильма — студенты; я знаю их еще по институту востоковедения, в котором учился до ВГИКа. В фильме будут показаны и рабочие — они мне тоже близки: почти два года я проработал в Сибири рабочим в геологической партии. И вот о тех, с кем я встречался, дружил, спорил, работал, мечтал — о советской молодежи,— мне хочется сделать фильм.

Фрунзе. На торжественном открытии Декады русской литературы в Киргизском государственном театре оперы и балета. Выступает Леонид Соболев.

ГОСТИ ТЯНЬ-ШАНЯ

Седьмого сентября в Киргизии началась Декада русской литературы. В гости к друзьям приехала большая группа писателей России: Леонид Соболев, Всеволод Кочетов, Сергей Баруздин, Евгений Поповкин, Александр Жаров, Сергей Смирнов, Ярослав Смеляков, Борис Ручьев, Маргарита Агашина, Татьяна Стрешнева, Сергей Бородин, Владимир Цыбин...

«Образно говоря, к этой первой на нашей земле Декаде русской литературы мы начали готовиться с той поры, как у нас появилась письменность, с первого дня установления Советской власти в Киргизии,— сказал первый секретарь правления Союза писателей республики Токтоболот Абдумомунов.— Поэтому наша письменная литература с первого же дня вбирала в себя лучшие традиции других братских литератур, и в первую очередь великой русской литературы».

Участники Декады побывали в заводских клубах, в колхозах, на фермах, в МТС, в здравницах на берегу Иссык-Куля. Встреча двух братских литератур стала радостным событием в культурной жизни страны.

ХЕРЛУФУ БИДСТРУПУ— 50 ЛЕТ

Свой юбилей он отметил на нашей земле. Советским людям, в том числе читателям «Огонька», хорошо знакомо имя этого великолепного датского карикатуриста. На страницах нашего журнала часто появляются его рисунки и карикатуры. И в этот раз, будучи в Москве, Х. Бидструп передал для опубликования в «Огоньке» свои рисунки. Вот один из них.

Чудо во Франции.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ РОБЕРТА ФРОСТА

Земля с ее трудами и раздумьями, радостями и заботами всегда была дорога американскому поэту Роберту Фросту. «Земля — вот то, что надо нам любить, и для меня нет ничего милее,— писал он еще в десятых годах и вздыхал: — Эх! Хорошо бы уходить, но возвращаться».

К началу второй мировой войны Роберт Фрост переживал тяжелое для себя время. Незадолго до этого он потерял без возврата спутника сорока лет его жизни — жену Элинор — и еще сравнительно молодого сына Кэрола. Ему самому уже было под семьдесят, и Фрост осознал себя стариком. Но он не потерял своего песенного дара, а следовательно, и воли жить. Так появилось в 1941 году известное его стихотворение «Войди» [1].

Подошел я к опушке лесной.
Тише, сердце,— внемли!
Тут светло, а там, в глубине,—
Словно весь мрак земли.

Слишком темно там для птиц,
Туда ли птице лететь,
Примащиваясь на ночлег?
Ведь она еще может петь.

Пурпуром яркий закат
Окрасил дрозда грудь.
Солнца хватит на песню одну.
Еще раз надо вздохнуть.

Спел и в потемки вспорхнул.
В темной тиши лесной
Слышится песнь вдалеке,
Словно призыв на покой.

Нет, не войду я туда,
Звезд подожду я тут.
Даже если б позвали меня,
А меня еще не зовут.

Но вот прошло еще семнадцать лет, и в 1958 году вместо поздравительной новогодней карточки друзья Фроста получили его книжечку с одним-единственным стихотворением «В путь!»

Восьмидесятичетырехлетний поэт, всегда призывавший держаться до последней возможности, на этот раз с неуемной, подчеркнуто простоватой и чуть-чуть озорной усмешкой как бы заглядывает за грань невозможного: «Эх! Хорошо бы уходить, но возвращаться».

В ПУТЬ!

Я путь держу
На дальний свет.
Туфли не жмут,
Поклажи нет.

В путь! Не страшась
Друзей вспугнуть:
Ведь, нагрузясь,
Легли соснуть.

Не прогнан я
От райских врат,
Не ждет меня
Кромешный ад.

Не верю в миф!
А слышу зов —
Влечет мотив
Простых стихов:

«Пора мне в путь!»
А коль во тьме
Не по нутру
Придется мне,—

Зрелей, чем был,
Вернусь тотчас
С тем, что раскрыл
Мне смертный час.

Но как бы далеко ни ушел поэт, к каждому поколению читателей возвращаются и будут возвращаться из прошлого его стихи, которые с годами не тускнеют, а, наоборот, приобретают все большую глубину и емкость.

Иван КАШКИН.

[1] Перевод стихов Фроста выполнен Ив. Кашкиным.

В редакцию журнала «Огонек» пришло письмо из Уфы. Один из любителей футбола выражает тревогу в связи с нашими неудачами на чемпионате мира в Чили. Мы публикуем с некоторыми сокращениями это письмо и ответ на него одного из лучших нападающих сборной команды СССР, участника чемпионата мира по футболу Виктора Понедельника.

На письмо от

УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ!

На страницах печати до начала VII чемпионата мира по футболу говорилось очень много как о самой сборной Советского Союза, так и о других национальных командах мира. Но вот чемпионат в Чили окончен, и что же? Исчезло со страниц все то, о чем с таким воодушевлением писалось целый год. Теперь мы не видим даже слова о «Золотой богине», а читаем не больше, не меньше, как о «статуэтке Нике».

За какую-то неделю кубок мира по футболу «Золотая богиня» превратился для нас в простую статуэтку Нике.

Видимо, шведский урок не пошел нам впрок. Да и чилийский может остаться малопоучительным, если мы и впредь будем молчать, разочарованные выступлением нашей сборной в Чили. Конечно, поражения всегда трудно принимаются, в какой бы форме они ни выражались (будь то товарищеская встреча или игра в четвертьфинале мирового чемпионата), но ведь в Чили не произошло ничего такого, отчего можно было бы отчаиваться. Все происшедшее вполне закономерно. А если кто и считает, что нам на мировом чемпионате просто не повезло, то это только лишь те, кто не совсем хорошо разбирается в футболе, а если и разбирается, то, во всяком случае, слеп от своей любви к сборной.

У нас почти вошло в правило: добились мы какого-либо успеха в спорте — все пишут об этом. Но стоит проиграть, как сразу наступает гробовое молчание. А ведь на ошибках мы должны учиться. Сейчас настало время поговорить о тех просчетах, которые мы допустили как в подготовке к чемпионату мира, так и в ходе его.

Первый и, пожалуй, самый важный просчет — это преждевременное расхваливание нашей сборной в печати. Повторилась та же самая история, что и четыре года назад в Швеции.

В «Неделе» было опубликовано мое письмо «Пари со сборной», где я говорил, что наша сборная не выйдет в четвертьфинал. Что произошло после такого моего выступления в печати? За короткий срок я получил около тысячи (!) писем из всех уголков нашей страны, в которых меня обвиняли в скептицизме и просто откровенно ругали, доказывая, что наша команда, как минимум, будет в тройке призеров.

Вот еще одна серьезная ошибка, допущенная нами. Кому нужны были игры перед самым чемпионатом в Коста-Рике и в Колумбии? Этот просчет дал себя знать уже в самом начале чемпионата. Наши футболисты ринулись с места в карьер и не смогли выдержать тех нагрузок, которые довольно легко переносили другие команды. И, пожалуй, ни одна из шестнадцати команд в Чили не была так измотана играми, как наша. Где же та физическая подготовка наших футболистов, о которой раньше так много писалось?

Да и сама подготовка нашей сборной в течение четырех месяцев — «это беспрецедентный эксперимент», писал один журнал. А кому нужны были «эксперименты» в период такой ответственной подготовки к чемпионату мира? Опыт подготовки на местах тех же чехов доказал, что и без длительной непрерывной подготовки можно рассчитывать на успех.

У нас обычно говорят: что было, то прошло. Да, это так. Но два чемпионата мира подряд должны насторожить тех, кто отвечает за подготовку сборной. В печати еще не раз вернутся к прошедшему чемпионату, но все взоры уже сейчас должны быть нацелены на VIII чемпионат, который состоится в 1966 году в Англии. А пока, независимо от того, в чьей стране находится «Золотая богиня», мы все склоняем перед ней свои головы. Долгих тебе лет жизни на футбольном поприще!

Убедительно прошу редакцию опубликовать мое письмо.

Заранее благодарен Вам.

Николай ЛЕОНТЬЕВ.

Прошло немало времени после чилийского чемпионата мира, но полные драматизма футбольные баталии продолжают волновать любителей спорта и, конечно, его непосредственных участников. Признаться, тяжело писать после поражения: чувствуешь горечь досады и разочарования. А ведь мы были так близко от заветного призового места на чемпионате!

Мысли мои беспрерывно вертелись вокруг прошедшего чемпионата, мне хотелось рассказать обо всем увиденном и пережитом, но в разгар сезона найти для этого время не так-то легко. Выручил меня «его величество случай»: операция ноги (сказалась старая чилийская травма). Я стал располагать неограниченным временем.

Трудно, трудно вспоминать прошедшие дни. Стал рыться в своих записях, которые я делаю постоянно во всех поездках за границу, и вот медленно, со скрипом, начала возникать полузабытая картина чилийских дней.

Почему же мы проиграли? Можно было бы ограничиться трафаретной фразой: мол, не ошибается тот, кто не играет. Можно было бы привести примеры удачных действий наших футболистов, но я не собираюсь этого делать.

Дело здесь совершенно в другом. Выходя на поле, команда прекрасно сознает, что успех ее зависит от слаженного действия всех одиннадцати человек. Естественно, каждый старается изо всех сил, да еще на чемпионате мира. И вот тут на сцену выходят факторы, незаметные на первый взгляд. Одним из таких важнейших моментов, на мой взгляд, является моральная и психологическая подготовка команды до игры. Недаром в Чили тренерам советской команды задали вопрос: «Есть ли у вас врач-психолог?» (А некоторые команды, в частности команда Бразилии, имели врача-психолога.)

Я считаю, что нашей сборной такой врач не нужен, ибо у нас в команде все люди нормальные, уравновешенные. Но то, что у нас перед играми иногда складывается нездоровая обстановка,— об этом поговорить следует.

Как много значат для спортсмена теплые, дружественные слова тренера или руководителя, сказанные перед игрой! Ты чувствуешь, как будто новые силы вливаются в твою душу, ты выходишь на поле жизнерадостным, ты играешь, а не отбываешь тяжелую повинность. Когда команда выигрывает, тогда все довольны — и тренеры и руководители; в теплых словах и улыбках тогда мы недостатка не испытываем. Так было и в Чили, когда мы выиграли у югославов, у команды, которая действительно была одной из самых сильных на чемпионате.

Но перед одной игрой я заметил странную, непонятную и неприятную вещь. Когда мы вышли на поле и выстроились, то замерли, стояли угрюмые и бледные. Я попробовал заговорить с соседями. Слева от меня стоял Воронин — в ответ он лишь улыбнулся какой-то неестественной улыбкой, а от Дубинского, другого моего соседа, который в этой игре сыграл бесстрашно и мужественно, я так ничего и не услышал. Лишь В. Иванов пытался какими-то шутками разрядить напряженную атмосферу: он, видимо, понимал, как неимоверно тяжело в такой обстановке начинать игру.

Команда СССР выходит на поле для встречи с командой Чили. Справа налево: И. Нетто, Л. Яшин В. Воронин, В. Понедельник, А. Мамыкин, Л. Островский, В. Иванов, Г. Чохели.

вечает Виктор Понедельник

В чем же дело? Почему, выходя на поле, футболисты других команд смеялись, пели, а мы были так неестественно сдержанны?

Я в сборной с 1959 года, и эту картину наблюдал не раз и в официальных и в некоторых товарищеских играх. Нас преследует какая-то фатальная боязнь проигрыша. Ведь каждая установка перед игрой примерно одна и та же (будь то сборная Уругвая или третьестепенный бельгийский клуб): «обязательно выиграть, не щадить своих сил, выиграть во что бы то ни стало».

О каких спокойных тренировочных или товарищеских играх может идти речь, о каких разработанных схемах, вариантах или тактических построениях? Все коротко и ясно: выиграть! Иначе...

«Иначе» — обыкновенное слово, когда его встречаешь в книгах, статьях. Но в нашей сборной это слово приобрело с давних времен какой-то зловещий смысл. Мне кажется, что вот именно давняя боязнь проигрыша сковывает ребят, не дает им играть в полную силу.

Именно в те часы, когда команду преследуют неудачи, она особенно нуждается в поддержке тренеров, а у нас в гостинице после ничьей с Колумбией никто не улыбался. А почему? Не сумели выиграть? Так что же? Ведь не все еще пропало! Всем было ясно: мы потеряли лишь одно очко. Но по настроению в команде было видно, как откуда-то из прошлого выползает слепая боязнь, боязнь следующей игры.

В этот момент важно было сразу же собрать команду, тепло и дружески поговорить с ребятами.

Бразильцы перед своей четвертьфинальной игрой с Англией.

Фото ЮПИ.

Но получилось по-иному: все отвернулись друг от друга, замкнулись в себе. Вспоминаю, как мы пролежали в номере с Мамыкиным всю ночь и не сомкнули глаз. А когда встретились наутро с товарищами, сразу поняли, что никто из них тоже не спал. Одна и та же мысль сверлила мозг: как это могло случиться — вести 4 : 1 и чуть не проиграть?

Когда руководство команды провело собрание, тепло, сердечно поговорило с ребятами,— тяжелый груз свалился с наших плеч. Так я еще раз убедился в том, что лучший врач-психолог — это дружеское, товарищеское отношение между всеми членами команды, будь то тренер или игрок, и уверенность в своем коллективе, в своих друзьях. Перелом настроения в команде во многом способствовал нашему успеху в игре с Уругваем.

Вся эта напряженная, нервная обстановка больше других повлияла на Льва Яшина, который очень переживал неожиданный исход в игре с Колумбией. Вспоминая

Нельзя ли для про

Петя Майкин, страстный болельщик футбола, пренебрег гвоздем. Речь идет о гвозде футбольного сезона — финальном матче на Кубок СССР. На следующий день Петя каялся и бил себя в грудь:

— Прогулял, братцы!

— Да ты понимаешь ли, что говоришь? Прогулять футбольный матч! Это тебе не работа.

— Вы... выпивши был. Ничего не помню.

— Это не причина. Отныне ни один честный болельщик не подаст тебе руки.

Володя Рыжиков катастрофически влюбился. Уже были пройдены важнейшие этапы на пути к законному финишу: кино, ПКиО, катание на лодке и кафе-мороженое. В глубине души Володя решил, что завтра произнесет последнее слово влюбленного. И вот уже назначено свидание у фонтана в ГУМе. А влюбленный не пришел. Напрасно была сделана прическа у лучшего парикмахера, напрасно были надеты туфельки на «шпильках».

Когда на следующий день, прижимая вспотевшие руки к груди, влюбленный пытался оправдаться, его ожидала полная презрения отповедь:

— Свидание — это не работа. Я с вами больше не знакома.

Какие все грустные и маловероятные истории! Ну кто, в самом деле, поверит, что ярый болельщик может прогулять решающий матч сезона? Фантастика! Чтобы нежный влюбленный не пришел на свидание? Невероятно! Нет, так не бывает.

А как бывает?

Бывает так. Не пришел человек на работу. Простаивает станок — день, другой, третий. А потом кто-то встречает прогульщика выходящим из пивной... на четвереньках.

— Тебя почему в цехе не видно?

— Никак руки не дойдут.

Думаете, выдумка? Ничуть не бывало. Если заглянуть на Московский завод малолитражных автомобилей, там найдется немало таких, у которых «руки не дошли».

Отчего, например, слесарь-сантехник А. Г. Пронин прогулял две недели? Вот объяснения: «Я, Пронин, прогулял оттого, что был слишком пьян, в результате чего получилась семейная драма».

В самом деле, надо иметь снисхождение, ведь душевные драмы, они не нормированы, и кто его знает, сколько требуется «Особой московской», чтобы залить горе. Впрочем, горе Пронин заливал уже не водкой, а... политурой. «Я пропил с себя все что было, меня взяли в милицию, но потом отпустили, так как я был больной: опился политуры. Если бы не эта жидкость, я бы не прогулял».

Надо сказать, что семейные неурядицы на заводе имеют почти эпидемический характер. К сожалению, болезнь эта протекает с такими тяжелыми последствиями, как пьянство и прогулы.

«Я, шлифовальщик Суровцев С. И., не вышел на работу, так как в семье получился большой скандал с тещей. К тому же был выпивши».

Теща ли довела до выпивки или выпивка довела до скандала — результат один: прогул.

Токарь В. В. Лазарев прогулял целый месяц. И опять подвела жена. «Жена сказала: давай поедем на Украину, и я с ней по глупости уехал, в чем допустил в жизни непоправимую ошибку. Так как она оказалась неисправимой женой, я решил ее оставить и вернуться обратно на прежнее место».

Вот спасибо Лазареву: решил все-таки вернуться! Но теперь за ним нужен глаз да глаз: вдруг жена исправится и предложит неустойчивому супругу махнуть куда-нибудь на Таймыр или в Сочи?..

Комсомолец Олег Шишков бросил работу. В отделе кадров гадали: поскандалил с тещей или улетел с женой на курорт? Сомнения рассеялись через две недели, когда на завод пришло письмо. «На Малаховскую швейную фабрику зачислен и направлен на учебу бывший ваш рабочий токарь 6-го цеха Шишков О. М. Трудовую книжку он не получил, не снялся с комсомольского учета и не получил расчета. Прошу срочно выслать документы, зарплату и служебную характеристику для поступления в институт». Подписал сию бумагу начальник отдела кадров Шишков М. Н. Улавливаете связь? Шишков М. Н.— папаша, Шишков О. М.—сынок. Если сейчас спросить сынка, как оценивает он эту историю, он, надо полагать, ответит: папенька подвел. Что касается служебной характеристики прогульщика, то вряд ли есть надобность ее сочинять: она вытекает из вышеизложенного.

Но подведем некоторые итоги. В отделе кадров завода нам любезно сообщили: в первом квартале прогуляли 99 человек, а 23 были осуждены за мелкое хулиганство и провели в милиции в общей сложности 204 дня. Что касается второго квартала, то тут наблюдается определенный рост: 132 прогульщика и 43 осужденных на 351 день. Итак, 66 мелких хулиганов растратили довольно крупную сумму времени: 555 дней. За полгода потеряно полтора года! Легко представить себе, сколько малолитражек могло быть выпущено за этот срок, если бы отдельные работники завода реже пускали в ход четвертинки, поллитровки и литровки.

Но тут нам слышится протестующий глас «многолитражников»:

«Да разве ж мы прогульщики? Разве мы сидели сложа руки? Да мы работали! Мы... того, улицы подметали!»

Согласны. Помело, конечно,— тоже необходимое орудие, и подметание улиц — тоже общественно полезный труд. Но в таком случае, граждане «многолитражники», не следует ли вам переменить квалификацию? А может быть, лучше пересмотреть нормы поведения?

Рисуя себе прогульщика, обычно представляют фигуру, которая, выделывая кренделя, прогуливается где-то вдалеке от рабочего ме-

---

игры в Чили, я восхищаюсь этим человеком. Он нашел в себе силы и блестяще сыграл с Уругваем. А как парировал Яшин два выхода один на один чилийского форварда Ланды! Когда же Ланда ударил Яшина по голове, наш вратарь нашел в себе силы для дальнейшей борьбы.

У меня до сих пор в памяти момент из второго тайма игры с чилийцами. Мы проигрываем 1 : 2, наши защитники упускают центрфорварда Ланду один на один с Яшиным. Ланда оторвался от всех метров на семь. Он спокойно обрабатывает мяч, никто не в силах помешать ему. Все застыли, утихли трибуны. Ланда пытается обмануть Яшина и делает ложный замах. Яшин не реагирует, он застывает и делает вид, что все уже пропало. А когда Ланда успокоился и после продвижения к воротам пробил, Яшин во встречном броске отбил мяч на угловой. Трибуны взревели. Да, Яшин так и остался Яшиным!

Возвращаясь к нервной перегрузке, царившей в нашей команде на чемпионате мира, я думаю, как нам был нужен наш замечательный весельчак Бубукин, которого, кстати говоря, слишком рано списали в архив. Как бы он пригодился команде и как хороший игрок и как неистощимый «производитель смеха»!

Вспоминаю игры на Кубок Европы в Париже, которые почти ни в чем не уступали по напряжению играм первенства мира, всегда буду помнить веселый, заразительный смех Валентина. Его шутки, песни заставляли смеяться всю команду. Как нам не хватало всего этого в Чили!

Да, как видите, дорогие читатели, жизнь футболиста — сложная штука. Бывают у нас, конечно, и радостные дни, но немало и грустных, ибо сегодня твоя команда выиграла и ты со щитом, а завтра проиграла и тебя, образно говоря, окунают в ледяную воду.

И все-таки для людей, беспредельно любящих футбол, эта замечательная, благородная игра является эликсиром бодрости. Мы

Чехи поздравляют друг друга с победой над сборной Венгрии.

ГУЛОК...

В. ПРИВАЛЬСКИЙ

Фельетон

Рисунки Л. Самойлова.

ста. Но нет правил без исключений. Можно, оказывается, стать прогульщиком, не отходя от рабочего места. Именно такая методика получила некоторое распространение на заводе «Красный богатырь». Вот какая докладная записка была представлена недавно начальнику цеха тов. Петровой: «Слесарь Загуменов явился на завод до начала смены в нетрезвом виде. К началу смены был в невменяемом состоянии. Поскольку в таком состоянии его невозможно было вынести за пределы завода, то он был оставлен в цеху».

Не в лучшем положении оказался его коллега Сорокин, который сперва честь по чести вышел на работу, но «ввиду того, что был выпивши, не смог работать», о чем с завидным спокойствием повествует он в своей объяснительной записке. И, чтобы не очень затрудняться, он на следующий день уже к началу смены явился нетрезвым.

Оба отделались выговорами.

В системе выговоров прогульщикам и пьяницам существует, на наш взгляд, некоторая неразбериха. Есть выговоры простые, строгие, с предупреждением, со строгим предупреждением, с последним предупреждением и т. п. Иному прогульщику закатывают полный набор выговоров, а потом начинают сначала. В этом отношении выговоры имеют нечто общее с детективными романами, печатающимися в журналах: на самом интересном месте роман обрывается — «Продолжение следует». Правда, авторы романов рано или поздно ставят точку, а авторы выговоров не всегда.

На московский завод «Газоаппарат» однажды в мае был принят электрокарщик Н. Д. Иванов. Уже через несколько дней он совершил прогул и получил выговор. Не прошло и двух недель, как Иванов вновь загулял и вновь получил выговор. Засим последовали прогул в июне, два прогула в июле и т. д. Соответственно посыпались и самые разнообразные выговоры. Словом, «продолжение следовало» до тех пор, пока начальник отдела кадров тов. Орлов не решил поставить точку и написал отношение в 85-е отделение милиции с просьбой «принять меры к Иванову как к тунеядцу, который не работает и пьянствует».

Но тут точка обратилась в запятую. Участковый уполномоченный Гавриленко нанес визит Иванову и сделал ему, так сказать, отеческое внушение. Внушение Иванов выслушал и... снова прогулял.

Интересно, кто и когда поставит последнюю точку на деле прогульщика Иванова?

Любимый прогульщик... Разве такое бывает? К сожалению, встречается.

Был такой любимчик на авторемонтном заводе № 3 Мосгорисполкома. Это П. И. Кизин. Впервые стены завода приняли Кизина в 1950 году, а два года спустя Петр Иванович уже покинул родные пенаты, держа в руках приказ об увольнении за прогул. Через несколько дней раскаявшийся прогульщик появился в отделе кадров и произнес покаянную речь: «Решил исправиться. Больше — ни маковой росинки».

И Кизина приняли молотобойцем. А ровно через год уволили как дезорганизатора производства. Две недели заливал он горе вином, а потом пришел обратно. «Я, братцы, исправился. Больше ни одной рюмки в рот не возьму».

И сердобольные братцы вновь взяли Кизина на завод. А потом... Короче говоря, время от времени бравый прогульщик увольнялся, но с регулярностью маятника возвращался. При этом он каждый раз давал торжественное обещание. То он заявлял, что теперь уж ни одного стакана в рот

не возьмет, то клялся, что ни одного графинчика больше не раздавит.

Дважды в его биографии появлялся пробел, который, впрочем, можно обрисовать черными красками: отбывал срок за хулиганство. Вернувшись из последней принудительной командировки и дав очередную клятву, он пожаловался: «С московской пропиской у меня... того... заминка». На этот раз администрация и завком решили принять энергичные меры. Как это любимого прогульщика не прописывают? Надо нажать! И нажали. Уладив дело с пропиской, сердобольные братцы снова нажали и выхлопотали для своей знаменитости комнату в новом доме.

Ну, как тут не выпить на радостях? Как не вспрыснуть новоселье, как не опрокинуть рюмку за дорогих радетелей? И Кизин наклюкался... и был уволен за прогул.

Но к этому времени наш герой уже смекнул, что он не обыкновенная персона, а действительный штатный прогульщик и увольнение — это вроде как бы мера поощрения: уволят, а потом либо на другую должность примут, либо комнату дадут. И любимчик опять пошел в отдел кадров.

Так нянчились с прогульщиком еще немало времени, и герой отблагодарил нянек: устроил дебош, угрожал убийством собственной жене, пока вновь не был схвачен за руку милицией.

Но кто его знает, может быть, на авторемонтном заводе опять с нетерпением ждут героя: как-никак, любимый прогульщик. Интересно, чем порадуют его по возвращении из места заключения?..

В начале этого фельетона было приведено несколько маловероятных, почти фантастических случаев. Сейчас мы нарисуем пока тоже фантастическую картину.

Володя Рыжиков, молодой каменщик, катастрофически влюбился. Однажды, вместо того чтобы пойти на стройку, он отправился на свидание.

Когда на следующий день, прижимая руки к груди, влюбленный пытался оправдаться, его ожидала полная презрения отповедь:

— Работа — это не свидание. Больше наша бригада тебя и знать не хочет.

Надо, чтобы было именно так. Вокруг прогульщиков должна существовать атмосфера непримиримости.

любим наш футбол и, естественно, хотим, чтобы он был на первом месте не только в Европе, но и в мире. Что же надо для этого в первую очередь?

Заканчивается сезон 1962 года, сезон интересный и поучительный. Как никогда, видно, что система розыгрыша первенства страны себя не оправдала. Разделение очков на «золотые» и «незолотые» привело к снижению спортивного интереса в некоторых играх, особенно во встречах лидеров и аутсайдеров. А ведь именно такие игры всегда давали самые неожиданные результаты, заставляли ведущие клубы проводить их на хорошем уровне.

Надо подумать и об уроках прошедшего первенства мира. Теперь, вероятно, необходимо засучить рукава и браться за работу: ведь уже в следующем году начинается розыгрыш Кубка Европы, а в 1964 году будет проводиться футбольный турнир на олимпиаде в Токио.

Но почему царит явное затишье? Отставание нашего футбола в технике стало притчей во языцех. Вспоминая прошедший чемпионат, хочется особенно отметить высокотехничную игру бразильцев и колумбийцев. Что прежде всего бросается в глаза? Вся работа с мячом проводится мягко и непринужденно. Вы очень редко увидите какой-нибудь эффектный трюк, все делается просто, экономно, точно и надежно. Южноамериканские футболисты превосходят нас, европейцев, в искусстве исполнения элементарных технических приемов (остановки мяча, тончайшие ювелирные передачи, подсечки и удары по мячу из любых положений). Выполнение элементарных приемов доведено до автоматизма.

Для меня ясно, что механические навыки должны прививаться с детских лет и только в игровой обстановке. Другого пути нет.

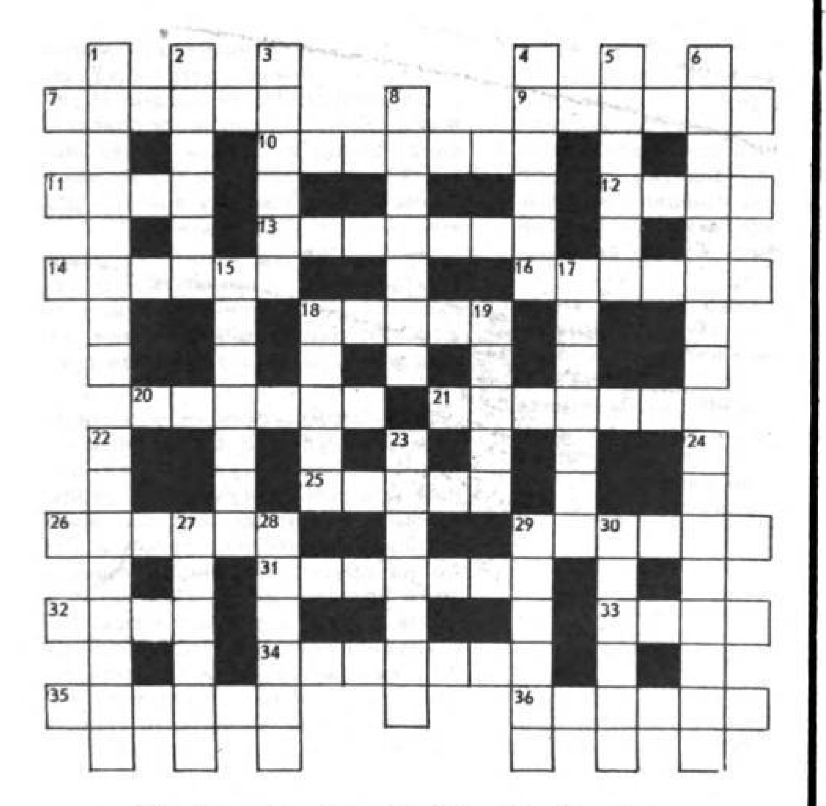
Что характерно в игре многих наших команд? Ничем не приметная команда вдруг сверкнет, выиграв у более сильных противников. Вокруг этого начинается множество разговоров. Появилась-де новая команда, со своим почерком, со своим стилем и т. д. Проходит немного времени, и все успокаиваются. Ничего особенного не произошло. Очередная вспышка энтузиазма, которая обычно не подкрепляется солидной технической и тактической базой.

Пишу эти строки, а сам думаю: какую огромную работу предстоит провести всем, кто любит наш футбол! Мысли бегут дальше. Интересно: как футбол будет развиваться в будущем? Как будут люди играть через несколько десятков лет?

Футбол у нас в стране получил небывалое распространение и завоевал любовь миллионов, поэтому всем нам хочется видеть наш советский футбол на первом месте в мировой футбольной иерархии. Чтобы достичь этих вершин, надо много и упорно работать.

Ростов-на-Дону.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Столица Ирака. 9. Лесная птица. 10. Автор поэмы «Неистовый Роланд». 11. Государство в Африке. 12. Комиссия, присуждающая призовые места, награды. 13. Теплое течение Тихого океана. 14. Быстрый, виртуозный пассаж в пении. 16. Старинный экипаж. 18. Мягкий металл. 20. Машинное масло. 21. Периодическое издание. 25. Большое зеркало. 26. Сельдяной кит. 29. Листок успеваемости школьника. 31. Средний уровень воды в водоеме. 32. Городской сад. 33. Приток Дуная. 34. Буквоотливная наборная машина. 35. Выдержка из текста. 36. Небольшой луг.

По вертикали:

1. Мех. 2. Сорт гречневой крупы. 3. Действующее лицо оперы С. Гулак-Артемовского «Запорожец за Дунаем». 4. Рукав реки. 5. Колпак для лампы. 6. Механизм, создающий колебательные движения. 8. Часть удочки. 15. Футбольная команда. 17. Раздел математики. 18. Вид гравюры. 19. Штат в США. 22. Картина В. Маковского. 23. Персонаж романа А. Фадеева «Молодая гвардия». 24. Итальянский физиолог, один из основателей учения об электричестве. 27. Здание для пассажиров. 28. Специалист по проводке судов. 29. Коллектив артистов. 30. Украинский музыкальный инструмент.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 37

По горизонтали:

4. Плавунчик. 6. Консультант. 9. Спевка. 10. Рубенс. 14. Трест. 15. Бобслей. 16. Ведро. 17. Жаворонок. 18. Белобочка. 20. Откос. 21. Гильза. 22. Ребус. 25. Свинец. 26. Богота. 29. Ковалевская. 30. Древесина.

По вертикали:

1. Вакса. 2. Публицист. 3. Счеты. 4. Проект. 5. Кунжут. 7. Сейсмология. 8. Железобетон. 9. Сервантес. 11. Структура. 12. Погодин. 13. Печенье. 19. Бельведер. 23. «Рекорд». 24. Морава. 27. Балет. 28. Эскиз.

На первой странице обложки: Будущий чаевод Насханум Аскерова учится в Ленкоранском сельскохозяйственном техникуме (см. репортаж «...Перед тобой Ленкораны!»).

Фото Д. Ухтомского.

На последней странице обложки: В Рижском порту (см. очерк А. Старкова «Люди и рыба»).

Фото А. Гостева.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление Е. Казакова.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники—Д 3-38-08; Юмора—Д 3-32-13; Спорта—Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00539. Подписано к печати 13/IX 1962 г.
Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 1613. Заказ № 2522.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

После выступления «Огонька»

«ВНИМАНИЕ! ЛИТЕР «Ф»

Почему мало фруктов и овощей на прилавках магазинов? В № 29 «Огонька» были опубликованы четыре ответа на этот вопрос из четырех городов страны. И в каждом из ответов утешительного мало: горожанам приходится втридорога покупать фрукты и овощи на базаре. Горожане, разумеется, недовольны.

А как относятся к этому руководители организаций, от которых зависит ассортимент овощей и фруктов в магазинах?

В полученных нами письмах они признают, что «Огонек» выступил правильно, и сообщают, что сейчас положение улучшается. Начальник Главного управления торговли Мосгорисполкома В. Гуляев пишет, что овощей завозится в столицу больше, торговая сеть в этом году значительно расширена.

Начальник управления торговли Киевского горисполкома Г. Астистов сообщает, что торгующим организациям даны указания исправить положение и что сейчас торговля овощами и картофелем улучшается: продлены часы работы плодоовощных магазинов, расширен ассортимент. Однако и москвичи и киевляне по-прежнему недовольны поставщиками. Совхозы и потребительская кооперация плохо снабжают Москву огурцами. Киевский трест овоще-молочных совхозов продолжает завозить в город нестандартные овощи.

Малоутешительные вести пришли из Свердловска. Овощей и фруктов мало, а спрос на них огромный. А доля кооперативной торговли в обороте рынка по овощам всего 1,6 процента, по фруктам и ягодам — и того меньше. Об этом сообщил нам председатель правления Свердловского облпотребсоюза А. Конушкин. Он рассказал, какие приняты меры для решения «грибной» проблемы: организовано 200 грибоварочных пунктов, 500 приемо-заготовительных пунктов, проведены семинары с грибоварами и другими работниками, связанными с заготовками дикорастущих плодов и ягод.

Судя по письмам, в Свердловске неплохо осведомлены о фруктовых бедах южных районов страны. Заместитель начальника Свердловского областного управления торговли В. Сахарный сам побывал в Ферганской области.

«Свердловский облисполком неоднократно просил в виде исключения разрешить торгующим организациям Свердловской области вести закупки фруктов и овощей в южных районах страны,— пишет В. Сахарный,— но нам в этом отказано, и напрасно, мы могли бы оказать большую помощь в районах заготовок тарой, транспортом и другими средствами».

Из Министерства торговли РСФСР сообщили следующее:

«Вопрос о недостатках в торговле плодоовощами в Москве был обсужден в Совете Министров РСФСР и на заседании Коллегии Министерства торговли, где руководителям Главного управления торговли Мосгорисполкома было строго указано на их неудовлетворительную работу по обеспечению своевременного завоза ранних овощей, зелени и фруктов.

В настоящее время произведено укрепление руководства управления Мосгорплодоовощ — назначены новый начальник управления и его первый заместитель.

Для усиления заготовок и проверки на месте состояния торговли плодоовощами в Свердловск командирован ответственный работник министерства.

В ближайшие дни по этому вопросу в министерстве будет заслушан отчет управления торговли Свердловского облисполкома».

Из Ташкента мы получили постановление республиканского союза потребительских обществ.

Да, дело обстоит точно так, как описано в журнале. Фрукты есть, урожай в этом году неплохой, но вывозится очень мало. Особенно это относится к Андижанскому, Ферганскому и Самаркандскому облпотребсоюзам.

Пришел ответ и из правления Центросоюза. Выступление «Огонька» признано правильным. Заготовка овощей, плодов и ягод ведется еще плохо. В постановлении правления Центросоюза намечен ряд мероприятий, которые должны улучшить снабжение городов овощами и фруктами.

ЧИТАТЕЛЬ ПОДДЕРЖИВАЕТ

Мы прочитали в журнале «Огонек» материал «Почему смеются неваляшки» (№ 29). Как могло случиться, что жулики до сих пор гуляют на свободе? Нас, пенсионеров, ветеранов труда, больше всего возмущает позиция совнархоза Латвийской ССР и Министерства торговли республики.

Р. НОВИКОВ

Запорожье.

Чувство гнева вызывает тот факт, что комиссия по расследованию фельетона «Неваляшки» до настоящего времени не разоблачила жуликов Алтманиса, Герлиньша, Берга и им подобных.

М. ПОЛИТОВ

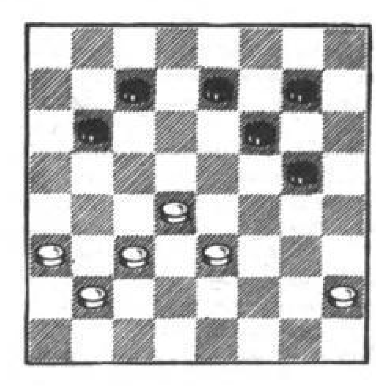
Шабалино,
Кировская область.

В № 33 «Огонька» я прочитала репортаж из монастыря «Потерянная жизнь». Подумать только: монастырь в наше время! Советская страна запускает в космические дали корабли. Весь наш народ самоотверженно строит коммунистическое общество. А в городе Корец несколько десятков людей отгородились от жизни монастырской стеной. Что же делают в Кореце пропагандисты и агитаторы?

Е. ВЕРБИНСКАЯ.

Ленинград.

ШАШКИ

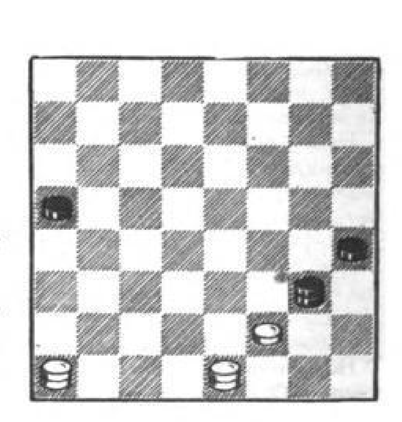

Под редакцией мастера Г. Я. Торчинского

Концовка
И. Кобцев
(Советская Армия)
Белые начинают и выигрывают

Этюд
Д. Калинский (Ленинград)

Белые начинают и выигрывают

ТМО

ТЕАТР МИНИАТЮР «ОГОНЬКА»

Однажды в парке

Сценки, подсмотренные В. Воеводиным, в исполнении Афанасия БЕЛОВА, с декорациями Ю. Черепанова.
Оператор — Римма Лихач.

Подхалим.

Управдом: — Не в нашем дворе стоит. В первый же год спилили бы.

— Уйми своих, а то нашим завидно!

Браконьер:
— Нет ли инспектора?

Критик-конъюнктурщик:
— Никак не пойму: куда ветер дует?

— Стыдно? А меня здесь никто не знает: я командированный.

Цена номера 30 коп.